

А.Скорыкина

АНРИ БАРБЮС

СТАЛИН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
33 левая	3 снизу	отставить	отстаивать
58 правая	6 »	молодые	людные
74 правая	22 сверху	эффективно	эффектно

Ари Барбюс. Сталин

Зак. 593

HENRI BARBUSSE

STALINE

UN MONDE
NOUVEAU VU
A TRAVERS
UN HOMME

Перевод с французского под редакцией **А. И. СТЕЦКОГО**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Сталин» — последнее большое произведение Анри Барбюса.

Этой книгой Анри Барбюс закончил свой славный жизненный путь — путь крупнейшего писателя, пламенного публициста, достойного сына французского народа, непримиримого борца против империалистической войны и фашизма.

Имя Анри Барбюса, верного друга Советского Союза, хорошо известно трудящимся нашей страны.

Его роман «В огне», в котором с большой художественной силой он показывает правду империалистической войны, и по сей день является и у нас и за границей одним из наиболее популярных литературных произведений.

Об этой книге Ленин писал в свое время: «Превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками, обывателя и мас-совика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво» (Ленин, т. XXIV, стр. 397).

Подняв свой протест против империалистической войны, против звериного буржуазного национализма, Анри Барбюс не останавливается на этом. Он быстро осознает беспочвенность, шаткость, иллюзорность абстрактного гуманизма и пацифизма. Мужественно и смело вскрывает писатель-боец, что действительные причины чудовищных, истребительных войн коренятся в самом строе капиталистической эксплуатации, насилия, порабощения миллионов, грабежа колоний и малых стран, империалистического соперничества. Он настойчиво ищет и находит в рабочем классе ту единственную и могучую силу, которая способна и стремится опрокинуть этот позорный строй рабства, раскрепостить человеческую личность. Он бесповоротно переходит в лагерь пролетариата, становится в передовую шеренгу его революционных борцов и в 1923 году вступает в коммунистическую партию.

И вот Барбюс, один из виднейших представителей французской интеллигенции, встав на новый путь, бросается в борьбу со всем своим пламенным темпераментом бойца-революционера: он отдает делу пролетариата свой большой художественный талант, создавая выдающиеся произведения революционной литературы; он выступает на страницах своего журнала «Монд» как блестящий публицист, вскрывая ложь, фальшь и лицемерие буржуазных порядков, зовя к борьбе с ними; он организует революционную ассоциацию бывших фронтовиков; он создает широкие организации трудящихся и интеллигенции всех стран для борьбы против империалистической войны и фашизма, в защиту Советского Союза; он выступает инициатором Амстердамского антивоенного конгресса и Международного конгресса писателей в защиту культуры, против фашизма и войны. Везде и всюду Анри Барбюс действует в защиту Советского Союза. В нашей стране он видит зарю новой жизни, зарю освобождения человечества.

И свою последнюю книгу Барбюс посвящает тому, кто является вождем великой борьбы за освобождение человечества: он посвящает ее — Сталину.

«Грандиозна задача, — пишет Барбюс, — воссоздать облик человека, так неразрывно слитого с работой мирового значения, образ политического бойца, сквозь

который видны миры и эпохи. Следуя за ним по путям его жизни, мы вступаем на почву истории, мы бродим по нехоженным дорогам, мы соприкасаемся с еще не опубликованными главами библии человечества. Документы стекаются, нагромождаются со всех сторон. Их слишком много, и слишком многое открывается перед нами в этих обновленных горизонтах. Приходится прорубаться сквозь факты и документы, приходится постепенно расчищать просеки в этой еще горячей, еще взволнованной и живой энциклопедии».

Барбюс напрягает все свои творческие силы, чтобы начертать образ Сталина, чтобы показать новый мир, создаваемый миллионами под руководством Сталина.

Барбюс изучает материалы истории партии и Советского Союза, документы социалистического строительства, все, что написано и сказано о Сталине. Биографию Сталина он дает на большом историческом полотне революционного движения в прежней России и героической борьбы и строительства государства пролетарской диктатуры. Он ведет читателя последовательно через все этапы, начиная с зарождения партии и первых шагов Сталина в большевистском движении вплоть до нынешних дней, вплоть до превращения советского государства в могучую мировую социалистическую державу.

Он изображает Сталина как верного ученика и последователя Ленина.

«После смерти, — говорит Барбюс, — человек живет только на земле. Ленин живет всюду, где есть революционеры. Но можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин — это Ленин сегодня».

В книге есть замечательные, вдохновенные страницы, где Барбюсу удается подняться на высоту своей задачи и действительно показать в ярких чертах образ Сталина, силу его гения, сталинский стиль работы, где он со всей страстной силой ненависти бичует капиталистический мир и противопоставляет ему великую творческую работу народных масс Советского Союза, строящих социалистическое общество.

Надо иметь однако в виду, что Барбюсу на том расстоянии, на каком ему пришлось писать о нашей партии, об истории ее борьбы, не всегда удавалось правильно видеть все обстоятельства и ход борьбы на отдельных этапах. Его книга, разумеется, не является книгой по истории партии. Советский читатель, например, заметит, что Барбюс, изображая борьбу партии с оппозицией, упускает из виду, что оппозиция, как троцкистско-зиновьевская, так и правая, выступая со своими антиленинскими взглядами, выражала внутри партии сопротивление враждебных пролетариату классов. Это обстоятельство не учитывается Барбюсом. Барбюс дает также в некоторых местах свои особые определения марксизма-ленинизма, которые нельзя признать удачными.

Несмотря на эти отдельные недостатки, книга будет прочтена советскими читателями с огромным интересом.

Эта книга — первая попытка большого талантливого европейского писателя дать образ вождя пролетариата и трудящихся масс, гениального продолжателя Ленина, дать образ Сталина.

Книга написана с огромной любовью к Советской стране, к ее народам, к ее вождю.

И несомненно, ряд ее блестящих, мастерских страниц, характеристик, определений — навсегда войдут в наше сознание, ибо они выражают с огромной силой и искренностью то, что думают, что чувствуют все борцы за социализм.

Редакция старалась дать возможно точный перевод французского оригинала. Однако ей не удалось в полной мере передать богатый, блестящий язык Барбюса, который был выдающимся мастером французской прозы. Так, не удалось точно передать на русский язык сжатый и выразительный подзаголовок книги: «Un monde nouveau vu à travers un homme», что в буквальном переводе означает: «Новый мир, видимый через человека».

Все многочисленные цитаты приводились по русским первоисточникам. В двух-трех местах, где Барбюс неправильно указывает авторов, на которых он ссылагается, сделаны исправления.

Добавления, которые Барбюс сделал к русскому изданию книги, особо огорожены в примечаниях.

В редактировании перевода принимали участие гг. И. И. Анисимов и А. Ю. Тивель. Первоначальный текст перевода сделан тов. А. М. Роммом.

А. СТЕЦКИЙ.

СТАЛИН

ЧЕЛОВЕК ЧЕРЕЗ КОТОРОГО РАСКРЫВАЕТСЯ НОВЫЙ МИР

I

Красная площадь — центр Москвы и огромной европейской и азиатской России. Центр Красной площади — мавзолей. На левом крыле мавзолея, в котором спит словно живой Ленин, стоят рядом пять, шесть человек. Издалека они неотличимы друг от друга.

А кругом сходятся и расходятся симметрическое кипение масс. Кажется, будто оно выходит из-под земли и туда же, под землю, уходит. Во всю длину и ширину площади, от края до края, калейдоскопически развертывается процессия — нескончаемое шествие, над которым трепещут кумач и шелк, отягощенные буквами, словами; материя взывает. Или это — колоссальный спортивный праздник: в своем стремительном движении вперед, он разрастается, как парк. Или, наконец, — движение самой мощной армии в мире, разбитый на четырехугольники красноармейский народ.

Перед нами всплывает то та, то другая часть празднества: сверканье движущейся щетины штыков, или шеренга юношей и девушек, или просто цепь гордых, счастливых, смеющихся и светящихся лиц.

Этот многочасовой одухотворенный прибой, этот восторг, излучаемый толпами, заполнившими ряды трибун вдоль зубчатой стены Кремля, кипит водоворотом возгласов и восклицаний. У этого водоворота есть центр. Возгласы сливаются в одно имя: «Сталин!» «Да здравствует товарищ Сталин!» Один из стоящих на мавзолее Ленина подносит руку к козырьку или приветственно поднимает ее, согнув в локте и выпрямив ладонь. Человек этот одет в длинную военную шинель,

что, впрочем, не выделяет его среди других, стоящих рядом.

Он и есть центр, сердце всего того, что лучами расходитя от Москвы по всему миру.

В Советской стране его изображение — в скульптуре, живописи и фото — повсюду рядом с изображением Ленина. Нет того уголка на заводе, в казарме, в учреждении, нет той витрины, где на красном фоне, между живописной диаграммой социалистической статистики (антирелигиозная икона!) и эмблемой серпа и молота, мы не увидели бы его лица. Недавно в России и других советских республиках был на всех стенах расклеен плакат с огромными находящимися друг на друга профилями двух умерших и одного живого: Маркс, Ленин, Сталин. Не много есть таких жилых комнат в рабочей ли, в интеллигентской ли семье, где не было бы портрета Сталина.

Вот оно — лицо народа, населяющего шестую часть мира, того нового народа, который вы любите или ненавидите.

Через несколько часов — обед. В России время его не отличается определенностью: у огромного большинства «ответственных» распределение дня зависит от работы. На сей раз пусть это будет, если угодно, в два часа дня.

Кремль — это многоцветная крепость, возвышающаяся в самом центре Москвы. За стеной с варварскими башенками, раскрашенными в зеленый и красный цвета, расположен целый го-

род древних златоглавых церквей и старинных дворцов (там есть также большой новый дворец выстроенный в XIX веке одним из богатых помещиков романовской династии и похожий на отель Карлтон).

Тут, в Кремле, напоминаящем выставку церквей и дворцов, у подножия одного из этих дворцов, стоит маленький трехэтажный домик. Домик этот (вы не заметили бы его, если бы вам не показали) был раньше служебным помещением при дворце; в нем жил какой-нибудь царский слуга.

Поднимаемся по лестнице. На окнах — белые полотняные занавески. Это три окна квартиры Сталина. В крохотной передней бросается в глаза длинная солдатская шинель, над ней висит фуражка. Три комнаты и столовая. Обставлены просто, — как в приличной, но скромной гостинице. Столовая имеет овальную форму; сюда подается обед — из кремлевской кухни или домашний, приготовленный кухаркой. В капиталистической стране ни такой квартирой, ни таким меню не удовлетворился бы средний служащий. Тут же играет маленький мальчик. Старший сын Яша спит в столовой, — ему стелют на диване; младший — в крохотной комнатке, вроде ниши.

Покончив с едой, человек курит трубку в кресле у окна. Одет он всегда одинаково. Военная форма? — это не совсем так. Скорее намек на форму — нечто такое, что еще проще, чем одежда рядового солдата: наглухо застегнутая куртка и шаровары защитного цвета, сапоги. Думаешь, припоминаешь... Нет, вы никогда не видели его одетым по-другому — только летом он ходит в белом полотняном костюме. В месяц он зарабатывает несколько сот рублей — скромный максимум партийного работника (полторы-две тысячи франков на французские деньги).

У человека с трубкой немного суровое лицо рабочего. Не глаза ли — экзотические, чуть-чуть азиатские — придают ему ироническое выражение? Есть у него что-то такое во взгляде, в чертах лица, от чего он все время кажется улыбающимся. Или, точнее — постоянно кажется, будто он сейчас смеется. Таким же был когда-то и тот, другой. Не то чтобы взгляд был немного насмешлив, но глаза постоянно прищурены. Не то чтобы нечто львиное в лице (хотя есть отчасти и это), но выражение тонкого крестьян-

ского лукавства. Он очень часто улыбается и смеется от чистого сердца. Говорит он мало — он, умеющий три часа подряд беседовать с вами по случайно заданному вопросу, умеющий так осветить любую проблему, что в ней не останется ни одной неясной грани. Он смеется и даже хохочет гораздо охотнее, чем говорит.

Вот он — величайший и значительнейший из наших современников. Он ведет за собою 170 миллионов человек на 21 миллионе квадратных километров. Он соприкасается в работе с множеством людей. И все эти люди любят его, верят ему, нуждаются в нем, спланиваются вокруг него, поддерживают его и выдвигают вперед. Во весь свой рост он возвышается над Европой и над Азией, над прошедшим и над будущим. Это — самый знаменитый и в то же время почти самый неизведанный человек в мире.

Биография Сталина, — говорит Калинин, — является весьма важной частью рабочего революционного движения в России.

Неотделимой его частью. И как в Советском Союзе, так и здесь (на Западе) — всякий, кто мыслит, скажет вам то же самое, теми же словами.

Грандиозна задача — воссоздать облик человека, так неразрывно слитого с работой мирового значения, образ политического бойца, сквозь который видны миры и эпохи. Следуя за ним по путям его жизни, мы вступаем на почву истории, мы бродим по нехоженному дорогам, мы соприкасаемся с еще не опубликованными главами библии человечества. Документы стекаются, нагромождаются со всех сторон. Их слишком много, и слишком многое открывается перед нами в этих обновленных горизонтах. Приходится прорубаться сквозь факты и документы, приходится постепенно расчищать просеки в этой еще горячей, еще взволнованной и живой энциклопедии.

И тут мы попадаем в самую сердцевину величайшего вопроса не только нашего времени, но и всех вообще времен: каково же будущее рода человеческого, так измученного историей, какова та мера благополучия и земной справедливости, на которую он может рассчитывать? На что в последнем, великом итоге могут надеяться два миллиарда людей?

Этот вопрос возник из самых глубин человечества; он поднят, освещен и

поставлен в порядок дня несколькими современными преобразователями, желающими изменить весь мир справедливым землетрясением: и человек, стоящий сейчас перед нашим взором, является их представителем

РЕВОЛЮЦИОНЕР ЦАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Было это полстолетия тому назад, в 1879 году, в грузинском городке Гори, который правильнее будет назвать не городком, а деревней. В домике на кирпичном фундаменте, с кирпичными углами и деревянными стенами под тесовой кровлей, в домике, где спереди была дверь, а сзади вход в погреб, — родился мальчик. Его называли Иосифом. Окружающая обстановка не отличалась особой привлекательностью. Перед домом — улочка, в буграх не ровной мостовой, напротив — барака с асимметричными заплатами и торчащими печными трубами. Посреди булыжной мостовой — сточная канавка.

У матери Екатерины, прекрасное серьезное лицо и черные, охваченные темными кругами глаза, такие черные, что кажутся безбрежными. Даже на недавних портретах это правильное лицо обрамлено, по древнему и суровому кавказскому обычаю, квадратом черного платка. Отец, Виссарион Джугашвили, происходил из деревни Дидилило и был по ремеслу сапожник. Он выполнял тяжелую работу на обувной фабрике — неподалеку, в столице Грузии — Тифлисе. Теперь можно видеть в музее истертую им жалкую табуретку, стянутую веревкой. Это был бедный, мало образованный, честный и хороший человек; он отдал Иосифа в горийскую школу (домик под деревьями, похожий на ферму), а потом и в тифлисскую семинарию, — то есть сделал для сына действительно все, что только мог сделать при своих средствах.

Дальше. «В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов проживавших тогда в Закавказьи. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе».

Иосиф Виссарионович вглядывался в окружающий мир. Среди людей есть большинство, принимающее установленную власть; оно молчит и идет куда ему велят. Это — та самая толпа, о которой говорит Тацит; он же

прибавляет, что именно благодаря таким бессловесным гражданам и «можно делать все что угодно». Но есть и другие люди, — незначительное меньшинство, которое возражает и не соглашается.

Итак, юноша всматривался и слушал.

Грузия, вместе с Арменией и Азербайджаном, составляет Закавказье или южную часть Кавказа, расположенного между Черным и Каспийским морями. После очень долгой и очень героической самостоятельной истории Грузия (последний форпост христианства перед лицом мусульманской Турции) потеряла независимость и в начале XIX века оказалась одной из окраин российской империи. Царский Петербург всячески стремился лишить страну национальных особенностей, русифицировать ее; так он поступал со всеми разбросанными частями своего огромного империалистического аггломерата, — такова вообще традиционная политика всех великих держав по отношению к колониям и аннексированным областям. Сначала метрополия проглатывает страну, а затем пытается переварить, ассимилировать ее, пользуясь для этого всеми средствами насилия, жестокостями и преследованиями. (В русской части империи царь довольствовался тем, что целиком лишил ее свободы и какого бы то ни было просвещения). Управлять другими национальностями, как например грузинами, для царя означало — угнетать их. Можно сказать, что в те времена кавказские народности пользовались только одним правом — правом быть судимыми. Они имели лишь одну свободу — свободу стонать, да и то только по-русски. При таком порядке вещей — в колонии, попросту прицепленной к территории господствующей русской национальности, естественно возникало националистическое движение с конечной целью освобождения Грузии. Вопрос осложнялся тем, что не только в Закавказье, но и в самой Грузии жило очень много разных народов. Тут были и грузины и армяне, и турки, и евреи и курды, и несколько десятков других национальностей, — и вся эта пестрая масса одинаково угнетаемых царских подданных жила в постоянных раздорах. При первой же возможности эти народы набросились бы не только на своего петербургского тюремщика, но — притом с еще большей яростью — и друг на друга.

Помимо старого сепаратизма, оформившегося в довольно сильную партию «федералистов», существовало и социалистическое движение.

Все волны великого освободительного движения, какие только проходили по России, довольно скоро получали свое отражение и на Кавказе.

После позорного провала крымской кампании 1856 года (война всегда вспыхивает народ до самых глубин) началось движение против царизма, задержавшего Россию в своеобразном состоянии привилегированного варварства, которое резко отличало ее от Западной Европы. Благонамеренная либеральная буржуазия набожно взирала на свет с Запада.

Ее стремления были удовлетворены реформами 1860—1869 годов: отменой крепостного права, созданием земств, реорганизацией судов. Но как ни сенсационны были по внешности эти реформы, в конце концов выяснилось, что серьезных изменений они не внесли. Отмена крепостного права была вызвана отнюдь не соображениями справедливости; в основе ее лежали, с одной стороны, соображения финансового порядка, с другой — интересы крупных помещиков и, наконец, с третьей — политических расчет: как бы освобождение крестьян «не началось само собою снизу» (слова самого царя). Из всего этого обмана и разочарования родилось сильное так называемое народническое движение. Нам не нужно, — говорили народники, — гипнотизировать себя примером Запада; надо, наоборот, вернуться к специфически-русским формам, каковы мир (деревенская община) и артель. Этим путем русский народ достигнет социализма, «минуя муки капитализма». Расцвет народничества («Земля и воля», «Народная воля» и т. д.) приходится на период 1870—1881 годов, когда народники, которых в Европе называли нигилистами, атаковали самодержавие Зимнего дворца бомбами и террористическими покушениями. Но репрессии, последовавшие за убийством Александра II (1881), разгромили народнические организации. От них остались лишь теоретико-литераторы.

В ранней юности Ленин посещал народнические кружки. Его старший брат Александр был связан с «Народной волей»; в 1887 году он был повешен. Сестра Ленина, Мария Ильинична, рассказывает нам, как ужасная весть о казни дошла до семьи Ульяновых:

«Десятки лет прошли с тех пор, но и теперь я хорошо вижу выражение лица Владимира Ильича в ту минуту и слышу его голос: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».

Этим новым путем был научный социализм, преемник старого идеала политической свободы — всеобщего равенства и братства, отмены привилегий, — научный социализм, созданный и разработанный в середине XIX века Карлом Марксом. Одна из основных особенностей марксистского учения, очистившего старый социализм от его смешных и опасных наивностей, это единство экономики и политики, социализма и рабочего движения. В настоящее время необходимость такого единства кажется нам вполне очевидной. Но это пришло не сразу; в свое время необходимо было разобрать и распутать все, — выработать четкую и обоснованную теорию.

Социалистическое движение создало международную организацию. За Первым интернационалом, основанным Марксом и Энгельсом и заложившим идеологические основы пролетарской борьбы, последовал Второй — он подготовил почву для широкого, массового рабочего движения. Социалисты-марксисты, в отличие от «социалистов-революционеров» и анархистов (последних оставалось немного, но это были горячие головы), не признавали индивидуального террора. Эта слепая невежественная хирургия, в большинстве случаев не достигающая цели, для них была делом чужим. Их дело — выявлять противоположность интересов труда и эксплуататорского капитала, поднимать сознательность рабочих и, на прочной основе практического учения, организовать подобное океанскому прибою движение эксплуатируемых и угнетенных.

В результате окончательного распада народничества, а также на почве той относительной индустриализации, которую Россия пережила в последние годы XIX века, марксизм сделал довольно быстрые успехи. Ленин отдался ему целиком. Он предпринимает широкую и ожесточенную кампанию за учение Маркса, за организацию масс, против бестолкового романтизма и «объективно реакционных» иллюзий народничества. Один свидетель рассказывает нам о подпольной «очень конспиративной вечеринке» в Москве, в 1893 году, где у всех «развязались языки». И вот там «молодой человек

с лысинкой, — очень любопытная фигура и уже крупная величина среди марксистов» (Ленину было тогда всего 23 года), — победоносно выступил против знаменитого теоретика народников — В. В. Воронцова

Первая программа русских социал-демократов была выработана группой «Освобождение труда» еще в 1884 году. В то время почти все члены этой группы умещались в одной лодке во время прогулок по озеру в Швейцарии. Вначале марксистское движение (как и народническое) было по своему составу почти исключительно интеллигентским. Страшный голод 1891 года побудил интеллигентов-инициаторов, как Плеханов и Аксельрод, искать связей в рабочем классе. Создалось множество кружков и обществ. Первый съезд, состоявшийся в Минске в 1898 году, объединил все эти группировки и избрал Центральный комитет; однако большинство членов съезда было арестовано, так что провести его решения в жизнь не удалось.

Внутри молодой партии уже начинали намечаться некоторые разногласия, — именно, по вопросу о том разделении, которое иные считали необходимым установить между борьбой экономической (ее объявляли делом рабочих) и борьбой политической (ее объявляли делом всей демократии).

Ленин поставил себе задачей создать подлинное единство и действительно организовать ту социал-демократическую партию, которая в 1898 году была основана лишь формально. Он работал над этой задачей и добился успеха, — добился в разгар реакции, в период торжества всероссийского рабства народов, превращенных в быдло, в разгар зверского царства Романовых, царства раззолоченных тюремщиков, сидевших на всех ступенях иерархической лестницы и расточавших общественные деньги.

Период, когда марксизм начал объединять русские и нерусские революционные течения и силы в царской империи, — это примерно тот самый период, на котором мы прервали наш биографический рассказ; как раз в 1897 году Иосиф Виссарионович Джугашвили руководил в тифлисской семинарии марксистским кружком, превращая, по словам Сандро Мирабешвили, дортуар во вторую семинарию.

Семинария эта, как и все прочие, была подлинным очагом реакции и удушливых традиций. При этом ею

управляли хитрые администраторы: «В 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили наши вещевые ящики...»

Но, несмотря на все это, — а может быть, и именно поэтому, — семинария была «рассадником идей». Независимо от воли руководителей, это учебное заведение давало приют росткам недовольства и протеста, — протеста как против внутренних порядков, так, кстати, и против многого другого. Тут формировались еретические кружки, — беседы проводились, разумеется, по углам, шопотом. Был кружок националистический (когда же, наконец, Грузия будет независимой!), был кружок народнический (долой тиранов!), был и кружок марксистов-интернационалистов. В этот-то кружок и вошел по непреодолимой умственной склонности Иосиф или, точнее, Сосо Джугашвили.

Совершенно ясно, — говорит Енукидзе, — встает перед моими глазами молодой Сосо Джугашвили в Тифлисе, где я имел с ним первое деловое свидание. Это было в 1900 году.

Каким же он был? Ребенком он был маленький, худенький. Вид смелый и даже несколько дерзкий, голова задорно откинута назад. С годами он вытянулся, стал казаться хрупче в как бы нежнее. Очень тонкое, одухотворенное лицо, густые, черные, как смоль, волосы. Юношеская худоба подчеркивала грузинский овал его лица и по-грузински печальные глаза. В то время, о котором рассказывает Енукидзе, молодой революционер представлял собою очень яркий, — ибо очень совершенный, — сплав интеллигента с рабочим. Невысокого роста, не слишком широкий в плечах. Продолговатое лицо, прозрачная молодая бородка, несколько тяжелые веки, тонкий и прямой нос; на густых черных волосах — немного сдвинутая набок фуражка. Таков был тогда этот завоеватель масс, человек сдвигающий с места вселенную.

С тех пор черты Сталина отчеканились более резко, — особенно теперь, когда его все еще густые, зачесанные вверх волосы стали слегка седеть, кажется, будто в чертах его проступило нечто более пролетарское и даже пожалуй, военное. Быть может, это отчасти зависит и от одежды. Однако нельзя сказать, чтобы он очень изменился. Разве что — теперь резче бро-

саются в глаза та энергия и боевая сила, которые были в его лице и прежде, ибо если есть человек никогда не менявшийся в своем глубочайшем существе, то человек этот — Сталин.

Еще тридцать пять лет тому назад, когда Кецховели называл его «хорошим парнем», — он был известен необычайной четкостью своих речей. Любопытно, до какой степени этот юноша ненавидел фразу. Он был прямым антиподом тех людей, которые ищут эффектов в звучности выражений и красноречии жестов. «Краткость, ясность, точность были его отличительными чертами».

Подвергая себя риску, он тайком изучал в тифлисской семинарии книги по естественным наукам и социологии; он вносил в благонамеренное заведение книжный яд положительного знания. Это беззаконие было обнаружено училищными властями. Потребность в подлинном образовании оказалась несомненной с неприкосновенными традициями семинарии, и юный Сосо был изгнан, как «политически неблагонадежный».

«Он бесповоротно и навсегда пошел к рабочим».

В 1898 году он вступил в тифлискую организацию Российской социал-демократической рабочей партии. Как видим, это случилось в самый год основания российской секции Второго интернационала.

И вот он вступил на свой путь. Этот путь он искал недолго. Он вышел сразу на прямую дорогу. Интеллигент, сын ремесленника, он взялся за ремесло «профессионального революционера». Сначала работал в кружках тифлиских железнодорожников, затем среди табачников, кожевников, кустарей, сотрудников метеорологической станции, — словом, повсюду. Он стал работником пролетарского дела.

Енукидзе, который был одним из людей, выковылавших на Кавказе революционную организацию, а теперь занимает в Советском Союзе большой государственный пост, — в те времена часто встречался с Сосо Джугашвили. Он рассказывает нам, как хорошо молодой революционер «умел говорить с рабочими». Этим даром в высокой степени обладал и Ленин, который был на десяток лет старше Сталина и работал тогда в важнейших центрах русского социалистического движения. Ленин, предвидевший электрификацию половины старого света

еще в то время, когда вся Россия была сплошным пепелищем, грудой развалин, атакуемых изнутри и извне контрреволюцией, — Ленин, этот провидец, умевший во всей широте и во всех подробностях охватывать обширнейшие планы, какие когда-либо зарождались в человеческом мозгу, — этот Ленин тоже отлично умел говорить с рабочими, с каждым рабочим в отдельности. Нахлобучив кепку на свой круглый голый череп, засунув руки в карманы, лукаво прищурив глаза, с видом заурядного уличного торговца, он бродил у заводских ворот. Он заговаривал с рабочим, болтал с ним по-товарищески и привязывал его к себе навеки. Смирного он превращал в бунтаря, бунтаря — в революционера. (А крестьяне говорили о нем: «Это — свой брат. Словно сейчас от сохи»). Таков был и Иосиф Виссарионович, — и уже это одно их сближало, выделяя из массы других.

«Естественная простота его речи и обращения с людьми, его абсолютная беззаботность в отношении личных жизненных удобств, его внутренняя твердость и полное отсутствие суеты, его тогда уже заметная подготовленность сделали его, еще молодого работника, авторитетным и своим человеком среди тифлиских рабочих. «Наш Сосо», — говорили о нем рабочие».

Это гениальное умение становиться на уровень своих слушателей было одной из глубочайших причин того доверия, которое Сталин всегда внушал массам, его великой роли в революции. Но не надо смешивать: становиться на уровень слушателя — вовсе не значит принимать, прибедняться или впадать в вульгарность. Ничуть не бывало. Орахелашвили, знавший тогдашнего Сосо, дал мне очень точное определение: «он не был ни схематичным, ни вульгарным». Сосо считал, что пропагандист, это — популяризатор, говорящий то же, что говорит и ученейший теоретик, но только умеющий выразить это в словах, доступных слушателям данного культурного уровня. Как же этого добиться? — При помощи образов и живых примеров.

Мы, — говорит Орахелашвили, — которые вели ту же пропагандистскую работу, что и Сталин, не умели обходиться при собеседованиях без некоторых трудных терминов. Нас преследовали не всегда понятные слушателям: тезис, антитезис, синтез и прочие диалектические тонкости. Все это

чересчур перегружало наши беседы с рабочими и крестьянами. У Сталина — ничего подобного. Он брал вещи совсем с другой стороны, он подходил к ним не отвлеченно, а жизненно — диалектически. Разъясняя, например, понятие буржуазной демократии, он ясно, как день показывал, почему она «хороша» в сравнении с самодержавием и почему «плоха» в сравнении с социализмом. И все понимали, что хотя демократическая республика — огромный шаг вперед от самодержавия, но в определенный момент, она же может оказаться таким препятствием на пути к социализму, которое необходимо взорвать...

Другая черта — его веселость. Но только не на работе! Смешивать одно с другим не следует. Однажды, — рассказывает тот же Орахелашвили, — было устроено собрание на квартире у одного крупного кавказского работника. (Собираться приходилось в семейной обстановке, потому что других возможностей не было). Во время заседания сынишка хозяина забрался к отцу на колени, а тот стал ласкать его, всячески сдерживая шалости и болтовню карапуза, который еще не интересовался серьезными разговорами. Тогда Сталин встал осторожно взял ребенка на руки и вынес его за дверь со словами: «Ты, дружок, сегодня не в порядке дня».

И никаких оскорблений противнику, — добавляет тот же свидетель. Нам так трудно приходилось от безудержной грязной демагогии меньшевиков, что, сталкиваясь с ними перед аудиторией, мы не всегда могли удержаться, чтобы тоже не «всыпать» сколько можно, — и тут подчас срывались с уст аргументы *ad hominem* (личного порядка). Сталин этого не любил. Словесная грубость всегда была для него недопустимым оружием. Самое большее, если он, выложив все аргументы и концентрированной атакой приведя противника к молчанию, бросал ему, когда тот стоял, не находя слов, одно очень ходкое в Закавказье выражение, которое можно перевести примерно так, «ты ведь такой замечательный малый, — что же ты спасовал перед такими ничтожествами, как мы?»

Ремесло подпольного агитатора, профессионального революционера увлекшее Сталина, как и многих других, — это тяжелое ремесло. Кто взялся за него, тот вне закона, за ним охотится весь аппарат государства, его травит полиция. Он — добыча царя и его ог-

ромной, откормленной, вооруженной до зубов, многорукой своры. Он подобен ссыльному в коротком временном отпуску, он прячется принакивая к земле, он всегда должен быть на-чеку. Он — молекула революции, почти одинокая в толпе, он окружен высокомерным непониманием «интеллигентов», он затерян в гигантской паутине капитализма, охватившей все страны от полюса до полюса (тут не только 170 миллионов царских подданных, но и все вообще люди какие есть на земле), — и это он, вместе со своими друзьями, хочет заново переделать мир. Появляясь то там, то здесь, он сеет гнев и воспламеняет умы, а единственный рычаг, которым он должен поднимать народы, — это его убеждение и его голос.

Займешься этим ремеслом, и куда ни глянь — на горизонте четко вырисовываются тюрьма. Сибирь да виселица. Этим ремеслом может заниматься не всякий.

Надо иметь железное здоровье и всепоглощающую энергию: надо иметь почти беспредельную работоспособность. Надо быть чемпионом и рекордсменом недосыпания, надо уметь перебрасываться с одной работы на другую, уметь голодать и шелкать зубами от холода, надо уметь не попадаться, а попавшись — выпутываться. Пусть тебе выбьют все зубы, пусть тебя пытаются раскаленным железом — надо стерпеть, но не выдать имя или адрес. Все свое сердце надо отдать общему делу: отдать его чему-либо другому — нет ни малейшей возможности, постоянно приходится перебрасываться из города в город — ни минуты свободного времени, ни копейки денег.

Это еще не все. Надо быть пропитанным надеждой до самого мозга костей; даже в самые мрачные минуты, даже при самых тяжелых поражениях надо неуклонно верить в победу.

Но и этого мало. Прежде всего надо ясно понимать и знать, чего хочешь.

Потому-то марксизм и является практическим оружием революционеров, потому-то он и дает этим новым людям такую власть над событиями. (Он позволяет, он уже позволил им сделать столько поразительных предсказаний!)

В былые времена для того, чтобы добиться успеха революционного выступления, — по крайней мере кратковременного, ибо длительный успех революции — это дело гораздо более

сложное, — достаточно было быть храбрым. Однажды Бласко Ибаньес, этот милый и великодушный мнимо-великий человек, с глубоким вздохом сказал мне, как он огорчен, что прошли те времена, когда довольно было выйти на улицу во главе кучки решительных людей, чтобы опрокинуть власть. Теперь же появились пулеметы, — и баррикады превратились в картон. Ремесло революционера испорчено, и ему, Бласко Ибаньесу, оно опротивело.

Пулеметы, конечно, есть, но не по одной этой причине старый добрый революционный сценарий превратился из реалистического в романтический и вообще стал никуда не годным. Дело в том, что теперь требуется революция совсем другого размаха и охвата, а не политические скетчи, в результате которых до сих пор так часто одна дюжина министров получает портфели вместо другой, а все остальное остается по-старому, меняются одни этикетки. Совсем иного требуют теперь общие интересы, с нетерпением выжидающие в недрах вселенной своего часа.

Марксизм освещает глубины и показывает необходимость великих и разумных переворотов в современном обществе, он дает надежные законы их подготовки и свершения. Марксизм — это вовсе не собрание сложных принципов или заповедей, которые надо заучивать наизусть, как грамматику или коран (а именно так склонны думать о марксизме те, кто его не знают). Марксизм — это метод. Он прост. Это — метод интегрального реализма. Поляризация всех идей, устремление всех усилий к твердой базе, к конкретной почве, к основе, — в противовес всяческому религиозному или абстрактному мистицизму, верениям призраков, соскальзыванию в пустоту.

Карл Маркс — это тот современный мыслитель, который обладал достаточно гигантским ростом, чтобы слудь все облака с небес мысли. Его метод всегда побуждает нас восходить до причин и углубляться до крайних следствий, никогда не отрываться от действительности, тесно сливать теорию с практикой. Истина, реальность, жизнь.

Отныне социализм — это уже не туманная и сентиментальная мечта, в которой имеется ровно столько твердого, чтобы можно было разбить себе нос: нет, это — теория планирующая на будущее разумные потребности

всех, теория, над осуществлением которой должен честно работать каждый. Марксизм ведет к изменению существующего порядка вещей. Он рассчитывает и освобождает перспективы, он позволяет видеть настоящее и будущее. Марксизм — это конкретная мудрость, естественно толкающая нас к двойной работе разрушения и созидания.

Концепция марксизма научна. Она сливается с научным мировоззрением. Революционер всегда остается проповедником и бойцом, но прежде всего — он ученый, вышедший на улицу. И вообще все ученые в мире, сами того не зная, занимаются марксизмом, так же как господин Журден, сам того не зная, всю жизнь говорил прозой.

Критическое понимание общества — вот что воспитывает в честном человеке революционера, а не злобное, яростное или великодушное увлечение, вернее, не только увлечение. Это — увлечение, пронизанное расчетом. Социальная несправедливость — это орфографическая ошибка. Всякая ошибка по природе вещей стремится к своему исправлению, но человеческий разум должен ускорять это органическое самoisправление путем предвидения. Увидев истину, можно потом бороться за ее воплощение со всем пылом, на какой только человек способен. Но прежде всего — разум. Чувство — драгоценный двигатель, но оно должно идти вслед за разумом и повиноваться ему. Оно должно быть лишь слугою очевидности, ибо, будучи предоставлено самому себе, оно может стать и слугою безумия.

Мы только улыбаемся, когда узнаем, что года два назад немецкий писатель Эмиль Людвиг спросил Сталина: «Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может плохое обращение со стороны родителей?»

Этот добрый Людвиг все еще твердо верит в старую догму обывательской премудрости: чтобы стать революционером, надо быть либо злым, либо озлобленным, либо, наконец, в детстве терпеть побои от родителей. Эта жалкая мудрость слишком ничтожна, чтобы быть обидной. Конечно, несчастье подталкивает вперед и отдельных людей, и массы, но революционер слишком далеко уходит по дороге коллективного прогресса, — он выше мелких «личных обстоятельств». Сталин терпеливо ответил Людвигу: Нет, Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной

совсем не плохо. Если я стал революционером, то только потому, что я нашел, что марксисты были правы.

«Принципиальная политика есть единственно правильная политика», — часто говорил и повторял Сталин вслед за Лениным. Вот основное положение, великая заповедь, при помощи которой можно, как говорит Сталин, «брать приступом... «неприступные» позиции». А главная пружина, движущая вождями, общественного прогресса, есть вера в массы. Вера в широкие рабочие массы — вот лозунг, боевой клич, к которому наш вождь чаще всего обращается на протяжении всего своего пути. «Теоретики и вожди партий... — говорит он нам, — бывают иногда одержимы одной неприличной болезнью. Болезнь эта называется боязнью масс...». Вождь нуждается в массах больше, чем массы в вожде. Он учится у них больше, чем они у него. Как только вождь начал сторониться от масс, с ним кончено, он погиб и для победы, и для дела.

Итак, практик-агитатор, крепко вооруженный реализмом, ненавидящий фразу и абстракцию, вступил в бой.

Отметим здесь влияние Курнатовского, соратника Ленина по борьбе, пионера ленинских идей в Закавказьи. Этот человек способствовал ознакомлению И. В. Джугашвили с идеями Ленина. Марксизм, по меткому определению Адоратского, «дает понимание своеобразия каждого момента», а ленинизм уже в то время был марксизмом, широко приспособленным к обстоятельствам места и эпохи.

Молодой революционер работал под всевозможными кличками: Давид, Коба, Нижерадзе, Чижигов, Иванович, Сталин, и его систематическая агитация развертывалась в разнообразнейших формах.

Прежде всего он занял определенную позицию во внутрипартийной борьбе между «стариками» и «молодыми». «Старики» стояли за распределение «чистой пропаганды» маленькими порциями между избранными передовыми рабочими, которые должны были распространять учение дальше. «Молодые» стояли за прямую агитацию в массах, за «улицу». Стоит ли говорить, что Сталин оказался на стороне именно этого последнего направления и принес ему победу.

Забастовка. В 1900—1901 годах в Тифлисе шли стачка за стачкой, и наш агитатор, начинавший играть очень

значительную роль, не оставался в стороне. Эти стачки, а особенно — большая демонстрация, состоявшаяся в мае 1901 года, привели к разгрому тифлисского комитета РСДРП и к окончательному уходу в подполье.

У Сталина не было ни копейки. В 1900 году в Тифлисе, где он вел восемь кружков и работал в них каждый вечер, его кормили Нинуа и несколько других товарищей.

Работа агитатора связана с искусством скрываться. В Тифлисе до сих пор показывают один из домов, служивший «подпольным убежищем» человеку, чей жизненный путь проходит перед нами в этой книге. Хрупкие колонки крытого балкона, узкие, закругленные сверху ворота. Этот дом очень похож на множество других тифлиских домов, — такое сходство было первым условием успеха.

На собраниях Сталин появляется неожиданно, усаживается молча и слушает, пока не берет слово. С ним всегда приходят два-три товарища, и один из них остается у дверей на-страже. Сталин не засиживается. Чтобы уйти незаметно для шпииков, нужно много сложных маневров.

... Вот он на подпольном собрании, устроенном у самых кулис театра, так что, когда полиция оцепила помещение, довольно было шмыгнуть в дверь, чтобы смешаться с театральной публикой и начать с самым заинтересованным видом слушать спектакль.

... Вот он входит в большой книжный магазин Попова. Он спрашивает книгу Белинского и начинает внимательно просматривать ее, а сам следит глазами за приказчиком — и в конце концов незаметно передает ему два фальшивых паспорта. Эти паспорта должны помочь бегству двух товарищей, которых полиция собиралась захватить несколько позже, — слишком поздно. Хозяин магазина Попов был черносотенцем, и именно поэтому товарищам — Стуруа, Тодрия, Енукидзе — было особенно удобно здесь встречаться.

У Сталина — необычайное чутье. Это он, со своей прозорливой интуицией, воспрепятствовал намерению бакинских рабочих, рассчитывавших на сочувствие солдат (на самом деле готовившаяся ловушка), освободить демонстрантов, арестованных за драку с черносотенцами, которые вышли на улицу с портретом «обожаемого монарха».

Грузинская земля начинает гореть под ногами молодого революционера, но

тут он получает могучую поддержку из-за рубежа. То была газета «Искра», которую начал выпускать за границей Ленин. Новая газета сразу стала и теоретическим центром, и центром нелегального движения. Передовая статья ее первого номера, выпущенного в Мюнхене в декабре 1900 года, заключалась призывом: «Мы должны взять эту крепость, и км возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию...»

Но Сталин скрывался не всегда. Бывали моменты, — моменты, разумеется, тщательно выбранные, — когда он выходил аз подполья. Так было, например, в 1901 году, когда благодаря ему на Кавказе впервые праздновалось 1-е Мая. Или, когда он, идя во главе демонстрации тифлиских железнодорожников, ответил от их лица полицейскому офицеру, грозившему расстрелом, если забастовщики не разойдутся: — Мы вас не боимся. Пусть удовлетворяют наши требования, и мы разойдемся. (За этим ответом последовал залп, но справиться с забастовщиками не удалось).

Он перебирается в Аджарию (это — южнее Грузии), в Батум, основывает там комитет и, по выражению Лакобы, «открывает новую страницу великой биографии». Поселившись в болотистом батумском предместьи Чаоба, Сосо поднимает рабочих на предприятиях Манташева и Ротшильда.

Полиция охотится за ним. Он быстро перебирается в другое предместье — Городок. Переселения с места на место осложняются для него тем, что повсюду приходится переносить с собой подпольную типографию — свой тайный громкоговоритель.

После демонстрации 1 марта, когда он шел впереди всех, словно живая мишень, и когда было убито 14, ранено 40 и арестовано 450 человек, пришлось снова переправить в другое место типографию, а с ней и того, кто заставлял ее говорить.

В окрестностях города находилось кладбище Соук-су. Сторож был свой человек, и на этом кладбище устраивались подпольные собрания (а потом сторожу приходилось тщательно подбирать окурки, разбросанные между мусульманскими памятниками).

В один прекрасный день на кладбище притащили типографию. Сторож принял из рук в руки два больших кувшина со шрифтом и станок. Весь этот груз он понес на соседнее куку-

рузное поле. Но тут ему пришлось броситься на землю, отряд жандармов, за ним отряд казаков. — разумеется, они искали типографию.

Где же найти новое помещение для подпольного предприятия и его руководителя? Вспомнили про дом Хашима.

Старик Хашим своим простым сердцем мусульманского крестьянина сразу понял Сосо и проникся глубоким уважением к нему. Однажды он сказал ему: Я, самый маленький и в прошлом загнанный человек, тебя признал. Я хочу сказать о тебе нечто такое, что не все знают. Ты — афыхаца... (герой героев). Ты рожден громом и молнией. Ты ловок я мудр, у тебя великое сердце.

Старик-крестьянин и его сын приютили в своем доме типографию, а вместе с ней устроился на чердачке и Сосо. И вот, в деревню стали приходить женщины в длинных мусульманских чадрах. Приглядевшись ближе, можно было заметить, что у них какие-то странные, грубоватые манеры: то были товарищи, прятавшиеся под чадрами, чтобы безопасней проникать в импровизированную типографию.

Каждое утро выходил из своего дома Хашим, почтенный старик в чалме, с белой бородой; он нес в руках полную корзину овощей и фруктов. Но под фруктами у него были брошюры и прокламации. Хашим становился у заводских ворот, продавал свой товар. Он хорошо знал покупателей и, кому надо, завертывал покупку в прокламацию.

А между тем таинственная работа, шедшая в доме стук машины — внушала соседним крестьянам мысль, что гости Хашима, Сосо, фабрикует фальшивые деньги.

Они не очень-то хорошо знали, как надо относиться к подобному ремеслу, явно требующему большого умения но и чертовски сомнительному. И вот однажды вечером они являются к Сосо и говорят: «Слушай, Сосо! Хороший ты человек и хорошее дело ты делаешь. И чувствуем мы, что нам, беднякам, наверное скоро помощь от тебя придет. Ты вот целые ночи работаешь, печатаешь, а результатов что-то не видно. Когда же, наконец, ты пустишь в год свои деньги?..»

— Я печатаю — ответил Сосо, — не деньги, а прокламации, в которых пишу о том, как вам тяжело живется и как нужно исправить эту беду...

— Хорошо, Сосо! — заявили старики. — То дело, которое ты делаешь, для нас не чужое дело. Помогать тебе делать фальшивые деньги мы, пожалуй, не стали бы, потому что, кроме крайней нужды в деньгах, мы больше в них ничего не понимаем. А вот... здесь мы много понимаем и теперь каждый из нас будет тебе неплохим помощником. До сегодняшнего дня тебя прятал один Хашим — спасибо ему за это, а теперь мы все будем прятать тебя с твоей работой, насколько хватит у нас сил и умения».

... Нарушим хронологический порядок и заглянем в другую эпоху. Место действия — прежнее — тот же сад Хашима, время — 1917 год. После революции старый крестьянин вернулся в родную деревню и осматривает свой сад. Много месяцев назад, когда ему пришлось спешно покинуть дом, он зарыл здесь в саду подпольную типографию. Но дом был тогда занят солдатами, а те, порывшись кругом, распорозили типографию и разбросали части машины по всему саду. Хашим тщательно подобрал все куски и, сложив вместе, сказал сыну: «Смотри, это то, что помогало делать революцию».

... Вернемся к апрелю 1902 года. Вот Сосо, куря папироску, разговаривает с Канделаки Сосо — это вон тот молодой худощавый брюнет в красном клетчатом шарфе, с черной бородкой романтического художника и черными, как смоль, волосами, «словно отброшенными назад ветром», «с маленькими усиками на продолговатом лице, смелый и веселый». Охранка давно скупала по нем, и вот сейчас шпики уже сидят под домом Дарахвелидзе, где происходит разговор, полиция уже оцепляет дом. Вот они. Попались! «Пустяки», — говорит Сосо продолжая курить. Стук сапог и лягз оружия на лестнице, полицейские врываются в комнату, — и происходит то, что должно было произойти. Сосо арестован, его сажают в батумскую тюрьму и переводят в Кутаис (где он организует коллективный протест заключенных и добивается удовлетворения их требований).

Затем его ссылают в Сибирь, в Иркутскую губернию. Царское правительство, не умевшее и не желавшее экономически осваивать Сибирь, освоило ее политически, — устроило там целую сеть затерянных и затонувших в огромных пространствах каторжных тюрем.

В один прекрасный день, не очень

далеко отстоящий от тех дней, о которых мы только что рассказывали, в Батуме появился молодой человек в солдатской форме. То был Коба, он невольно расстался с жандармами, не попрощавшись, и вернулся из далекой Азии на свой собственный счет.

Времени было потеряно немало. Но гораздо меньше, чем можно было бы думать. Ведь революционер остается революционером всегда, даже в тюрьме.

Эсер Семен Верещак, яростный политический противник¹, рассказывает, что в 1903 году он сидел в Баку, в одной тюрьме со Сталиным. Тюрьма эта, кстати сказать, была рассчитана на 400 арестантов, а сидело их 1500. «Однажды в камере большевиков, — говорит он, — появился новичок... мне тайно сообщали. «Это — Коба». Чем же занимался Коба в тюрьме? Пропагандой. «Среди руководителей собраний и кружков выделялся, и Коба как марксист... Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим». Верещак описывает этого молодого человека «в синей сатиновой косоворотке, с открытым воротом, без пояса и головного убора, с перекинутым через плечо башлыком, всегда с книжкой». Он налаживал большие «организованные дискуссии», решительно предпочитая их индивидуальным спорам. Во время одной из таких дискуссий — по аграрному вопросу — Серго Орджоникидзе обменялся с содокладчиком эсером Карцевадзе, вескими аргументами, а потом и ударами, так что в конце концов эсеры жестоко избили Серго. Когда Верещак снова встретился со Сталиным в тюрьме, его больше всего поразила непоколебимая вера узника в победу большевиков.

Несколько позже Коба, квартируя в третьей камере Баилдовской тюрьмы, организовал целые курсы. Тюрьма принудила его к лишь весьма относительной перемене занятий.

Постоянное перенапряжение сил, отчаянные условия жизни сеяли среди партийных работников множество болезней. У Кобы начинался туберкулез. Вылечила его охранка, — вылечила таким способом, за который не поблагодаришь. В Сибири Кобу застала в дороге ужающая снежная буря, кото-

¹ Демьян Бедный пишет об этом Верещак:

Ему не нравятся — ни сталинский нос
Ни цвет сталинских волос.
Ни сталинский голос — ни единая нотка!
Ни сталинская походка...

рая в тех краях называется пургой. Спасти от нее можно только одним способом — лечь и зарыться в снег. Но Коба продолжал свой путь, а шел он по льду реки. Чтобы пройти три километра до избы, ему понадобилось несколько часов. Когда он, наконец, переступил через порог, его приняли за привидение: он обледенел с головы до ног. Его кое-как отогрели. Согревшись, он свалился и проспал восемнадцать часов подряд. С тех пор его чахотка исчезла навсегда. Таков уж тамошний климат: если туберкулезный в Сибири не умирает, то выздоравливает окончательно. Третьего выхода нет: мороз уносит либо человека, либо его болезнь, — как придется.

В 1903 году в тюрьме Сталин узнал важную новость. На втором съезде РСДРП по инициативе Ленина наметился решительный разрыв между большевиками и меньшевиками. Большевики — это непримиримые, непреклонные классовые бойцы, железные революционеры. Меньшевики — реформисты, соглашатели, примиренцы, мастера компромисса и комбинаций. Меньшевики злились на большевиков за их якобы преувеличенные требования (подумать только, эти победенные хотят достать луну с неба!).

Раскол был в порядке дня. Надо было выбирать. Хотя вопрос еще не стоял так, как он был поставлен позже, хотя это было в самом разгаре царского могущества и царских преследований, во время полного расцвета капиталистических злодеяний, — Сталин не поколебался: он выбрал сторону большевиков. «С Лениным», — решил он.

У каждого человека действия бывают в жизни момент, когда надо принять решение, от которого зависит все будущее. Невольно вспоминаешь величественный, как все античное, греческий миф о Геракле, — как он в начале своей божественной и спортивной карьеры был вынужден выбирать между пороком и добродетелью. Но разве и в этом случае не было своих «за» и своих «против»? Реформизм соблазнителен. У него рассудительный, благоразумный вид, он обещает обойтись без кровопролития. Но люди, умеющие видеть далеко вперед и понимать великие уроки социальной логики и арифметики, люди, все шире и глубже накапливающие исторический опыт, — знают, что дорога оппортунистического смирения и реформистского рабства сначала ведет к иллюзиям, потом заводит в ловушку, потом доводят до пре-

дательства, — и тут она оказывается дорогой разрушения и убийства. Оттенки политической мысли, — говорят простачки. Нет, не оттенки, а коренной вопрос, вопрос жизни и смерти, ибо минимализм (который называют также теорией минимального зла) реакционен.

Итак, Коба впервые бежал от жандармов. И с тех пор жандармские отряды охотились за ним по всем углам России и Закавказья, — вынюхивали, искали, ловили, потом упустили и принимались ловить вновь. Шесть раз, если не ошибаюсь, повторялась эта игра. После побега Коба ведет борьбу против грузинских меньшевиков. В 1904—1905 годах он, как пишет Орджоникидзе, «является для меньшевиков самым ненавистным из всех кавказских большевиков». Он становится их признанным руководителем.

Однажды рабочий Долибадзе сказал ему:

— Но ведь меньшевики, товарищ Сосо, — это, чорт возьми, все-таки большинство партии!

Этот рабочий до сих пор помнит, что ответил, ему Сосо.

— Большинство-то это, положим, что а не большинство, — это я говорю тебе в смысле качества революционеров. А в общем, ничего: придет время и ты узнаешь — кто был прав и кто не прав.

Все партийцы, жившие в те времена на Кавказе, еще помнят, какой крик поднимали меньшевистские авторитеты вроде Ноя Рамишвили или Сеида Девдарьяни, когда узнавали, что едет «профессиональный большевик» Коба, едет спорить с ними или, лучше сказать, «расстраивать их мирную жизнь».

Недавно Бубнов напомнил очень правильные и очень поучительные слова Ленина о том, что «в России особым счастьем большевиков было то, что они имели 15 лет для систематической и до конца доведенной борьбы как против меньшевиков (т.-е. оппортунистов и «центровиков»), так и против «левых» еще задолго до непосредственной массовой борьбы за диктатуру пролетариата». Немало было и в дальнейшем осторожных, обдуманных усилий надежно установить, испытать разумную, истинную точку зрения, — развитие революции очень много выиграло от того факта, что партия заранее успела проверить свою линию и в теоретической работе и, главное, в постоянном совершенствовании тактики.

Мы знаем, что Наполеон говорил: «если вы неправы, то настаивайте на своем, — и в конце концов вы окажетесь правы». Фраза забавная, у нее есть известный художественный, артистический блеск. Но, — да простят мне художники, — она насквозь лжива. Долго жить может только то, что соответствует реальной действительности, живому ходу вещей. Утверждать противное — значит проповедывать одну из тех лживых прописных истин, которыми питается капиталистическая мораль. И она обязательно слохнет от несварения желудка (версальская болезнь — это предупреждение).

Таким образом кроме анархистов и эсеров (партия той же породы, что и анархисты), кроме националистов, видевших не дальше своего националистического носа, приходилось и в Тифлисе, и в Батуме, и в Чиатурах, и в Кутаисе, и в Баку одновременно бить и меньшевиков — и их били. В 1905 году Сталин, в числе прочих своих дел, редактирует нелегальный большевистский орган «Борьба пролетариата» и пишет на грузинском языке брошюру «Вкратце с партийных разногласиях». «Ого, как крепко автор держится на ногах!» — сказал, прочитав ее, Теофил Чичуа, обращаясь к Долидзе, который до сих пор помнит эти слова.

Под влиянием Сталина ширится рабочее движение. Методы борьбы меняются. Двухступенная, наподобие парламентских выборов, революционная пропаганда, т. е. пропаганда через посредство тщательно отобранных сознательных рабочих, уже не достаточна. Растущая вера в массы настойчиво толкает активных борцов к более прямому, более осязательному действию, — к людям, к собраниям. Под новым руководством завершается победа системы живого наступления: открытые демонстрации, импровизированные митинги, смелая раздача брошюр и листовок.

В настойчивой, неукротимой работе проходят годы.

У товарища Кобы не было ни семьи, ни очага, он жил одной революцией и думал только о ней, — говорит Вацек. Коба не упускал ни одного случая для выступлений. Вацек рассказывает, что в Баку, на похоронах рабочего Ханлара, убитого по указанию администрации завода, оркестр заиграл перед мечетью похоронный марш. Околодочный распорядился прекратить музыку. Тогда товарищ Коба организовал из рабочих два хора, — один шел впе-

реди гроба, другой — позади, и оба пели революционный похоронный марш прямо в лицо, прямо в уши полиции. Ей все-таки удалось остановить пение. Тогда Коба предложил рабочим свистеть, — протяжный, заунывный свист продолжил мелодию песни. Остановить этот новый оркестр уже никому не удалось, и траурная демонстрация приняла грандиозные размеры.

Доклады секретных агентов охраны его высокоблагородию начальнику тифлисского жандармского отделения «о революционной социал-демократической организации», «деятельность которой подпадает под действие статьи 250», устанавливали, что в этой организации объединяются «так называемые передовые рабочие» и интеллигенты вроде Иосифа Джугашвили. Этот последний, — как говорит один из докладов, — стремился «при помощи агитации и распространения нелегальной литературы поднять дух рабочих»; он «проповедывал единение всех национальностей» и советовал товарищам делать взносы в подпольную кассу, предназначенную на поддержку «борьбы с капитализмом и самодержавием».

В другом документе начальник бакинской охраны сообщает его высокоблагородию верховному полицейскому пастырю, что «крестьянин Иосиф Джугашвили» играл руководящую роль на собрании, созванном для организации подпольной типографии. В третьем — агент доносит своему высокопочтенному начальству, что так называемый Нижегородец, арестованный в настоящее время, есть не кто иной, как крестьянин Джугашвили, и что он имеет еще смелость «не признавать себя виновным».

Данилов рассказывает, как вел допрос один из руководителей царской полиции, на которую, как на полицию всех времен и народов, была возложена основная обязанность — разгонять народ дубинками, чтобы не скопился. Сатрап в голубом мундире, покуривал сигару и «распространяя запах оппонакса», «полностью развернул свои таланты психолога». Вот какие данные внес он затем в свой доклад о допрошенном: «Джугашвили, Иосиф Виссарионович. Телосложение среднее... Голос низкий... На левом ухе родинка... Склад головы обыкновенный... Впечатление, производимое наружностью, обыкновенное». Как видим, от этого пронизательного охранника ничто не ускользнуло. Донесение о Сталине: на левом ухе родинка.

II

ГИГАНТ

И так, был в Россия (а иногда наезжал и в Европу) могучий вождь, великий брат всех революционеров — мы уже видели его мельком в этой книге. Ленину приходилось бороться не только с официальными властями, но и со значительной частью своих же товарищей по партии. Он требовал, — и именно это было его великим делом, его великой мыслью, охватывавшей все остальное, — он требовал создания непримиримой, чистой, строгой, монолитной революционной партии, недоступной ни для каких компромиссов. Он говорил, что только такая партия может выполнить задачу переделки мира и что как раз в создании такой партии состоит основной вопрос движения. Именно в этом смысле он возрождал социализм в самом социализме.

Мы видели, что еще в тюрьме Сталин, узнав о текущих событиях от товарищей целиком присоединился к позиции, занятой на II съезде партии Лениным. На этом съезде Владимир Ильич сознательно и резко подчеркнул возникшее между большевиками и меньшевиками разногласие по тактическому вопросу и намеренно создал между этими двумя направлениями пропасть. Для великого борца за единство это было колоссально ответственным шагом. К этому имелись исключительно важные основания: ведь единство между двумя резко расходящимися тенденциями может быть лишь внешним и искусственным, оно может существовать только на бумаге. Это не единство, а ложь о единстве. Сталин был согласен с Лениным. Впрочем, такое решение целиком соответствовало свойствам характера и умственного склада Сталина; можно сказать, что его выбор был сделан еще прежде, чем он начал выбирать. Между Лениным и Сталиным расхождений никогда не бывало.

Но зато у обоих были резкие противники внутри партии. Особенно выделялся упрямый и речистый меньшевик Троцкий, считавший, что «твердокаменность» большевиков обрекает партию на бесплодие. Троцкий называл Ленина фракционером, раскалывающим силы рабочего класса.

Ленин, агитатор и всеобъемлющий государственственный деятель почти сверхчеловеческой прозорливости, умевший во всех обстоятельствах безошибочно и в

полном объеме осуществлять синтез революционной теории и практики, — всегда действовал на основе марксизма. Ленинизм — это и есть марксизм. Это — новая глава в марксизме. Это не дополнение, это конкретное применение марксизма к современным условиям. «Ленинизм, — пишет Сталин, — есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции». Мануильский, на своем безукоризненном французском языке, называет это определение «лаконическим и чеканным». Ленинизм есть точный ответ марксизма на вопросы нашей эпохи. Ленин никогда ничего не менял в великом основном социалистическом кредо, сформулированном в Манифесте 1848 года. Ленин и Маркс — это две великих концентрических фигуры, действовавших в орбите, очерченной старшим из них. Творческий гений Ленина выразился в воплощении социалистической теории в революцию (а затем в революционный порядок).

Всякая реалистическая теория гибка, ибо она развивается в соответствии с жизнью. Но гибка она не в основании, а в вершине, но в принципах (которые по существу представляют собою высший синтез действительности), а в их применении к обстоятельствам. Строжайшее проведение этих принципов, защита их от малейших попыток ревизии — всегда было и остается одной из тех целей, к которым Сталин стремится с наибольшим упорством, с наибольшим ожесточением.

Надо твердо запомнить: несмотря на свою напряженную динамичность, большевизм вовсе не состоит в том, чтобы всегда и везде автоматически занимать крайние позиции. В определенных обстоятельствах подобный перегиб может только повести нас мимо цели, подорвать уже достигнутые результаты и в конечном счете двинуть дело революции не вперед, а назад.

Вывод: нельзя делать себя рабом постоянной, заранее заданной «левизны». «Быть впереди» — это совсем другое; в руках практиков революционного дела теория должна сочетаться с живым движением действительности: ведь всякая практика есть постоянное применение, постоянное изобретательство.

Чтобы показать на живом примере эту органическую гибкость связи, эту систему приводных ремней между мар-

кистской теорией и марксистской практикой, можно привести следующий типичный факт: как ни крепко держался Ленин за ту мысль, что для победы пролетарской революции в такой аграрной стране, как Россия, рабочий класс непременно должен иметь своим союзником крестьянство,—он, еще в 1894 году выставивший перед крестьянами основные требования социализма в аграрном вопросе (конфискация и национализация крупных имений), шестью годами позже, в начале XX века, обратился к ним с более умеренной программой. За эти шесть лет созрела идея революции (первая русская революция предстояла в 1905 году), и крестьянский вопрос, широко и глубоко изученный Лениным, но находившийся в пренебрежении у социал-демократов (что было в глазах Ленина огромным, непростительным промахом, политической ошибкой), приобрел исключительную остроту. Дело шло о вовлечении в революцию двадцати пяти миллионов крестьянских семейств, или хотя бы об их нейтралитете.

В 1900 году Ленин создал новую аграрную программу, где прежде всего подчеркнул тот факт, что русское крестьянство, крайне отсталое исторически (даже по российским масштабам), страдало не столько от капиталистической системы, сколько от системы крепостнической, продолжавшей свирепствовать в деревне, несмотря на мрачный фарс освобождения крестьян. Разорительные, закабальные меры, явившиеся результатом этого демагогического жеста Александра II, поддерживали пережитки крепостнических порядков.

Таким образом, ленинская аграрная программа 1900 года выдвигает требование отмены крепостнических мер, все еще жестоко давивших на крестьянство (надо сказать, что феодальная реакция времен Александра III еще ухудшила положение), и возврата всех сумм, выколотенных из крестьян в уплату за землю, которую их заставили выкупать у помещиков по скандально вздутым ценам.

Итак, Ленин, руководясь неотложными требованиями момента, выдвинул такие лозунги, которые могли тогда непосредственно и очень широко воздействовать на крестьянство, обеспечить максимальное приближение крестьянства к рабочему классу, создать возможность максимальной поддержки со стороны крестьянства в готовящемся первом акте революционной драмы — захвате власти. В те дни Ленин ставил

себе целью (для деревни) только этот первый акт, а никак не последний, т. е. не организацию нового общества: это предстояло в будущем.

Так действует марксизм. Вся суть в том, чтобы видеть как можно дальше вперед, предугадывать события и действовать своевременно, не теряя из виду всей совокупности возникающих, зачастую противоречивых обстоятельств, — словом, дело в том уметь видеть существенное, которое позволяет овладевать действительностью, покорять ее, словно живого человека. Это — то самое чутье, которое свойственно всем творцам нового, будь то ученые, художники или люди, перестраивающие общество.

Приведенный пример строгого определения и ограничения целей революции накануне общественного подъема, который мог остаться в рамках буржуазной революции, дает нам представление о той гениальной инициативе, которая необходима для того, чтобы быть простым «учеником Маркса», как Ленин, или «учеником Ленина», как Сталин.

Встреча Ленина и Сталина.

«Впервые я познакомился с Лениным в 1903 г. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нем одному своему близкому другу, на-

ходившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири, — это было в конце 1903 года, — я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом. Письмо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период».

«По привычке старого подпольщика» Сталин счел своим долгом сжечь письмо Ленина и впоследствии никогда не мог себе этого простить. Но коротенькое письмо с предельной ясностью показало 24-летнему бойцу и его революционный долг, и того человека, который воплощал в себе этот долг с величайшей отчетливостью, авторитетом и блеском. По словам Сталина, именно с тех пор он узнал Ленина как следует. Но вот:

«Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 г. на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных.

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идет». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение, — эта черта представляет одну

из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших «низов» человечества».

... Так на дальнем севере, на противоположном Грузии конце огромной России, молодой революционер, чье поле действия уже выходило за пределы Кавказа, нашел впервые контакт с тем человеком, которого одна из его учениц, Лебедева, очертила единственной фразой: Он был прост, всем доступен — и так велик!

Все это происходило накануне русской революции 1905 года. Провал русско-японской войны заставил революцию разразиться преждевременно, как бы случайно. Эта первая революция окончилась поражением и разгромом, однако она прошла недаром: то был пролог. За ним последовали чудовищные репрессии, — но он послужил великим уроком на будущее.

Впоследствии Сталин объяснил, что революция 1905 года имела бы совсем другой исход, если бы русские меньшевики, — они имели тогда в рабочем классе внушительную организацию и могли взять руководство событиями в свои руки, — не передали этого руководства буржуазии. Они базировались на том, что Ленин и большевики называли меньшевистской «схемой», — на отвлеченной теории, по которой русская революция должна была быть буржуазной, так что пролетариату оставалось играть в ней лишь роль «крайней оппозиции слева». Большевики занимались всей этой казустикой в момент, когда надо было с головой броситься в бой и согреть теорию революционными лозунгами, способными зажечь рабочих. Это и явилось причиной (или, по крайней мере, одною из причин) того, что великое восстание 1905 года сорвалось; «легальные» марксисты недаром много потрудились (особенно в области литературы), пытаясь заставить рабочих сделать своими руками буржуазную революцию.

Один латинский поэт сказал: кто начал дело, тот уже наполовину закончил его. Но с не меньшей долей справедливости можно, наоборот, утверждать, что сделать дело до половины — значит ничего не сделать. Вся цепь великих народных движений, развертывающаяся в веках, показывает, что там, где пролетариат не берет в свои руки все, он не получает ничего.

Страшная лавина репрессий. Преследования, расширяясь и расширяясь, охватили всю страну. Достаточно отме-

тит, что с 1905 по 1909 год число политических арестов поднялось в России с 85 000 до 200 000 в год. Полицейские репрессии усугублялись кровавыми черносотенными погромами. По всей стране свирепствовал «Союз русского народа» — сброд взбесившихся монархистов, провокаторов и бандитов.

Одновременно с трусливым и жестоким преследованием всех участников революции 1905 года в реакционной России появилась где-то поверх действительности пародия на демократию. Видимость конституции, подобие парламента, призрак либерализма. С тех пор история дала немало подобных гигантских социальных карикатур (она дает их и поныне).

Тупой и бестолковый царь, рабски покорный царице (эта дама ненавидела свободу других людей и хотела полностью искоренить крамолу на святой Руси), игрушка в руках попов и знахрей, — в минуты отрезвления был зверем: «Никого не оправдывать!», «главное, чтобы меня не просили о помиловании!» — заявил после 1905 года все-российский коронованный тюремщик, вешатель и организатор уличных расстрелов, несущий, сверх того, личную ответственность за русско-японскую войну. Ведь война эта разыгралась из-за манчжурских концессий, в которых он был денежно заинтересован.

А вокруг царя и под царем — государство: министры, главная забота которых была в том, чтобы топить трудящихся в грязном невежестве, избивать народ, душить стремления пролетариата; держать крестьян в еще более страшной нищете, чем до отмены крепостного права; покровительствовать оскорбляющим общественную нравственность чудотворцам — интимным советникам придворных дам; оставлять безнаказанными измеряемые астрономическими цифрами хищения чиновников всех мастей и злодейства пьяных монархических убийц из «Союза русского народа», организаторов погромов (отрасль, процветавшая не в пример всем другим).

В стране имелись очень хилые и бесхребетные конституционные партии, — «демократичность» их программы являлась прививкой против социализма. Эти партии, — как партия кадетов или октябристов¹, — могли казаться розовыми

¹ Кадетская партия так и не успела сыграть никакой роли в государственной жизни страны: она была распущена между царским режимом и Октябрьской революцией. Отметим, что ее вожди, заклятые

только черносотенцам. С величайшим терпением и почтительностью ждали они, чтобы буржуазная революция преподнесла им власть над государством.

После под'ема и спада революции 1905 года организация большевиков непоколебимо продолжала работу. Только большевики не потеряли головы, ибо только они не потеряли веры. «Они учитывали грядущий под'ем масс».

В 1906 году в Стокгольме — с'езд, куда от большевистской части тифлисской организации едет, под именем Ивановича, Сталин.

На этом с'езде Ленин дал бой меньшевикам. Их была тут целая блестящая фаланга: Плеханов, Аксельрод, Мартов. Со всей неумолимой, напористой и сокрушающей ясностью Ленин пункт за пунктом разгромил их аргументацию.

Ленин вовсе не был оратором в обычном смысле слова. Он не произносил речей, — он просто говорил с аудиторией. Если не считать некоторых отдельных моментов (например, в октябрьские дни), — моментов, когда надо было вызывать непосредственные массовые взрывы, когда неизбежно приходилось проявлять бешеную силу, чтобы овладеть всемогущим людским прибоем, — Ленин говорил почти без жестов. На с'езде можно было отметить его сдержанность и даже «суховатость». Он стремился только к тому, чтобы убедить своих слушателей, внедрить в их сознание свои мысли — не формой, а существом, не жестикуляцией и словесной игрой, а ясностью и весомостью содержания. Таким образом можно сказать, что ораторские позы, в которых его изображают, не совсем верны. В жизни Ленин никогда так не жестикулировал, как в бронзе или мраморе.

Простая, ясная, исчерпывающая манера говорить, свойственная Ленину, была инстинктивно усвоена и Сталиным. От этой манеры он никогда не отступал.

враги большевизма, все же еще задолго до войны заявили, что в случае, если царское самодержавие будет заменено в России конституционным строем западного типа, — новое правительство не признает займов, заключенных Николаем после 1905 года. Эти займы они называли «займами, заключенными царем против народа». В 1908 году, когда царское правительство полным ходом развернуло террористическую деятельность, казна его была пуста. Ее наполнили Франция. Этот жест французского министра Рувье (кстати сказать, вора) позволил царю снова взяться за свои дикие репрессии. С такой оценкой займа соглашались даже самые умеренные элементы русского «общества».

Он никогда не старался превратить трибуну в пьедестал, не стремился стать «громовой глоткой» на манер Муссолини или Гитлера, или вести адвокатскую игру по типу Керенского, как хорошо умевшего действовать на хрусталiki, барабанные перепонки и слезные железы слушателей; ему чуждо гипнотизирующее завывание Ганди. Он всегда был и остается еще более сдержанным в словах, чем Ленин.

Серафима Гопнер, сыгравшая в революции видную роль, рассказывает, какое впечатление произвела на нее в апреле 1917 года речь Сталина о деятельности Петроградского совета. То была «коротенькая речь, где было все», Сталин полностью охватил в ней ситуацию, — хватил так, что нельзя было ни выкинуть, ни изменить хотя бы одно слово. Орахелашвили тоже подчеркивает, что «в речах Сталина нет ни капли воды».

Но, говоря сдержанно, глуховатым голосом, без мимических эффектов, о единственной целью доказать свою мысль, Сталин, подобно Ленину, привлекает к себе, убеждает и потрясает содержанием своих речей, которые и в напечатанном виде сохраняют все свое величие, всю свою архитектурную логику. Исполненная широчайших перспектив, излучающая потоки света речь об итогах Пятилетнего плана, произнесенная Сталиным в начале 1933 года, — настоящий литературный шедевр.

... На Стокгольмском съезде меньшевики оказались в большинстве. Среди делегатов было слишком много таких, которые являлись не слушателями, а заранее подготовившимися противниками. Большевики потерпели поражение. И что же?

«... Я впервые видел тогда Ленина в роли побежденного. Он ни на йоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в стусок энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе... В речах некоторых делегатов сквозила усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: «Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы». Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера в свои силы, вера в победу — вот о чем говорил тогда с нами Ленин. Чувствовалось, что поражение большевиков является временным, что большевики должны победить в ближайшем будущем.

На следующий год Сталин ненадолго едет в Берлин поговорить с Лениным.

В 1907 году — новый съезд партии, Лондонский. На этот раз большевики восторжествовали. И что же?

«Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя. Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на йоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным. Помнится, как Ленин настойчиво внушал тогда делегатам: «первое дело — не увлекаться победой и не кичиться; второе дело — закрепить за собой победу; третье — добить противника, ибо он только побит, но далеко еще не добит». Он едко высмеивал тех делегатов, которые легкомысленно уверяли, что «отныне с меньшевиками покончено».

Не достигнув цели — хвалиться нечем, достигнув — незачем.

«Не хныкать по случаю поражения...» «Не кичиться победой...» Эти великие слова, вознесенные Лениным и мощно подхваченные Сталиным (он пользовался ими в очень серьезных обстоятельствах), относятся и ко всему широчайшему развитию современного социализма, и к последнему и решительному бою за совершенно новую цивилизацию, — но разве не вызывают они перед нами суровый и ясный облик величайших моралистов древности, заоблачные (увы, эфемерные) вершины греко-римского стоицизма? Не слышится ли в этих словах отзвук тех изречений, которые срывались с суровых и требовательных уст Эпиктета или Марка Аврелия?

К концу 1907 года, вернувшись с Лондонского съезда, Сталин обосновался в Баку. Он редактирует «Бакинский рабочий» (в 1907 году, в Тифлисе, он редактировал газету «Дро» — «Время»). За два месяца он перетягивает большинство бакинской организации РСДРП в ряды большевиков.

В том же году он совместно с Лениным провел напряженнейшую кампанию против «отзовистов» — крайних левых, требовавших, чтобы партия отзывала из Думы революционных депутатов. Ошибка! — утверждали Ленин и Сталин: как ни гнила от рождения молодая Дума, здоровые элементы должны оставаться в ней до последней возможности. Она дает им

новые средства связи со страной, новый рупор для пропаганды. (Отсюда видно, что большевистская непримиримость отлично умела никогда не переходить за пределы практического смысла и, конечно, допускала применение легальных средств). Сталин еще раз едет за границу поведаться с Лениным. Затем он снова арестован охранкой — и снова бежит. Далее, он — опять вместе с Лениным — ведет кампанию против «богостроительства»: против его родоначальника Богданова, против его блестящих защитников, Луначарского и Горького. Они хотели превратить социализм в религию, чтобы сделать его более популярным. Но социализм базируется на очевидности, так просто и ясно доходящей до всех трудящихся через простой здравый смысл и насущный личный интерес! Подводить под него искусственную мистическую базу — дело не серьезное и не прочное!

В последующие годы — та же деятельность. Великое дело упорных очистителей партии с трудом, героически, но прочно завоевывает себе сторонников в ее рядах. В 1910 году Сталина арестовали.

Период 1909 — 1911 годов был очень тяжел для разбросанных по империи революционеров: то был период застоя, безнадежности, почти паники. Российская социал-демократическая партия, дезорганизованная непрерывными ударами контрреволюции, теряла веру. Интеллигенты и даже многие рабочие отходили от партии. Не только меньшевики, но и некоторые большевики начинали все больше и больше думать о том, как бы легализоваться. Тяга к ликвидации подполья доходила до стремления к созданию легальной либеральной, почти официальной партии. Это был путь к самоубийству; это значило — «пожертвовать смыслом жизни, лишь бы жить» если позволительно воскрешать торжественный язык платоников. Ленин упорно, яростно боролся с упадочничеством, и Сталин все время сражался бок-о-бок с ним. Во время этой эпидемии им пришлось бороться против всех. Но в конце концов Ленин восторжествовал, «ибо был прав».

В 1911 году Сталин, по своему обыкновению бежав из ссылки появляется в Петербурге. Его снова поймали и сослали в Вологду; но он опять сократил срок ссылки — убежал, чтобы ринуться в бой. Он возвращается в Петербург и развертывает там на

пряженную деятельность, неустанно выступая в подпольных и полуподпольных кругах против меньшевиков (прежде всего — Троцкого) и анархо-синдикалистов.

В начале 1912 года состоялась Пражская конференция, — Сталин на ней не присутствовал. Эта конференция отмечает собою крупную дату в истории общественного движения: здесь был окончательно оформлен раскол между большевиками и меньшевиками. Размежевание провел Ленин, который тогда же, независимо от социал-демократии, организовал монолитную большевистскую партию. Сталин, несмотря на его отсутствие, был избран членом Центрального комитета новой партии.

Сталин был всюду. Сталин обещает партийные организации в разных районах России, редактирует «Звезду», является одним из основателей «Правды». Снова его арестовывают и ссылают, снова он возвращается к работе, перехитрив всех стражников и жандармов. Осенью он едет за границу для свидания с Лениным. Его видят и слышат на Краковском совещании большевиков (конец 1912 года)

Именно в это время русская дипломатия, вместе с дипломатией французской, занимается внешне-политической стряпней, обмениваясь со своей союзницей теми официальными нотами, которые, будучи впоследствии опубликованы и попав на свет истории, доказали, что львиная доля ответственности за мировую войну падает именно на франко-русский союз: Константинополь и проливы, Эльзас-Лотарингия (реванш и железо), Извольский и Пуанкаре. «Этот мерзавец Извольский», — как называл его Жорес, — этот мерзавец Извольский (знавший людей не хуже самого Жореса) заставил французские газеты и французских газетчиков, в частности «Тан» и г. Тардьё, внезапно переменить фронт: у него были, повидимому, магические средства убеждения.

В это же время начался новый революционный подъем, явно предвещавший могучее движение, которым было опрокинуто ненавистное царское самодержавие. Подлый ленский расстрел 1912 года, — войска стреляли в выборных от бастующих рабочих и в безоружную толпу, причем было убито пятьсот человек, — вызвал в стране огромное возмущение; уже слышались раскаты надвигающейся революционной грозы.

Не покидая своих боевых постов, из всех сил боролись подлинными революционеры за единство крепкой, действительно революционной партии, поистине несущей человечеству благодеяние глубочайшего политического и социального переворота, а не капитулянтство окончательно выродившегося меньшевизма. Надо было отстаивать правильную линию среди искривлений и зигзагов: тут были и «ликвидаторы», желавшие убедить партию, чтобы она отбросила революционные методы и погрязла в легальности, и те, кто, перегибая палку в другую сторону, впадали в бешенство, как только речь заходила об использовании легальных возможностей, и те, кто, «прикрываясь тогой примиренчества» проповедывали объединение любовью ценой и, вопреки здравому смыслу, хотели заставить итти рука об руку взаимно друг друга исключаящие направления (такова была позиция Троцкого).

Ленин и Сталин стремились максимально использовать одновременно все возможности революционной работы, — как легальные, так и подпольные. Они отбрасывали обманчивое единство (ловка западня) и боролись за единство подлинное, за победоносную целостность партии.

Теперь, когда все прошлое лежит перед нами, как на ладони, нам очень легко говорить, что они были правы. Но когда тебя захлестывает и увлекает водоворот сталкивающихся движений эпохи, — чтобы в этот момент видеть настоящее, как прошлое, ясно различать все последствия и предвидеть будущее, — для этого необходим огромный реалистический гений. Здесь прозорливость равносильна творчеству.

Ленин очень высоко ценил все, что писал в те времена Сталин. Вот что пишет он в 1911 году: «Корреспонденция тов. К[обы] заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией... лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить».

«Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели», — продолжает Ленин, — вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобратить их ошибочность, г. г. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддержи-

вает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства».

Сталин уже давно не имел — точнее, никогда не имел личной жизни. Без паспорта, загримированный, он изо дня в день должен был менять пристанище. Но ничто не останавливало его работы по созданию большевистской партии в подпольных условиях... «Нужно было создать боевой штаб, сколотить руководящий Центральный комитет, который бы явился организатором — водителем масс начавшегося революционного под'ема» (Швейцер).

Другой заботой Сталина была социалистическая национальная политика. Вопрос капитальный, от него в значительной степени зависела победа советской власти. В 1912 году Сталин нашел время написать по этому вопросу ряд статей решающего значения, впоследствии вошедших в его книгу «Марксизм и национально-колониальный вопрос» — об этой книге мы еще будем говорить.

«Правду» запрещают. Сталин и Молотов выпускают ее вновь под вызывающим псевдонимом: «За правду». Газету опять закрывают. Она появляется как «Путь правды».

Затем Сталина арестовали снова. В июле 1913 года его увезли в Сибирь, в Туруханский край: он уже успел провести вологодских, нарымских и прочих тюремщиков. У него был особый дар выскальзывать из жандармских лап. На сей раз его запрытали прочно. Его поселили в 20 километрах от Полярного круга в зимовьи Курейка; там были две-три избышки и примерно столько же бесснежных месяцев в году. «Ему пришлось, — рассказывает Шумяцкий, — устроиваться в промерзшей тундре на манер Робинзона». Сталин сам смастерил себе все нужное для рыболовства и охоты, от сетей и силков вплоть до гарпуна и топорика, которым он прорубал лед. Целый день он охотился, ловил рыбу, колол дрова, топил печь, стрелял пищу. Целый день... И все же в его избышке, на грубом деревянном столе, под тупым и подозрительным взглядом стражника, специально приставленного следить, чтобы изгнанник не убежал, нагромождались все новые и новые исписанные страницы, говорившие о важнейших вопросах рабочего движения.

В Сибири Сталин пробыл до 1917 года. На горизонте нависла черная ту-

ча мировой войны и вспыхивали зарницы второй русской революции.

Таков первый этап человеческого пути, который мы рассматриваем в этой книге. Если обратиться к настоящим знатокам дела, если попросить, например, такого человека, как Каганович, дать в одной фразе характеристику этого периода жизни Сталина, то Каганович (с каким сдержанным восторгом в голосе!) ответит: «Это — тип старого большевика!» «Самой замечательной и характерной чертой его, — добавит Каганович, — является именно то, что он на протяжении всей своей партийно-политической деятельности не отходил от Ленина, не колебался ни вправо, ни «влево». То же самое, в тех же выражениях, скажет нам и Бела Кун, тот самый Бела Кун, который руководил большевистской революцией в Венгрии и, доведя ее до победы, был впоследствии вынужден отступить (здесь сыграли роль прежде всего предательство венгерской социал-демократии и вооруженные силы европейского империализма), — тот Бела Кун, который и до, и после смерти Ленина постоянно работал рука об руку со Сталиным. То же самое скажут нам и Пятницкий, и Мануильский и Кнорин. Орджоникидзе говорит: «В те годы черной реакции, когда создавались и строились наши большевистские организации в России... т. Сталин был верным учеником Ленина... а господа Троцкие вели в это время жестокую борьбу против Ленина и его партии». В это время Троцкий «клеветает на партию, называя Ленина воплощением фракционной реакции и раскольнического своеволия, обвиняя большевиков в том, что они захватывают незаконно средства, и грозно спрашивая, на каком основании большевики назвали газету «Правдой» (Ярославский).

Великие мира сего решили начать мировую бойню, и русский народ пошел на поля сражения за британское владычество над морями, и английский народ пошел в бой за хозяев французской металлургии, и французский народ пошел драться за Константинополь, — и все они пошли в огонь за своих врагов.

Предательство 4 августа 1914 года показало, что большевики были правы: мировая социал-демократия в огромном своем большинстве проголосовала за защиту отечества, за священный союз пролетариев с капиталистами и импе-

риалистами своих стран. То был союз палачей с жертвами во имя спасения палачей. (Либкнехт сказал: волки и овцы). Не теряя чести, нельзя быть одновременно националистом и интернационалистом, и потому эта капитуляция показала все моральное падение Второго интернационала.

Когда разразилась война, Ленин и Зиновьев были в Галиции. Они переехали в Швейцарию и стали снова издавать орган русских большевиков «Социал-демократ», они написали целый ряд статей, собранных и опубликованных в сборнике «Против течения». Это большевистское меньшинство, — небольшой корабль в океане разнужданного европейского шовинизма, — непоколебимо боролось с ветром и волнами, твердо указывая массам, где, в какой стороне находятся справедливая логика и подлинная правда. Против захлестнувшего весь мир течения восстала только горсточка честных людей, — для всего человечества это не много. Но в конце концов непреклонные защитники истины всегда побеждают и разобьют все препятствия, «ибо они правы». Настанет время, когда в это дело вмешается история, — и все увидят, что скажет она о тех, кто хотел этого, и о тех, кто этого не хотел.

С первого же своего номера по возобновлению (1 ноября 1914 года) «Социал-демократ» посадил Реноделя и Цюдекума, Гаазе, Каутского и Плеханова на одну скамью. Он подчеркнул решающее значение большевистской непримиримости. Сектанство? Фанатическое преувеличение? Нет, как раз наоборот: гениальный смысл. Факт: Плеханов, Каутский, Жюль Гэд предали дело пролетариата и скатились в лагерь буржуазии. (Национализм — это тот самый проспект, по которому шествуют все социальные преступления). Факт: великая непримиримость глшатаев-бойцов, не шадивших собственной жизни, спасла русскую революцию. Это доказывается решительно всем. Не будь этих бойцов, русская революция в конце концов погибла бы так же, как германская и австрийская. Факт и то, что воспрепятствовать войне возможно одним, и только одним, способом: отправить к чорту все капиталистическое общество. Кто ставит цель, тот применяет и средства, — нет на свете более высокой морали.

Ленин, безупречный моралист в самом высоком смысле этого слова, восстает против моралистов гибельной

идеи отечества, когда эта идея попросту обожествляет географию. (Другое дело — когда отечество, становясь всенародным, воплощает в себе великое движение вперед). «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом, — говорит Ленин. — Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков»... но и от оппортунизма III Интернационал».

Это было написано 1 ноября 1914 года. А четыре с половиной года спустя из мысли Ленина родился во всероссийский Третий Интернационал.

С 1914 года, когда большевики в Петрограде боролись против царской реакции, против меньшевиков и прочих врагов, когда члены думской фракции большевиков были посланы в Сибирь, Ленин ведет бой в Европе. В 1915 году на конференции в Циммервальде он предлагает проект манифеста об империалистическом характере войны и о банкротстве социалистов 1914 года. В 1916 году, в Кинтале он подчеркивает эту позицию, противопоставляя ее путаной болтовне собравшихся.

В эти памятные времена многие сомнительные социалисты вновь обрели буржуазную невинность. Другие героически сохраняли спокойствие во время бури и попрежнему действовали в согласии со своими принципами. Моральная прямота и положительное знание — это почти одно и то же. То и другое обозначается словом: правда. Правда — это то мерило, которое определяет облик каждого.

Февраль 1917 года — буржуазная революция в России. Отречение царя. Правительство князя Львова. Керенский.

Ленин вернулся из Швейцарии через Германию. В пропуске по другому маршруту ему отказала Франция. (История с «запломбированным вагоном» и нагроможденные вокруг нее клеветнические легенды — общеизвестны). Третьего апреля 1917 года Ленин — в Петрограде. Сталин тоже возвращается — с противоположной стороны земного шара. На всероссийской конференции большевиков, где вновь вырисовываются два старых течения, Сталин защищает ленинскую линию против оппортунизма Каменева и других; его выбирают членом Центрального Комитета. Избирается Политбюро Центрального комитета партии. Сталин входит в него.

Положение защитников правильной

политической линии, подлинных и чистых строителей будущего общества, было особенно трудным именно потому, что развал махины царизма дал революционным чаяниям пышное театральное удовлетворение.

Неужели революция на этом и остановится? Неужели кучке жалких трусов, поднятых к власти яростью обездоленных масс, удастся эти массы предать? Такая возможность безусловно была, ибо (если не считать недолговечной Парижской коммуны 1871 года) именно так всегда кончались все народные восстания на всех тринадцати миллиардах гектаров земной суши.

Многие желали ограничиться тем, чтобы вымести исторический хлам, увенчанный царской короной, заменить наследственную диктатуру отродья Петра Великого так называемой «демократической» буржуазной властью, которую по очереди передавали бы друг другу две-три демократических на словах и антидемократических на деле партии: вместо императора — президент, вместо трона — министерское кресло. Соскрести царские гербы, перекрасить знамена и почтовые марки, заменить в табель-календарях портреты одних угнетателей народа портретами других угнетателей — и только. Пусть во всей этой республиканской мешанине потонет диктатура пролетариата, а следовательно, и социальная справедливость. И пусть система вечной гражданской войны и эксплуатации человека человеком остается в целости и сохранности. Новая ложь, новое политическое преступление перед народами страны.

Сталин вполне отчетливо разясняет: «Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику».

Иными словами, буржуазная революция консервативна. Полуреволюция есть контрреволюция. Поэтому и было столь патетическим положение людей, подготовивших «великий час» всей своей жизнью и кровью, — людей, которые с полной ясностью сознавали свой долг: вымести мусор буржуазной революции посредством новой революции.

За этот подвиг высокого разума и созидательной мудрости взялся Ленин, человек, которого трудности «превра-

шали в ступор энергии» (Сталин). Он разъяснил наличие так называемого «двоевластия», — социалистическое государство в государстве. Рядом с официальным правительством работало, укреплялось и готовилось стать единственной властью второе правительство, составленное из представителей трудящихся, обосновавшееся в Петроградском совете. И рабочие массы уже начинали открыто предпочитать это правительство тому, которое было признано иностранными державами.

Сталин крепко поддерживал Ленина. В августе 1917 года на VI (подпольном) съезде партии Сталин делал политический отчет Центрального комитета. К 9-му пункту резолюции по текущему политическому моменту Преображенский предложил инспирированную Троцким поправку, согласно которой строительство социализма в России ставилось в зависимость от победы пролетарской революции на Западе. («Строительство социализма в одной стране» было основным вопросом, вокруг которого до самых последних лет велась ожесточеннейшая борьба между партийным большинством и оппозицией). Сталин резко выступил против Преображенского. Он хотел сохранить за российской пролетарской революцией все возможности. Почему бы России не подать пример? Ленин и Сталин уже видели то, во что они верили. Поправка Преображенского была отвергнута съездом. Будь она принята, быть может, в мире не было бы того, что есть ныне.

«Накануне Октября, — рассказывает Калинин, — Сталин — один из тех немногих, вместе с которыми Ленин решает вопрос о восстании, конспирируя это от Зиновьева и Каменева, тогдашних членов ЦК».

Зиновьев и Каменев не были сторонниками восстания. «Они, — указывает Сталин, — прямо говорили тогда, что подымая восстание, мы идем к гибели, что нужно ждать Учредительного собрания, что условия для социализма не созрели и не скоро созреют... Каменев и Зиновьев шли на восстание из-под палки. Ленин их погонял палочкой, угрожая исключением из партии, и они вынуждены были волочиться на восстание. Троцкий шел на восстание добровольно. Но он шел не просто, а с оговорочкой, которая уже тогда сближала его с Каменевым и Зиновьевым...» Он утверждал, что «если не подоспелет помощь со сторо-

ны победивших западно-европейских рабочих, то безнадежно думать, что революционная Россия может устоять перед лицом консервативной Европы, а кто не верит в критику Троцкого, тот страдает национальной ограниченностью».

«Ленин и его партия шли на восстание без оговорок», — добавляет Сталин.

Зиновьев и Каменев докатились в своей враждебности и недисциплинированности до того, что в газетной статье публично выступили против решения о восстании, — решения, разумеется, секретного. Это предательство позволило Керенскому принять меры к вооруженной обороне. Ленин назвал Каменева и Зиновьева «штрейкбрехерами»; он говорил об их исключении из партии. В результате обоим пришлось уйти из ЦК.

В октябрьские дни ЦК выбирает Сталина членом пятерки (коллектив для политического руководства восстанием) и членом семерки (коллектив для организационного руководства восстанием).

25 октября (по новому стилю 7 ноября) совершилась пролетарская революция.

Последний толчок этому грандиозному историческому перевороту дал Ленин: здесь повсюду видна на первом плане его великая рука. 24 октября (6 ноября) — накануне — он пишет Центральному комитету, что сроки исполнились, что пора действовать. «...Поистине, промедление в восстании смерти подобно. Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

...ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью».

Чтобы развязать в такой момент пролетарскую революцию, нужно было с удивительной ясностью видеть не только одно настоящее. В самом деле, это значило идти на риск прямой интервенции в тот момент, когда выбившиеся из сил рабочие, крестьяне и солдаты яростно требовали мира; он ставил на карту все, ибо буржуазия и Ставка подготавливали военную диктатуру, ибо Керенский уже загонял большевистскую партию в подполье. То

был «скачок в неизвестность». И все же не следует думать, что тактика Ленина была азартной игрой или проявлением отчаяния. Неизвестность? Не для такого человека, как Ленин, который умел знать все и провидел сквозь хаос мирового землетрясения. что он, Ленин, «прав».

Когда освобожденное человечество будет отмечать даты своего освобождения, то с наибольшим подъемом, с наибольшим энтузиазмом оно станет праздновать день 25 Октября 1917 года, день решительного перехода от комедии революции к революции подлинной. И оно воздаст честь тем, кто это совершил.

Октябрьская революция, сверхреволюция — удалась

Она тотчас же декретирует немедленный мир (первое практическое условие победы, первый луч света в хаосе); она декретирует передачу всей власти Советам, т. е. диктатуру пролетариата, власть, рождающуюся повсюду из самой земли, подлинное человеческое право. Она провозглашает полное, сверху донизу, разрушение власти буржуазии не для того, чтобы просто заменить ее властью угнетавшегося и эксплуатировавшегося до тех пор класса, но для того, чтобы реорганизовать все общество при помощи единственной силы, способной выполнить эту колоссальную задачу, — при помощи пролетариата. Чтобы создать, наконец, подлинное, полностью кооперированное общество — без классов, без угнетения и эксплуатации, неделимое и, естественно, открытое для всего мира общество труда. Капиталистический фронт, охватывавший до того момента весь земной шар, был прорван, и брешь оказалась так огромна, что в ней уместилась шестая часть всей земной суши.

В Кремле взошла заря незапятнанного социализма, высоко державшего и удержавшего знамя своей революционной чистоты, — и в тот же момент другой социализм, социализм золотой середины, социализм шарлатанства и иллюзий, социализм, благодушно проповедывавший распределение прогресса мелкими порциями, с тем, чтобы буржуазия постепенно их поглощала и переваривала, все крепче порабошная массы, — этот социализм был отброшен в прошлое вместе со старым хламом.

Очень ярко воскрешает перед нами тогдашнюю действительность одна

страшная в своей реальности карикатура, — эпизод, рассказанный Джоном Ридом в «Десяти днях, которые потрясли мир». Социал-демократические тузы из городской думы, бородастые, как попы, огорошенные событиями, словно средневековые алхимики, которых вырвали из тишины лабораторий, — вышли на улицы Петрограда, чтобы прекратить «эксцессы революции». И вот они натываются на часового. «Я депутат Думы, друг мой». «Ничего не знаю. Все это мы выбросили», — отвечает простой солдат, загораживая дорогу демократическому первосвященнику, лишившемуся вслед за царем своего трона. Бедные первосвященники, не умевшие предугадать свое падение, попали вообще в положение опереточного героя Рипа, который вернулся домой проспав сто лет подряд. Но в данном случае дело было не столько в том, что спали эти люди, сколько в том, что пробудились широкие массы. Наступила совершенно новая фаза человеческих дел и поступков. Мир не видал ничего подобного с самого своего возникновения.

И вот начался период колоссальных трудностей, неописуемых препятствий.

Но «Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов», — говорит нам Сталин. «В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони».

Надо было строить. — но прежде всего надо было устоять против белогвардейцев, против меньшевиков (некоторое разлагающее влияние меньшевизма просачивалось и внутрь самой партии), против тех, кого Сталин называл «истеричными», т. е. против анархистов и левых эсеров. (На одном собрании Спиридонова грозила Ленину револьвером, а он спокойно посмеивался... Анархисты, обладающие только одним-единственным лозунгом, бездонным, как сама пустота, — «ни бога, ни хозяина!» — с отчаянным ожесточением множили единицу на единицу и уже готовились объявить войну алфавитному порядку)... И надо было бороться с великими державами и шпионами, с разорением, голодом, хозяйственной разрухой, финансовым развалом.

Надо было разрешить проблему империалистической войны, проблему национальностей: многие из них, все еще дрожа от ненависти к царскому ярму,

все еще пьянея от зрелища разбитых оков, оковы рвались в сторону, угрожая развалиться начатодело.

Надо было заключить мир с Германией и Австрией. Положение было трагически ответственное; создавалось головокружительное впечатление «скачка в неизвестность». Сталин сыграл свою роль и здесь. Совет народных комиссаров, желая войти с немцами в переговоры о перемирии и немедленно прекратить военные действия, дал соответствующий приказ главнокомандующему генералу Духонину.

«Помнится, как Ленин, Крыленко (буд. (будущий главнокомандующий) и я оправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духонинным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 12-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. «Пойдем на радиостанцию», — сказал Ленин — она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки». Так и было сделано.

Мирные переговоры между Германией и Россией открылись в Брест-Литовске. Буржуазия стран-победительниц проклинает Брестский мир; толковый словарь Ларусса, словарь пристрастный, шовинистический и реакционный, являющийся официальным дипломатическим справочником, квалифицирует Брестский договор как «позорный».

Эту оценку придется основательно пересмотреть. Если разобраться в деле, как следует, то окажется, что, в противоположность мнению чиновников Ларусса, весь позор падает в данном случае на страны-победительницы и прежде всего на Францию и Ан-

глию. Сепаратный мир между Россией и Германией не предал никого, кроме предателей, которые сами изменили всем своим заявлениям и публичным обещаниям.

В своих знаменитых письмах к Альберу Тома, писанных в Москве в 1918 году во время переговоров, Жак Садуль прекрасно показал изнанку всей грандиозной аферы войны. Во время войны союзники трубили по всему миру, что их цель — это мир без аннексий и контрибуций, «демократический» мир. С каким добродетельным жаром все министерские глотки четыре года подряд громогласно заверяли, что кроме Эльзас-Лотарингии (здесь исключение было отчетливо установлено с самого начала войны) союзники не собираются захватывать никаких территорий, что они не позволяют себе никакой мести! И в тылу, и на фронте нам проужжали все уши торжественными обещаниями «демократического» мира, мира без всякого барыша для победителей. Это нужно было для того, чтобы заставить нас драться «до победного конца».

И вот все это оказалось не более как демагогией и враньем. Страны Согласия вполне сознательно намеревались захватить и поделить между собою огромную добычу; это вскоре стало ясно решительно всем. По вопросу об этой добыче уже давно были готовы и подписаны договоры, — а все далай-ламы так называемой цивилизации только и делали, что били себя в грудь, заверяя массы в противном. Разрыв между Россией и державами-победительницами, заверченный в Бресте, начался еще в ноябре 1917 года, когда большевики призвали их обратиться к Германии с предложением демократического мира и честно объявить свои цели в войне, — а союзники России отказались, и отказались недаром. Социалистическая Россия не приняла участия в этом предательстве, в этом насилии над волей всех народов земли, стремившихся к миру, в этом продолжении бойни, которая, как теперь уже ясно всякому, имела своим результатом неизбежность новых войн и развитие фашизма в Германии. И несмотря на это, великие народы Запада, представленные, увы, всяческими Ллойд-Джорджами, Пуанкаре, Клемансо и т. д., — обошлись с Россией, проявившей мирную инициативу, самым бесчестным образом; впоследствии они несколько изменили свою позицию (хотя бы по видимо-

сти), когда им стало выгодным торговать с огромным советским рынком. Терпеливая история оценит должным образом махинации почтенных пастырей народов.

Непосредственное ведение брестских переговоров выпало на долю Троцкого, который присоединился к большевикам и был одним из видных членов правительства. Ленин руководил переговорами из центра, — не без советов Сталина. Когда Троцкий по прямому проводу обратился к Ленину за инструкцией, Ленин ответил ему следующей телеграммой от 15 января 1918 года: «Ответ Троцкому. Мне бы хотелось поговорить сначала со Сталиным, прежде чем ответить на ваш вопрос...» Немного позже, 18 января 1918 года, Ленин сообщает по прямому проводу: «Троцкому. Сейчас приехал Сталин обсудим с ним и сейчас дадим вам совместный ответ. Ленин».

Решающая роль, какую сыграл Сталин в момент брестских переговоров, слишком мало известна. Вся группа «левых коммунистов» — даже те из них, которые энергичнейшим образом участвовали в захвате власти, — была против подписания мира. Против Бреста был и Троцкий со своей формулой «ни мира, ни войны»: он считал, что война может действительно кончиться лишь в результате мировой революции. Только Ленин и Сталин были за немедленное заключение мира. Ленин не решался бросить на чашу весов свой личный авторитет. Сталин уговорил его сделать это. Их короткий разговор имел немалое значение для судеб революции.

И вообще в это время. — как пишет С. Пестковский, — «Ленин не мог обходиться без Сталина. ни одного дня. Вероятно, с этой целью наш кабинет в Смольном находился «под бомбом» у Ленина. В течение дня он вызывал Сталина по телефону бесконечное число раз, или же являлся в наш кабинет и увозил его с собой. Большую часть дня Сталин просиживал у Ленина... Один раз, войдя в кабинет Ильича, я застал интересную картину. На стене висела большая карта России, перед ней стояло два стула, а на них стояли Ильич и Сталин и водили пальцами по северной части, кажется, по Финляндии».

А ночью, когда Смольный несколько успокаивался, Сталин отправлялся к прямому проводу и оставался там на целые часы.

ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА

Новая проблема колоссальной важности — гражданская война. Вооруженные враги, — они получили богатое снаряжение от европейских держав, — охватили кольцом всю Россию и, напирая на все ее границы, уже прорвались во многих пунктах внутрь страны.

«Были такие часы, — особенно в октябре 1919 года, — когда молодая республика казалась на краю гибели. Но ни белые армии, ни военное нападение Польши, ни крестьянские восстания, ни голод не сломили ее волю. Вдохновляемые Лениным, ее раздетые и раззутые батальоны восторжествовали над четырнадцатью державами», — вынужден писать в своем очерке г. Малле, реакционный журналист, всем сердцем преданный капитализму и вообще весьма пристрастный.

Здесь надо осветить личную роль Сталина.

На каком бы фронте гражданской войны ни возникала особенно грозная опасность, — всюду посылали Сталина.

«В период 1918 — 1920 гг. товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места.

...Там, где в силу целого ряда причин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свою успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу, — там появлялся товарищ Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и — создавал перелом, оздоравливал обстановку. Сам товарищ Сталин писал... что его «превращают в специалиста по чистке конюшен военного ведомства»¹ (Ворошилов).

Это — один из самых удивительных и одновременно самых неизученных отрезков жизненного пути Сталина. Он вел военную работу с таким блеском, он добился таких побед, которых достаточно, чтобы прославить любого полководца.

Пользуясь сведениями, сообщенными Ворошиловым и Кагановичем, мы дадим здесь краткий очерк «военной ра-

¹ Намек на беспорядки в ведомстве, руководимом Троцким.

боты» того человека, которого тот же Ворошилов называет «одним из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны».

За два года Сталин побывал: на царицынском фронте (с Ворошиловым и Мининим), на пермском фронте 3-й армии (с Дзержинским), на петроградском — при первом наступлении Юденича, на западном (смоленском) — во время польского контрнаступления, на южном — против Деникина, снова на польском (район Житомира) и снова на южном — против Врангеля.

Невозможно представить себе более ужасное положение, чем то, в котором оказались бойцы Октября в 1918 году. Вся страна была превращена в загроможденное трупами и развалинами поле сражения, где, не прекращаясь ни на минуту, шел бой за самое главное — за политическую власть.

В Москве происходит левозерское восстание, на востоке изменяет Муравьев, на Урале развивается и крепнет чехословацкая контрреволюция. на крайнем юге — к Баку подбираются англичане. «Все горит в огненном кольце». Сталин приезжает в Царицын. Телеграмма за телеграммой летит по проводам к Сталину в Царицын от Ленина и обратно. Сталин приехал не в качестве военного инспектора, а в качестве руководителя всем продовольственным делом юга России. Положение Царицына приобретает громадное значение. Восстание на Дону и потеря Царицына означали бы также потерю — страшную потерю — всего Северного Кавказа, этой богатейшей житницы.

Немедленно по приезде Сталин пишет:

«Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни верных, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана; и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им».

Сталин застает в городе «невероятный хаос». В советских, профессиональных и партийных организациях, в органах военного командования — царят путаница и неразбериха. На каждом шагу приходилось наталкиваться на быстро растущую казачью контрреволюцию, которая получала в это время обильную поддержку от немецких оккупантов, занявших Украину. Белые банды захватывают один за другим близлежащие от Царицына пункты и

не только срывают возможность заготовки хлеба для Москвы и Петрограда, но и создают прямую угрозу Царицыну.

С первого же взгляда Сталин понял, что прежде всего он должен взять военное командование из рук колеблющихся и беспомощных. 11 июля 1918 года он телеграфирует Ленину: «Дело осложняется тем, что штаб Северокавказского округа оказался совершенно непригодным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости».

Сталин не такой человек, чтобы ограничиться констатированием фактов. Надо действовать, — и он действует. «Смотреть на это равнодушно, когда фронт Кальнина (на Северном Кавказе) оторван от пункта снабжения, а север — от хлебного района, считаю себя не в праве. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер и буду принимать вплоть до смещения губящих дело чинов и командиров, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать. При этом понятно, что беру на себя всю ответственность перед всеми высшими учреждениями».

Москва отвечает: Да, поставьте на ноги всю организацию... «навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнав всех неповинующихся». (из телеграммы РВС Республики с надписью: «Настоящая телеграмма отправляется по согласованию с Лениным»).

В момент, когда эта общая директива, — три строки, возлагающие на него колоссальные задачи, — дошла до Сталина, положение еще более осложнилось: к Царицыну подошли остатки украинских революционных армий, отступающих под натиском германских войск через донские степи.

Выправить такое положение — казалось невозможным. Огненная воля Сталина берется за это. Слово из земли вырастает Революционный военный совет, который немедленно приступает к организации регулярной армии. В течение самого короткого времени создаются дивизии, бригада и полка. Штаб,

органы снабжения, тыловые учреждения, а также советский и партийный аппарат — очищаются от контрреволюционных элементов. В Царицыне все же нашлось достаточно старых надежных большевиков, чтобы осадить контрреволюционеров и разделаться с ними. И вот дело пошло: все наладилось, на границе донского контрреволюционного пятна создался четкий и крепкий Красный штаб, готовый отразить всех бандитов — отечественных и иностранных.

Но это еще не все. Город был переполнен белогвардейцами. Эсеры, террористы и маховые монархисты открыто сговаривались друг с другом. (Постоянное, неизменное деловое сотрудничество так называемых «подлинных революционеров» с худшими врагами революции, — они соревновались между собою в том, кто нанесет революции более чувствительный удар, — комментариев не требует).

Царицын был убежищем, где нашла себе приют сбегавшая буржуазия. Там она, почти не скрываясь, снюхивалась с белым офицерством и открыто разгуливала по улицам и общественным садам, где гремели оркестры. Царицын был центром заговоров на глазах у всех.

Он перестал быть таким центром. Реввоенсовет во главе со Сталиным создает специальную Чeka, чтобы разделаться с этой публикой. Повсюду с удвоенной яростью свирепствовала гражданская война, со всех сторон лихорадочно усиливали свою деятельность иностранные душители революции, и дня не проходило, чтобы не раскрывался какой-нибудь подлый заговор.

Об этом периоде рассказывает в белогвардейском журнале «Донская волна» от 3 февраля 1919 года некто Носович, — предатель, служивший в советском штабе начальником оперативного управления и перебежавший в красновскую армию. Он вынужден воздать должное Сталину: когда события сорвали всю работу по заготовке и отправке продовольствия, — оказалось, что «не в правилах такого человека, как Сталин, уходить от раз начатого им дела». И Носович показывает, как Сталин берет в свои руки все военное и гражданское управление, как он неуклонно, раз за разом, отбивает все наскоки, все происки заклятых врагов революции.

Вот например: «К этому времени, — говорит Носович, — местная контрреволюционная организация, стоящая на

платформе Учредительного собрания, значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына. К большому сожалению, прибывший из Москвы глава этой организации инженер Алексеев и его два сына были мало знакомы с настоящей обстановкой и, благодаря неправильно составленному плану, основанному на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, бывшего на службе у большевиков при чрезвычайке, организация оказалась раскрытой...»

Ленин чрезвычайно опасался выступления левых эсеров в Царицыне. Он телеграфировал об этом Сталину и получил такой ответ: «Что касается истеричных, будьте уверены, у нас рука не дрогнет, с врагами будем действовать по-вражески».

Суровые, но необходимые меры против врагов, с оружием в руках нападавших на революцию в разгар ее ожесточенной войны с иностранными интервентами, — против врагов, рассчитывавших только на убийство, — подняли моральное состояние красных полков на фронте. Военные и политические руководители, массы бойцов — почувствовали, что их ведет твердый человек, обладающий точным знанием конечной цели, беспощадный ко всякому, кто хочет вернуть бывших рабов к прежнему рабству, ко всякому, кто хочет поставить ловушку новому, разбившему цепи народу, кто хочет, прячась под белым, черным, а иной раз и красным знаменем, вонзить освобожденным освободителям нож в спину.

Сталин брал на себя ответственность, но требовал и власти, как требует ее всякий, кому она нужна для дела. Вот какой факт сообщает нам тот же предатель Носович: «Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначную надпись на телеграмме: «Не принимать во внимание». Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжали сидеть на барже в Царицыне».

Чтобы проследить за выполнением своих приказов и навести большевистский порядок, Сталин лично отпра-

ляется на фронт, который к тому времени растянулся на 600 километров. Этот человек, который никогда не был на военной службе, обладал таким организаторским гением, что он сумел понять и разрешить самые сложные и трудные специальные вопросы (хотя критическое положение, ухудшавшееся с каждым днем, чудовищно усложняло их).

«Помню, как сейчас, — пишет Ворошилов, — начало августа 1918 г. Красновские казачьи части ведут наступление на Царицын, пытаюсь концентрическим ударом сбросить красные полки на Волгу. В течение многих дней красные войска во главе с коммунистической дивизией, сплошь состоявшей из рабочих Донбасса, отражают исключительной силы натиск прекрасно организованных казачьих частей. Это были дни величайшего напряжения. Нужно было видеть товарища Сталина в это время. Как всегда, спокойный, углубленный в свои мысли, он буквально целыми сутками не спал, распределяя свою интенсивнейшую работу между боевыми позициями и штабом армии. Положение на фронте становилось почти катастрофическим, Красновские части под командованием Фицхалаурова, Мамонтова и др. хорошо продуманным маневром теснили наши измотанные, несущие огромные потери войска. Фронт противника, построенный подковой, упиравшейся своими флангами в Волгу, с каждым днем сжимался все больше и больше. У нас не было путей отхода. Но Сталин о них и не заботился. Он был проникнут одним сознанием, одной единственной мыслью — победить, разбить врага во что бы то ни стало. И эта несокрушимая воля Сталина передавалась всем его ближайшим соратникам, и невзирая на почти безвыходное положение, никто не сомневался в победе.

И мы победили. Разгромленный враг был отброшен далеко к Дону».

То же мрачное положение, та же эпопея на восточном фронте, в Перми.

К концу 1918 года этот фронт был в исключительно опасном, почти безнадежном состоянии.

3-я армия поддавалась, ей пришлось сдать Пермь. Под жестокими ударами противника, наступавшего полукольцом, эта армия к концу ноября была окончательно деморализована. Итог последних шести месяцев, — бои шли, не прекращаясь, — был потрясающим: от-

сутствие резервов, необеспеченность тыла, отвратительно налаженное продовольствие (29-я дивизия пять суток отбивалась буквально без куска хлеба); при 35-градусном морозе, полном бездорожьи, огромной растянутости фронта (более четырехсот километров), при слабом штабе «3-я армия оказалась не в состоянии устоять против натиска превосходных сил противника».

К тому же бывшие офицеры, недавние царские слуги, массами изменяли, и целые полки, измученные бездарным или пьянствующим командованием, сдавались противнику.

Тогда произошла катастрофа: беспорядочное отступление — триста километров за двадцать дней, — потеря 18 000 бойцов, десятков орудий, сотен пулеметов. Противник приближался, угрожая Вятке и всему восточному фронту.

Ленин телеграфирует ВВСР: «Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. Я думал послать Сталина...»

ЦК послал Сталина и Дзержинского. Свою основную задачу — «расследование причин сдачи Перми» — Сталин отодвинул на второй план, а центр тяжести своей работы перенес на принятие действенных мер по восстановлению положения. Положение оказалось еще хуже, чем предполагали, и Сталин телеграфно сообщил об этом Председателю Совета Обороны, Ленину, требуя немедленных подкреплений, которые позволили бы встретить опасность. Недолго спустя он посылает отчет о причинах сдачи Перми и вместе с Дзержинским предлагает целый ряд мероприятий по поднятию боеспособности 3-й армии. Со свойственной ему быстротой и решительностью он провел все эти многочисленные военные и политические меры, и в том же месяце (январь 1919 года) дальнейшее продвижение противника было приостановлено, восточный фронт перешел в наступление, и на правом фланге был взят Уралск.

В подобной же трагической обстановке находилась весною 1919 года и 7-я армия, сражавшаяся против белых полчищ Юденича, которому была поставлена Колчаком задача «овладеть Петроградом» и оттянуть революционные войска с восточного фронта.

При помощи белоэстонцев, белофиннов и английского флота Юденич пе-

решил в неожиданное наступление и создал реальную угрозу Петрограду.

Сверх того он имел союзников в самом Петрограде: там был обнаружен заговор, нити которого находились в руках военных специалистов, служивших в штабе западного фронта, в 7-й армии и кронштадтской морской базе.

Юденич наступал на Петроград, а в это время Булак-Балахович добился ряда успехов на псковском направлении. Измена и дезертирство все умножались. Гарнизон фортов «Красная горка» и «Серая лошадь» открыто выступили против советской власти. Расстояние между белыми и Петроградом сокращалось, советские части отступали. За границей рабочие лихорадочно ждали известий и в тревоге, в ярости, в отчаянии стекались на массовые собрания (Вы помните это, французские товарищи!).

Центральный комитет послал Сталина, и он в три недели успешно организовал революционное сопротивление: через двадцать дней расхлябанность и растерянность частей и штаба были ликвидированы. Мобилизуются питерские рабочие и коммунисты. Дезертирство пресечено в корне. Враг остановлен и разбит, изменники уничтожены.

Сталин лично руководит военными действиями. Вот что он телеграфирует Ленину: «Вслед за «Красной горкой» ликвидирована «Серая лошадь»... идет быстрый ремонт всех фортов и крепостей. Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой».

И вот итог этой молниеносной кампании — новая телеграмма Сталина, посланная Ленину всего шесть дней спустя:

«Перелом в наших частях начался. За неделю не было у нас ни одного случая частичных или групповых перебежек. Дезертиры возвращаются тысячами. Перебежки из лагеря противника в наш лагерь участились. За неделю к нам перебежало человек 400, большинство с оружием. Вчера днем началось наступление. Хотя обещанное подкрепление еще не получено, стоять дальше на той же линии, на которой

мы остановились, нельзя было — слишком близко до Питера. Пока что наступление идет успешно, белые бегут, нами сегодня занята линия Керново — Воронино — Слепино — Касково. Взяты нами пленные, 2 или больше орудий, автоматы, патроны. Неприятельские суда не появляются, видимо боятся «Красной горки», которая теперь вполне наша...»

А теперь — южный фронт.

«Осень 1919 г., — пишет Ворошилов, — памятна всем. Наступал решающий, переломный момент всей гражданской войны».

И Ворошилов вскрывает основные черты создавшегося положения: общее наступление Деникина по всему южному фронту. Снабженные «союзниками», поддержанные их штабами, бело-гвардейские полчища Деникина подходили к Орлу. Весь громадный южный фронт медленными валами откатывался назад. Внутри положение было не менее тяжелое. Продовольственные затруднения чрезвычайно обострились. Промышленность останавливалась от недостатка топлива. Внутри страны, и даже в самой Москве, зашевелились контрреволюционные элементы. Опасность угрожала Туле, опасность нависла над Москвой.

Что делать в момент такой катастрофы? И на южный фронт ЦК посылает Сталина в качестве члена РВС.

«Теперь, — пишет Ворошилов, — уже нет надобности скрывать, что перед своим назначением товарищ Сталин поставил перед ЦК три главных условия: 1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии, 2) с южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых товарищ Сталин считал непригодными восстановить положение в войсках, и 3) на южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору Сталина, которые эту задачу могли выполнить. Эти условия были приняты полностью.

Но для того, чтобы охватить эту громадную машину (от Волги до польско-украинской границы), называвшуюся южным фронтом, насчитывавшую в своем составе несколько сот тысяч войск, нужен был точный оперативный план, нужна была ясно сформулированная задача фронту. Тогда эту цель можно было бы поставить перед войсками и путем перегруппировки и со-

средоточения лучших сил на главных направлениях нанести удар врагу».

Сталин застает на фронте обстановку смещения и развала. Атмосфера нависшей угрозы и безнадежности. Красная армия Республики разбита на главном направлении Курск — Орел — Тула. Восточный фланг беспомощно топчется на месте.

Что же делать? Имелся оперативный план, принятый Главным командованием еще в сентябре. По этому плану предполагалось нанести противнику главный удар левым флангом, от Царицына на Новороссийск, через донские степи.

Прежде всего Сталин констатирует, что с сентября месяца «основной план наступления южного фронта остается без изменения; именно главнейший удар наносится особой группой Шорина, имеющей задачей уничтожение врага на Дону и Кубани».

Сталин изучает этот план, прорабатывает его, обдумывает — и решает, что план не годится. Теперь уже не годится. Два месяца назад он был неплох, но с тех пор обстоятельства переменились. Нужно что-то другое. Сталин видит, что именно нужно, — и посылает Ленину новое предложение. Прочтем его письмо: этот исторический документ покажет нам одновременно и положение на огромном южном фронте, и смелую проницательность автора.

«Месяца два назад Главком принципиально не возражал против удара с запада на восток через Донецкий бассейн, как основного. Если он все же не пошел на такой удар, то потому, что ссылался на «наследство», полученное в результате отступления южных войск летом, т. е. на стихийно создавшуюся группировку войск юго-восточного фронта, перестройка которой (группировки) повела бы к большой трате времени, к выгоде Деникина... Но теперь обстановка и связанная с ней группировка сил изменились в основе. 8 армия (основная на бывшем южном фронте) передвинулась в район южфронта и смотрит прямо на Донецкий бассейн, конкорпус Буденного (другая основная сила) передвинулся тоже в район южфронта, прибавилась новая сила латдивизия, — которая через месяц, обновившись, вновь представит грозную для Деникина силу... Что же заставляет Главкома (ставку) отстаивать старый план? Очевидно одно лишь упорство, если угодно — фракционность самая тупая и самая опас-

ная для Республики, культивируемая в Главкоме состоящим при нем «стратегическим» петушком...¹ На-днях Главком дал Шорину директиву о наступлении на Новороссийск через донские степи по линии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде вражеской нам, в условиях абсолютно-го бездорожья, грозит нам полным крахом. Нетрудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сломать казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т. е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов: во-первых здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, — симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение, во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж — Ростов... в-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих Добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых, мы получаем возможность поспорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет... в-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля. С принятием этого плана нельзя медлить... Кроме, старый, уже отмененный жизнью план ни в коем случае не следует гальванизировать, — это опасно для Республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели для этого, но и повелительно диктуют такую замену... Без этого моя работа на южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к чорту, только не оста-

¹ Намек на Троцкого.

ваться на южном фронте. Ваш Сталин и я».

Центральный комитет без колебаний принял план Сталина. Сам Ленин собственной рукой написал распоряжение полковому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы. Главный удар был нанесен южным фронтом в направлении на Харьков—Донбасс—Ростов. Результаты известны: перелом в гражданской войне был достигнут. Деникинские полчища были опрокинуты в Черное море. Украина и Северный Кавказ освобождены от белогвардейцев. Гражданская война заканчивалась победой революции.

Быстрота и полнота успехов Сталина таковы, что хочется думать о каком-то магическом жезле. Самым редкостным, совершенно исключительным является здесь то, что в одном человеке гармонически сочетались все творческие элементы практического, действенного реализма. Подлинный реалист должен обладать проницательностью, чтобы предвидеть события, должен иметь смелость заявлять, что иногда более длинный путь оказывается самым коротким, должен быть достаточно сильным, чтобы соответственно направлять ход событий.

Прибытие Сталина на южный фронт имело своим результатом создание Конной армии, сыгравшей такую огромную роль в окончательном разгроме белых. Благодаря своей настойчивости Сталин заставил принять план, который не разделялся частью Реввоенсовета, прежде всего в отношении южного фронта. Сталину же принадлежит заслуга известного изменения военной тактики — применение ударных групп; избирая главные направления, сосредоточивать на них лучшие части и бить врага.

Разрабатывая эту стратегию прямого действия, Сталин одновременно не терял из виду и военную организацию в ее целом, и необходимость гармонического подчинения этому целому всех ее частей. В январе 1919 года Сталин пишет вместе с Дзержинским: «Армия не может действовать как самодовлеющая, вполне автономная единица; в своих действиях она всецело зависит от смежных с ней армий и прежде всего от директив Реввоенсовета Республики: самая боеспособная армия при прочих равных условиях может потерпеть крах при неправильности директив центра и отсутствии действенного контакта со смежными армиями. Необходимо установить на фронтах, прежде

всего на восточном фронте, режим строгой централизации действий отдельных армий вокруг осуществления определенной, серьезно продуманной стратегической директивы. Произвол или необдуманность в деле определения директив, без серьезного учета всех данных, и вытекающая отсюда быстрая смена директив, а также неопределенность самых директив, как это допускает Реввоенсовет Республики, исключает возможность руководства армиями...».

В этой главе о гражданской войне нельзя не отметить, что на VIII съезде партии Сталин защищал идею «новой армии», — армии регулярной, воспитанной в духе дисциплины и охваченной системой политотделов.

Между тем гражданская война неожиданно вспыхнула с новой силой: появился Врангель — жадный аватюрист, страдавший манией величия. Деньгами, солдатами и снаряжением его досыта снабдили Франция и Англия, стремившиеся во что бы то ни стало довести до конца свою роль сообщников белогвардейщины, восстановителей режима, кнута и рабства.

Врангель, заявив *urbī et orbī* (всему миру), что он союзник Польши, вырвался из пределов Крыма и создал страшную угрозу только что освобожденному Донбассу и всему югу.

Первая мысль Центрального комитета — вновь призвать Сталина. Постановление от 3 августа 1920 года:

«Ввиду успеха Врангеля и тревоги на Кубани необходимо признать врангелевский фронт имеющим огромное, вполне самостоятельное значение, выделив его как самостоятельный фронт. Поручить товарищу Сталину сформировать Реввоенсовет, целиком сосредоточить свои силы на врангелевском фронте, в качестве командующего фронтом — Егорова или Фрунзе, по соглашению Главкома со Сталиным». Ленин пишет Сталину: «Только что провели Политбюро, разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем...».

Сталин организует новый фронт. Больно заставлял его временно оставить работу, но как только начинается польская кампания, он снова на боевом посту, в качестве члена Реввоенсовета юго-западного фронта. Разгром польских армий, освобождение Киева и Правобережной Украины, глубокое проникновение в Галицию — в значительной степени являются результатом его руководства. Ему принадлежит идея знаменитого рейда 1-й Конной армии.

Разгром всего польского фронта на Украине и почти полное уничтожение 3-й польской армии под Киевом, удары по Бердичеву и Житомиру и движение 1-й Конной армии в ровенском направлении создали обстановку, позволившую Красной армии перейти в общее наступление. Но неудача красных войск под Варшавой в боях с польско-европейскими силами срывает натиск Конной армии, изготовившейся к атаке Львова (она находилась в 10 километрах от Львова).

Сталин, многократно в корне выправлявший положение на самых напряженных и угрожаемых участках фронта гражданской войны, был дважды награжден орденом Красного знамени и назначен членом Реввоенсовета Республики (он работал на этом посту с 1920 по 1923 год).

«Гражданская война» — термин неточный. Русская революция была атакована не только белогвардейцами, но и иностранными державами. Красной армии пришлось сражаться не только с царской военщиной и царскими штабами, но и с военщиной французской и английской, а также японской, американской, румынской, греческой и т. д.

Империалистические державы не удовлетворились тем, что совершенно открыто поддерживали вождей белогвардейских орд (все эти вожди были поочередно официально признаны французским правительством), — поддерживали и деньгами, и людьми, и руководством. Мало того: мировая война была уже кончена, мир был уже заключен, а французские и английские войска, вопреки всякому международному праву, проникнув в Россию и с моря и с суши, принялись вслед за германскими войсками захватывать и грабить советские земли, избивать население, расстреливать руководителей, разрушать дотла промышленные районы.

Германская армия оторвала от России Прибалтийские страны и Финляндию. Союзники отторгли от нее Польшу и, дополнив ее кусками Австрии и Германии, создали независимое государство. Они сделали это не ради прекрасных глаз поляков, но для того, чтобы отгородиться плотиной от России. Они укрепили у советского государства Бессарабию, чтобы, пренебрегая желаниями бессарабцев, заплатить ею Румынии. И все эти махинации осуществлены, повторяю, в тот момент, когда ни Франция, ни Англия отнюдь не находились в состоянии войны с Россией.

Их военные захваты были предприятием объединенной контрреволюции. Они были вызваны не только желанием отомстить за сепаратный мир (не надо забывать, что первыми подписали Брестский договор не большевики, а украинские националисты, которым одновременно покровительствовали и Германия и Антанта; стоит ли лишний раз подчеркивать, что позиция Советской России в Бресте была позицией справедливости и защиты прав человека, а против нее выступала коварная политика империалистического хищничества, губительные результаты которой мы теперь видим воочию). Но «свободная» Англия и «революционная» Франция никак не могли примириться с антикапиталистической революцией и считали себя обязанными сделать все, чтобы любыми средствами пресечь этот кошмар народной власти, возникшей на глазах у всей Европы¹.

То, что союзническая интервенция, пытавшаяся оторвать от России области, которым революция дала новое социальное устройство, была актом контрреволюции, блестяще доказывается уже хотя бы одним сотрудничеством войск Антанты с германскими отрядами в Балтике (фон-дер-Гольц, Розенберг).

...Но вот Советская Россия освобождена от войск контрреволюции.

Качества, обнаруженные Сталиным в драматических обстоятельствах гражданской войны, нисколько не были неожиданными для тех, кто знал этого человека. Он только применил в новой сфере деятельности свои личные данные: точность взгляда, умение сразу схватывать решающие пункты каждой конкретной ситуации, понимание подлинных причин и неизбежных следствий любого факта, понимание связи этого факта со всем процессом, отвращение к беспорядку и путанице, несгибаемое упорство в деле подготовки и создания всех условий, необходимых для достижения поставленной цели, раз

¹ По вопросу о чудовищно скандальной посылке французской эскадры с пехотной дивизией в Черное море (1919), — что было грубейшим вооруженным вмешательством во внутренние дела чужого народа, без объявления ему войны, — по вопросу об этом скандале литературным представителем французского правительства выступает правый писатель Рене Пинон. Г-н Пинон утверждает, что «интервенция, строго говоря, не была вмешательством во внутренние дела иностранного государства», что она «не имела такого характера, поскольку дело шло о том, чтобы освободить страну и одновременно весь мир от величайшей социальной опасности»... Трудно представить себе худшее изуистство.

уж эта цель обдумана и определена. Все это — не что иное, как истинный марксизм, перенесенный на поля сражения.

Вожь, умевший до такой степени разработать и усовершенствовать дело практического осуществления, был суров и даже жесток с теми, кто не умел работать, он был неумолим к предателям и саботажникам, — но можно указать целый ряд случаев, когда он со всей своей огромной энергией вступался за людей, которые были, по его мнению, осуждены без достаточных оснований. Так, например, именно он освободил приговоренного к смерти Пархоменко.

В периоды, когда решаются судьбы народов, когда все играют ва-банк, когда каждому, хочет он того или нет, приходится отвечать своей головой, — встает вопрос о ценности человеческой жизни и о праве располагать ею ради успеха дела.

Этот вопрос надо ставить в свете социализма. Если бы перед нами был капиталистический режим, империалистическая власть, то никаких вопросов ставить не пришлось бы. Слишком очевидно, что самый принцип капиталистического империализма основан на презрении к жизни человека: товары навязываются силой, торговля превращается в таможенную войну, система преимуществ, система индивидуальной и коллективной войны возводится в правило. Колониальный режим есть каторжный режим интенсивного выкачивания прибыли. Страны-колонизаторы берут слабые народности в плен, присваивают их территории и обращаются с туземцами одновременно как с врагами и как с домашним скотом: из них выжимают все соки, их избивают, их приговаривают к принудительным работам, а если они добиваются свободы, их просто казнят. Бельгийское Конго, Марокко, Французская Западная Африка, Индия, Индо-Китай, Ява. А потом — ради выгод национально-интернациональной фирмы, все акции которой находятся в руках нескольких человек, разжигаются войны, наносящие человечеству огромные раны.

Социалистическая же система — это система, служащая интересам человека. Разумной и справедливой организацией всех людей она стремится максимально улучшить жизнь каждого. Ее можно назвать системой «гуманитарной» по своей природе.

Таким образом, именно для большевиков, — подлинных социалистов на-

шего времени, — вопрос об уважении к человеческой жизни является чрезвычайно серьезным и важным. И они ставят его сами.

Именно из уважения к человеческой жизни они заявляют, что некоторых людей надо уметь обезвреживать (слово «наказывать» будет здесь неправильным: обращаясь к мистической идее искупления, мы тем самым предполагаем существование и личное вмешательство господ бога).

В самом деле, вполне очевидно, что в известных случаях бывает необходимо поразить одного человека, чтобы спасти тысячи, чтобы спасти сто тысяч, чтобы спасти будущее и создать лучший мир, в котором человек уже никогда не будет жертвою человека.

В пространном эпическом романе «Отверженные» Виктор Гюго с обычным своим возвышенным красноречием, и в то же время с огромной пронизательностью, сказал о французской революции: «Из самых жестоких ее ударов рождается ласка человечеству». Если для ограниченной великой революции 1789 года, сделавшей буржуазию хозяином XIX века, это лирическое утверждение и стало спорным, то для всеобъемлющей революции, с потрясающей честностью осуществленной людьми Октября, оно бесспорно.

Многие говорят: «всякая революция требует крови, а у меня мягкое сердце, — и потому я не хочу революции». Социальные консерваторы, говорящие так, жалко близоруки, если они только не разыгрывают комедию. Мы, живущие вне страны Советов, находимся в условиях кровавого режима. Неправедливость и убийства окружают нас со всех сторон. Чтобы убедиться в этом, достаточно оглянуться кругом. Но большинство не оглядывается. Оно неспособно замечать страдания других. И в конечном счете революцию обыватель рассматривает не с точки зрения того, что она дает людям, а с точки зрения тех неудобств и трудностей, которые она может внести в его личную жизнь.

Недавно скончавшийся руководитель ОГПУ Менжинский, с которым я имел продолжительную беседу, говорил мне о том, до какой степени принципиально нелепо обвинять в жестокости или неуважении к человеческой жизни руководящую партию Советского Союза, конечной целью которой является братская солидарность всех людей на земле и мирный труд. И в самом деле, он показал мне, как бережно стража ре-

волюции, родная сестра трудящихся масс, использовать каждый случай, когда можно «исправить», «переделать» преступника не только уголовного (в этой власти карательной политики большевики проявляют исключительную человечность и почти парадоксальное терпение), но также и политического. Коммунисты исходят из того принципа, что уголовные преступники — это люди, которые не сознают собственных интересов и сами коверкают себе жизнь, так что остается только доказать им это; враги же пролетарской революции, являющейся началом революции во всем мире, — тоже люди заблуждающиеся (те, которые искренни), и их надо в этом убедить. Вот почему порьму всячески стараются превратить в школу.

Таким образом проблема репрессий сводится к тому, чтобы найти минимум, необходимый с точки зрения общего движения вперед. Преуменьшить этот минимум — так же преступно, как преувеличить. Тот, кто шадит людей готовящихся действовать во вред делу всего человечества, — преступник. Спаситель убийц — сам убийца. Подлинная доброта должна простираться и на будущее.

Если бы русская революция, к великой радости кучки идеалистических ханжей, приняла систему механического всепрощения и не стала бы защищаться тем же оружием, которое враги обращают против нее, то она недолго бы продержалась. Ее задумали бы Франция, Англия, Польша, они немедленно ввели бы в Петроград царя и белогвардейцев что, впрочем, эти державы и пытались сделать всеми средствами. Если дело революции живет, если оно уже сейчас украшает собой будущее, то это потому, что революция всегда безжалостно и беспощадно уничтожала омерзительную сеть предательств и все заговоры, готовые удар ножом в спину, заговоры белогвардейцев, империалистических шпионов, дипломатов и политиков саботажников, эсеров и анархистов, националистов-меньшевиков, перерожденцев-оппозиционеров, которых в той или иной степени поддерживали из-за границы, — словом, всей остервенелой своры, питающей бешеную ненависть к стране, которая подала потрясающий пример победоносной борьбы за свободу труда и человеческое достоинство.

Несколько лет тому назад (в конце 1931 года) Сталин, отвечая в одном из интервью на вопрос относительно «стро-

гости и беспощадности советской власти в борьбе с ее врагами», сказал:

«Когда большевики пришли к власти, они сначала проявляли по отношению к своим врагам мягкость. Меньшевики продолжали существовать легально и выпускали свою газету. Даже кадеты продолжали издавать свою газету. Когда генерал Краснов организовал контр-революционный поход на Ленинград и попал в наши руки, то по условиям военного времени мы могли его по меньшей мере держать в плену, более того, мы должны были бы его расстрелять. А мы его выпустили «на честное слово». И что же? Вскоре выяснилось, что подобная мягкость только подрывает крепость Советской власти. Мы совершили ошибку, проявляя подобную мягкость по отношению к врагам рабочего класса. Если бы мы повторили и дальше эту ошибку, мы совершили бы преступление по отношению к рабочему классу, мы предали бы его интересы. И это вскоре стало совершенно ясно. Очень скоро выяснилось, что чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивление эти враги оказывают. Вскоре правые эс-эры — Гоц и др. и правые меньшевики организовали в Ленинграде контр-революционное выступление юнкеров, в результате которого погибло много наших революционных матросов. Тот же Краснов, которого мы выпустили «на честное слово», организовал белогвардейских казаков. Он объединился с Мамонтовым и в течение двух лет вел вооруженную борьбу против Советской власти. Мы убедились в том, как мы ошиблись, проявляя мягкость».

С этими словами Сталина я сопоставлю то, что он говорил семь лет назад мне самому по поводу пресловутого «красного террора». Он говорил о смертной казни: «Мы, разумеется, сторонники отмены смертной казни. Кроме того, мы думаем, что для нас нет никакой необходимости сохранять ее во внутреннем строе Союза. И мы давно уже отменили бы смертную казнь, если бы не наше внешнее окружение, если бы не империалистические державы. Они вынуждают нас сохранять, для обороны нашего существования, смертную казнь».

Здесь Сталин имеет в виду множество самых циничных открытых покушений и еще большее количество самых коварных тайных покушений на СССР со стороны руководящих полити-

ческих кругов буржуазных государств, всегда и всюду находящихся в тесном средстве, в химическом средстве со

злейшими врагами русской революции¹. Кто бьет справедливо, тот должен бить крепко.

III

СОЗВЕЗДИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

С первых же дней Октября Сталин занял пост народного комиссара по делам национальностей. На этом посту он оставался до 1923 года. Проблема национальностей — или проблема единства в многообразии.

Лет десять тому назад Сталин в чрезвычайно торжественной обстановке заявил, что если первой основой Республики Советов является союз рабочих и крестьян, то второй ее основой является союз различных национальностей: русских и украинцев, башкир и белорусов, грузин и азербайджанцев, армян и дагестанцев, татар и киргизов, узбеков и туркмен.

После разрушения двух старых режимов, — царского и буржуазного, трехвекового и полугодового, — все (и прежде всего передовая когорта, т. е. Ленин и Центральный комитет) признавали Сталина одним из лучших теоретиков и практиков национального вопроса. Он и сейчас считается первым знатоком национального вопроса в Советском Союзе.

Вопрос капитальный. В частности — вопрос о костяке нового государства; в более общей форме — вопрос о географическом костяке социализма. Он встает и на карте России, и на всей разорванной, растерзанной карте мира.

Мы, люди Запада, иногда называем «русскими» всех граждан государства, раскинувшегося от Польши до Аляски, простирающегося на восемь тысяч километров по земной окружности. Но такое обозначение можно принять лишь как условное, сокращенное и, так сказать, символическое. В настоящий момент Россия представляет собою не более как одну из стран, входящих в СССР. Это — не область: это государство, республика. Кроме России, на двух миллиардах гектаров Советского Союза помещается еще несколько республик и свыше ста различных национальных автономии и этнических групп, входящих в современную федерацию; прежде все они были беспорядочно свалены в единую ватину российской династии, квартировавшей под расписными сводами Кремля. Россия в собственном смысле этого слова есть лишь

крупнейшая из этих стран; административным центром всей огромной территории, охватывающей половину земной окружности, является русский город, — необходим же для общего управления какой-то административный центр. Однако, грузин остается грузином. Украинец остается украинцем. Они — такие же русские, как и мы с вами.

При царе все эти насильственно захваченные области и народы насильственно же удерживались в едином национальном русле, а «национальное» в те времена просто — и с какой грубостью! — понималось как «русское». Стирание национальных особенностей, русификация, переделка всего, от государственной организации до внутреннего уклада, на русский образец, уничтожение национальных границ военным сапогом, вопиющее удушение национальных языков, вытеснение их русским. Как мы уже видели мельком на примере Грузии, — петербургско-московской центральной власти, позолоченному человечку, замахивавшемуся из Зимнего дворца кулаком на «всю великую и малую и белую Россию», хотелось заставить все колонизированное «инородческое» население перенести кожу. Исходившие от него разрушительные законы имели целью с корнем вытравить этническую самобытность национальностей.

Теперь эти национальности получили совершенно новое устройство, логически вытекающее из принципов социализма. А Сталин был и остается первым признанным носителем этих принципов, регулирующих через Конституцию рабоче-крестьянского государства

¹ Теперь, в конце 1934 года, французская дипломатия широко открывает Советскому Союзу свои объятия; по соображениям европейского равновесия, симпатии к Советам теперь у нас в моде. Но эти круги на поверхности большой капиталистической политики никого не должны обманывать. Как бы то ни было, такое положение вещей позволяет в настоящий момент объективно показать французской общественности гораздо больше правды о русской революции и ее последствиях, чем это было возможно раньше. Это — уже неизгладимый результат.

национальный вопрос — основу мировой цивилизации. Рабоче-крестьянское государство идеологически ставит этот вопрос в плане интернационализма и действительно решает его в духе широчайшей свободы национального развития. Среди многочисленных «специальностей» Сталина национальный вопрос одна из самых замечательных. И все советские специалисты по национальному вопросу признают, что учились по его статьям, печатавшимся в довоенные годы в журнале «Просвещение».

Как уже говорилось, инстинктивное сопротивление всему русскому, ненависть к диктатуре русских (хотя бы и социалистической) — проявились на первых же шагах революционной пропаганды, развертывавшейся в пестрой массе национальностей российской империи. С самого возникновения партии национальные и националистические течения создавали антагонизм между рабочими, внушали всеобщее недоверие к русскому пролетариату.

Уже в 1905 году польские и литовские рабочие (в те времена — российские подданные) имели свои отдельные социал-демократические партии, не входившие в РСДРП. Сорганизовались отдельно и многие еврейские рабочие (Еврейский рабочий союз — Бунд).

Лишь в 1906 году, на IV съезде в Стокгольме произошло присоединение польской и литовской партий, а также Бунда, к общероссийской партии. Однако жестокость царских репрессий, последовавших за революцией 1905 года, естественным образом вызвала такой расцвет старых ростков национального и, если можно так выразиться, «мелко-национального» сепаратизма, что дело дошло до нового откола различных отрядов национального пролетариата от общероссийской пролетарской организации.

На августовском партийном совещании, в 1913 году, была предложена резолюция, содержащая основные принципы партийной программы и тактики по национальному вопросу, сформулированные в том же году в статьях Ленина и Сталина.

Приведем основные пункты:

Право всех наций на свободное самоопределение вплоть до отделения от царской России. Для наций, пожелавших остаться в одном государственном союзе, — территориальная автономия, отмена единого государственного языка (русского), широкие права всем местным языкам (в том числе и языкам национальных меньшинств), законода-

тельное запрещение всяких возможных форм национального (русского) гнета.

Таким образом, в марксистской постановке национального вопроса, постановке крайне решительной и смелой в своей последовательности (ведь она допускала территориальное расчленение старой империи) — Ленин и Сталин безоговорочно и с полной ясностью включали национальный вопрос в общую проблему революции. Они широчайшим, предельно широким образом раскрывали возможности сохранения единства каждой этнической группировки огромного конгломерата, именовавшегося Россией (ибо этническая автономия есть не только почетный сам по себе моральный фактор, но и фактор жизненный, творческий), и в то же время не теряли из виду практически необходимого единства целого.

Это единство целого конкретно укреплялось единством и однородностью социалистической организации, как партийной, так и профсоюзной.

Ленинско-сталинская постановка вопроса, тесно связывающая теорию с практикой, органически сливающая идею о действии (марксизм, как действительное знание, нуждается в преобразованиях, связанных с действительностью и постоянно подталкиваемых ею к борьбе за будущее), — стояла в резком противоречии с австро-марксистской концепцией так называемой «культурно-национальной автономии», имевшей в социал-демократическом движении своих приверженцев. Австрийские оппортунисты проповедывали, в сущности, приспособление социализма к внеклассовым национальным блокам. В результате получался социалистический сепаратизм: по системе этих любителей отвлеченной классификации не национальность становится социалистической, а социализм переходит в национализм. Русские меньшевики разрывали социалистическое движение в николаевской империи на отдельные куски. Такое якобы «усовершенствование» было нелепо, и Ленин со Сталиным решительно выступили против него. Допустить в специфической (и новой) области социалистического движения национальный разрыв, чрезмерное уважение к границам, — было бы гибельным нарушением меры, нарушением правильного соотношения желательной самостоятельности частей и необходимого единства целого. Это в корне противоречило великой архитектонике марксизма.

Но вот от первого взмаха февральской метлы с грохотом развалился царский трон. В апреле 1917 года Сталин был докладчиком по национальному вопросу на конференции большевиков. «Провозгласить формальное равенство наций было недостаточно. Такое формальное равенство имело бы так же мало практических результатов, как и провозглашение равенства великой французской революцией» (Мануильский). Надо было идти дальше и глубже. Сталин предложил принять концепцию, разработанную еще в царское время. Эта теория была принята, хотя и не без борьбы. Пятаков и некоторые другие делегаты конференции шумно возражали против пункта, в котором говорилось, что каждая национальность имеет право на самоопределение вплоть до отделения от России. Возражавшие пугались возможных последствий этого пункта¹.

Надо отметить и подчеркнуть, в какой степени эта теория национального вопроса, — в самом деле необычайно смелая в своей социалистической прямоте и величии, — отвечала интересам революционной борьбы. Действуя на этой основе, партия большевиков предстала перед рабочими и крестьянскими массами, как единственная партия, последовательно борющаяся против угнетения национальностей царизмом, политику которого продолжал и Керенский при поддержке меньшевиков.

Лозунг национального освобождения, вместе с лозунгом освобождения социального, с лозунгами хлеба, мира, рабочего контроля над производством, — этот лозунг, спаявший национальные устремления с социализмом, решительно двинул вперед подготовку Октябрьской революции. Позиция большевиков в национальном вопросе ни одну национальность не привела к отделению, которого можно было бы опасаться, но обеспечила большевикам сочувствие всех народов России. Таким образом, и в этом случае полностью восторжествовала смелая и дальновидная мудрость. «Русские рабочие, — писал Сталин, —

не смогли бы победить Колчака, Деникина, Врангеля без такого сочувствия и доверия к себе со стороны угнетенных масс окраин бывшей России».

В послеоктябрьские дни, вслед за вторым взмахом восточно-европейской метлы, за развалом «демократического» самодержавия буржуазии. Сталин, естественно, сделался официальным руководителем политики партии в национальном вопросе.

Одним из первых законодательных актов советского правительства была «Декларация прав народов России». Она создана и написана Сталиным. Вот ее основные положения:

Равенство и суверенность всех народов России. — Право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. — Отмена всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. — Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Для национальностей, входящих в федерацию, это означало: общее объединение чисто административного характера при максимальной свободе национального развития. Народы заключили между собою союз, основанный на взаимной независимости.

Другой важнейший программный документ, опубликованный в 1917 году за подписью Ленина и Сталина, был обращен ко всем трудящимся мусульманам, живущим в пределах бывшей европейско-азиатской царской империи. То была самая отсталая и угнетенная часть так называемого «русского» населения. Советское правительство заявляло, что одною из главных своих задач оно считает — поднять многие миллионы мусульман Туркестана, Сибири, Кавказа, Поволжья до общего уровня.

Вдумаемся в это величественное, столь человеческое и нравственное решение самой запутанной и самой трагической из всех современных проблем. Будем при этом помнить, что решение это одинаково применимо и к областям одной страны, и к странам целого материка или всего мира. Проблема поистине трагическая: вопрос об отношениях между национальностями, вопрос войны или мира, — это кровавый порочный круг всей современной истории. Строго говоря, националистические чувства и мир —

¹ В книге о Советском Союзе Миллюков говорит, что право всех союзных государств на выход из союза лишает СССР юридического лица и, следовательно, лишает его возможности «брать на себя какие бы то ни было международные обязательства». На деле это оказалось неверным. Верным оказалось как раз обратное: отсутствие элемента принуждения в организации государственного союза и составляет могущественную силу морального влияния коммунистической партии на народности, входящие в состав СССР.

несовместимы. Кто говорит «нация» — тот говорит: «экспансия», говорит: «жадность», говорит: «хищничество». Не было еще случая, чтобы пожирание одной нации другою не доходило, раз начавшись, до крайнего, практически возможного предела. А капиталистическая политика личной наживы и социального застоя углубляет и систематически взращивает тающуюся катастрофу. Порочным результатом исторического роста государств является (внутри сомнительных границ) блок кучки эксплуататоров с эксплуатируемой массой, — блок, направленный против масс, населяющих соседние страны. Но здравый смысл требует от нас другой группировки людей, — группировки, основанной на единстве интересов. Несомненно, что разрушительный капитализм раз'едаст мир по линиям национальных границ и что тяжелой преградой на пути к освобождению через общее единство стоит националистический культ, отравляющий по частям человечество, наделяющий каждый кусок географической мозаики, какой только имеет особое имя, непомерными и взрывчатыми притязаниями. Таким образом, буржуазная пропаганда сводится, в основном, к отчаянному, непомерному разжиганию националистических инстинктов толпы, к враждебному огораживанию «отечеств» и дикому разгораживанию мира: такое болезненное состояние духа, такое неестественное положение вещей необходимо для самого существования капитализма. (И вся эта пропаганда принимает особенно напряженные, особенно грозные формы именно в наши дни, — на том этапе общественной борьбы, когда экономический кризис и известное идейное брожение выводят человечество из спячки).

И вот, люди Октября, совершившие свою революцию как раз в обстановке исключительно сложного национального переплета¹ (причем веками укоренившийся гнет часто приводил к болезненному обострению национального чувства), впервые показывают нам разумное и окончательное разрешение застарелых национальных противоречий, раздирающих весь земной шар, дают нам логическую формулу, объединяющую два несовместимых на первый взгляд требования: требование индиви-

дуальности для каждого народа и требование практической солидарности между ними. Патриотизм, который всегда был врагом социализма, они делают социалистическим.

Секрет великой формулы — в совершеннейшем сочетании двух основных стремлений: стремления к индивидуальной свободе и стремления к объединению с другими; секрет в том, чтобы эти стремления, не путаясь и не сталкиваясь между собою, имели свои особые области действия, свои особые ресурсы, позволяющие им развиваться параллельно, а не одно за счет другого.

Этническое своеобразие, моральная и интеллектуальная коллективная личность, национальная культура, национальный характер, все, что выражается в традициях и фольклоре, в научном и художественном творчестве, в чувстве привязанности и сыновней гордости, все, что связано с родным языком (а ведь язык — это гибкий механизм, приводящий в движение и совершенствующий ум и сердце нации), — все это не только сохраняется, но и обогащается, причем не только у крупных национальностей, но (дальнейшее проникновение в глубь действительности) и у национальных меньшинств. Уважение к правам малых народов может иным показаться даже преувеличенным, подумать только, что в наши дни, в XX веке, московские ученые создают новые алфавиты для того, чтобы улавливать и закреплять тысячелетние предания мелких отдаленных племен, чтобы эти племена могли пробудиться, возродиться, самостоятельно расти. «Это уж слишком, это безумие!» — кричит мелкая, близорукая мудрость. Но мудрость великая и прозорливая держится другого мнения.

Что касается национальных традиций религиозного характера, почти никогда не имеющих местного происхождения, но в большинстве случаев навязанных извне (бог, так же как царь и русский чиновник, приходил всегда со стороны), — то они подпадают под действие того, если можно так выразиться, морального режима, который в разумной и просвещенной среде распространяется на всякое заблуждение.

Коллективные индивидуальности, свободные и автономные во всем, что касается их национального своеобразия, в то же время связаны друг с другом определенными узами. Каковы же эти узы? Это — узы порядка административного, практического, материального;

¹ Отдельные страны, входившие в состав России, отличались друг от друга гораздо резче, чем отдельные штаты США. А населяющие их народы имели между собою гораздо меньше общего, чем, например, французы или немцы с русскими.

они обеспечивают всему целому здоровье и могущество, от которых выигрывает каждая часть. Единое высшее управление армией, финансами, внешней политикой. Объединение всех природных богатств и ресурсов Союза. Такая связь частей обеспечивает каждой из них огромные конкретные выгоды материального характера. В самом деле, при такой организации возможны совместные практические действия: экономическое планирование, работы общественного значения, разумное руководство хозяйством, более обильное и широкое снабжение товарами, рост благосостояния каждой части в математической пропорции к росту общего труда. Добавим, что *ipso facto* (тем самым) каждый даже самый малый народ, входящий в Союз, приобретает огромную военную мощь.

Иными словами: отдельная национальность независима в той области, где она духовно заинтересована в независимости, и объединена с другими в той области, где она материально заинтересована в объединении. Таким образом, те одновременно жесткие и непрочные связи, которые в свое время были насильственно установлены русскими царями, напыщенно и живо именовавшими себя «собирателями земли русской», — по всей линии заменены реальными выгодами.

Между русским и татаринном, людьми разных национальностей, имеются реальные различия. Эти различия освобождаются, развиваются. Их делаются национальным законом. Но у этих двух людей есть и пункты сходства: это — общие потребности, общие и равные права на жизнь и на мир, и даже общее право собственности. Эти права и являются общим законом. Именно под этим углом зрения советские творцы будущего рассматривают карту стран в их идеальных или реальных этнических границах. Сначала — весь необходимый минимум общих связей, обеспечивающих спокойствие и процветание коллективной жизни, а затем — весь возможный максимум национального расцвета.

Перед лицом капиталистического мира, где братство народов есть абсолютно бессмысленная формула, где каждая из семидесяти пяти современных стран имеет только одну (некоторыми признаваемую, а другими скрываемую) цель — жить за счет других, — перед лицом этого мира советская организация, с ее новым идеалом общественной солидарности, совершенствующим, безвред-

вающим и ставящим на место старый национальный идеал, — является воплощением всех чаяний. Мы уже не говорим о том особом энтузиазме, который она порождает и в своем государстве, и во всем мире.

Что можно возразить против этой концепции даже в том случае, если, покинув на мгновение почву, на которой она возникла, мы посмотрим на эту концепцию с огромной высоты, с такой высоты, на какую только можно подняться, не отрываясь от земли и эпохи (ибо подняться еще выше — значит вступить в область плоского и мертвого идеала икон, волшебных фонарей и чернокнижия). Никаких серьезных и основательных возражений против нее выдвинуть нельзя. Она вызывает недовольство лишь тех великих держав, страдающих мрачной манией величия, которые заявляют: «Моя раса должна господствовать на земле над всеми». У которых национализм неизменно принимает ядовитую форму экспансии. Она вызывает недовольство лишь тех малых стран, которые охвачены маниакальным фанатизмом, которые опьяняются словом «автономия» и всему на свете, даже всякому прогрессу, предпочитают полную изоляцию, несовместимую с неутомимыми требованиями мировой солидарности, заставляющую их бессильно прозябать, постепенно теряя свое достоинство, пока они не попадут в пасть какой-нибудь крупной империалистической акуле.

Ибо для слабых или отсталых стран и народов (а такие и составляли большинство в царской России) советская система с любой точки зрения бесконечно выгоднее и разумнее, чем простая независимость: войдя в союз, народы совместно трудятся над общим делом, мир между ними организован научно. Будучи разединены, они от сотрудничества перешли бы к соперничеству, которое силою вещей превращается в антагонизм и враждебность со всем вытекающим отсюда злом: порабощением, гибелью, капитуляцией. Каждая советская народность является одновременно и малой, и великой. Покинув союз, каждая из них немедленно превратилась бы просто в малую, ничего не выиграв взамен.

Все это не есть — уже не есть — абстрактная теория, как было когда-то. Вся история Советской страны иллюстрирует великий принцип коллективного распознавания материальных и духовных интересов блестящим и живым примером. Сколько отсталых на-

родов с феерической быстротой прошли в Советском Союзе целый ряд этапов прогресса и благосостояния, — а в то же время и национального своего развития, — благодаря огромной помощи центра, т. е. всего целого. Сколько племен, некогда бывших заклятыми исконными врагами, пришли теперь к полному миру. Добиться того, что «вопрос о границах между отдельными государствами, входящими в Союз, имеет исключительно административное значение» (доклад Мануйльского на V конгрессе Коминтерна), это значит действительно установить закон вечного мира. Кто знает историю братоубийственных войн прошлого, а теперь повсюду видит разумное братство, тот не может не изумляться. Нельзя не приветствовать с волнением все это, если хочешь остаться объективным.

Возвращаясь к началу этих изумительных превращений, мы должны указать, что новая национальная политика сыграла огромную роль в деле умиротворения колоссальной страны, освобожденной от царей кнута и царей золота. Она позволила «ликвидировать», как выражаются в СССР, контрреволюционные правительства на Украине, в Туркестане, в Закавказьи. Здесь следует повторить, что если контрреволюции удалось закрепиться на окраинах и свалить советскую власть на Украине, в Белоруссии, в Финляндии и в Прибалтийских странах (причем революционный порядок был восстановлен лишь на Украине и в Белоруссии), — то это случилось только в силу вмешательства германской армии.

Та же национальная политика позволила советской власти окончательно добить Колчака и Деникина; а после того, как новое государство извергло белогвардейцев, она же помогла сплотить народности в новые республики.

Она так явно соответствовала интересам всех народов, что поскольку удавалось ее раз'яснить им, постольку они и становились на сторону Советов. Тем более, что советская власть знала их и умела говорить с ними тем языком, каким было нужно. Здесь-то и имели решающее значение компетенция, авторитет человека, который к ним обращался.

В 1922 году был создан Союз советских социалистических республик. Эта великая историческая дата неразрывно связана с именем Сталина. Конституция СССР — это в сущности та могучая концепция, которая была создана революционным меньшинством еще при

царизме. Ее можно охарактеризовать в следующих кратких словах: она устанавливает или, точнее, предлагает «тесный экономический и военный союз — при самом широком самоуправлении, при полной свободе развития всех национальных культур, при систематическом уничтожении всех следов и остатков национального неравенства и при систематической помощи более сильных экономически народов более слабым» (Н. Попов).

Взглянем на юг, на запад, на восток.

В Закавказьи, где Сталин когда-то разжигал пожар в сердце масс, в этой стране «братьев-врагов», где народы терзали друг друга, советская национальная политика совершила как бы чудо: окончательно прекратилась не только национальная борьба, но и укоренявшаяся веками национальная вражда, и это — несмотря на меньшевиков, дашнаков и муссаватистов, — лжесоциалистов, временно захвативших власть в трех закавказских республиках и пользовавшихся ею для того, чтобы вновь и вновь разжигать междоусобные войны и вновь разорять страну, постоянно взывая к иностранцам о помощи. На примере современной Грузии, Армении и Азербайджана мы с полной ясностью усваиваем аксиому, что нет такой системы, которая давала бы малым народностям большую свободу, чем система советская.

Любопытное фантастическое сравнение дает один простой и честный абхазский крестьянин, уже просвещенный социализмом: «Представьте себе, что громадный слон (Октябрьская революция) победоносно шествует и на своем пути — на полянке — видит беззащитных детишек, застигнутых непогодой. Желая их спасти, этот слон наваливается на детей. Разумеется, от детей ничего бы не осталось, какими бы благородными чувствами слон к ним не был проникнут, если бы не нашелся этот Сталин, который во-время подправил ноги слону».

Украина. Украинский вопрос имел совершенно исключительное значение. После Октябрьской революции эта страна, так долго угнетавшаяся царским деспотизмом, — он прививал ей насильственную руссификацию, словно болезнь, — стала ареной ожесточенных гражданских войн: борьба украинских рабочих и крестьян против Рады, борьба рабочих Донбасса против калединских банд, германская оккупация, низвержение лжедемократической диктатории и не затруднявшей себя ни-

какими демократическими комедиями петлюровщины, интервенции Антанты (французская эскадра в Черном море), захват Украины Деникиным, борьба с белополяками, борьба с Врангелем. На Украине последовательная политика и действенная тактика решали все.

Сталин был, как известно, послан на Украину в 1918 году и занимался там не только военными, но и экономическими и политическими делами. В марте 1920 года он был представителем ЦК РКП на IV украинской партийной конференции, а в 1923 году принимал участие в IV нацсоветах. Происходившем после XII партийного съезда. Сталин резко подчеркнул «все огромное значение правильной национальной политики на Украине не только с внутренней, но и с международной точки зрения». В сущности, на Украине и сейчас сходятся точки прицела различных держав, — Польши (прежде действовавшей совместно с Францией, а потом в сообществе с фашистской Германией) и самой гитлеровской Германии. Эти державы не скрывают своих аппетитов; они затевают всяческие интриги, шитые белыми нитками, и только ждут удобного момента. Постоянный тайный заговор окружает республику, добровольно и честно вошедшую в Советский Союз.

В наиболее отдаленной от европейского варварства области — в Средней Азии — задача советизации сталкивается с дальневосточной проблемой и вообще с проблемами капиталистической и империалистической колонизации. О значении социализма, т. е. Коммунистического Интернационала и советской власти, для колониального вопроса Сталин писал: «Россия была узловым пунктом, противоречий империализма». Она лежала на стыке Запада и Востока, она сочетала в себе два социальных уклада, свойственные и высоко развитым капиталистическим странам, и колониям, она была «важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока», поэтому ее революция была мостом, соединяющим пролетарские революции передовых капиталистических стран с колониальными революциями. Поэтому также и опыт ее, опыт ВКП(б), имеет всеобъемлющее международное значение.

Однако, в первые годы советской власти существовало довольно «своеобразное» понимание национального вопроса в Азии. Оно выражалось в сильных «колониаторских» тенденциях

т. е. в стремлении взять отдаленные окраины под опеку, обеспечить русским элементам преобладание в организации и работе советского аппарата. Русские рабочие, русские партийные работники, приезжая в Азию, начинали там командовать, распоряжаться и устраивать все по-своему, создавая, как сказал Сталин, «опасность отрыва партии от пролетарских масс национальных республик».

Такое положение несомненно с тем принципом марксизма-ленинизма, который особенно дорог Сталину: с требованием прямого, непосредственного, сознательного участия каждого в общем деле. И Сталин повел яростную борьбу с проявлениями великорусского шовинизма, примешивавшегося к социалистическим представлениям; он выступил против таких приемов, которые несколько напоминают методы «протектората» или колонизаторства по отношению к советским народам: такая система ошибочна теоретически и недопустима практически.

Сталин стремился как можно глубже вовлечь народы Советской Азии в дело самостоятельного строительства, чтобы и над своим прогрессивным движением, и над своим национальным развитием они трудились сами: он превратил их пассивный социализм в социализм активный. Осуществить эту задачу ему удалось при помощи огромного хозяйственного строительства, плодами которого пользуются обширные отдаленные области, до сих пор терявшиеся в туманной дали Сибири.

Именно таким образом Сталин подошел к реорганизации отсталого Туркестана, занимавшего подчиненное положение (и добившегося после своей перестройки значительного экономического подъема) к новому, тщательно обдуманному размежеванию народов Средней Азии. Было основано несколько республик: Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Казахстан.

Весь советский Восток поставлен сейчас под угрозу иностранного империализма (в авангарде — вооруженные до зубов, перенявшие все худшие стороны цивилизации японские провокаторы; они вынохивают, а за ними тянутся все прочие). Но советский Восток находится под прочной защитой справедливой, положительной и плодотворной социалистической идеала, воодушевившего все народы.

Мы вплотную подошли к китайскому вопросу. Огромная страна, равная по своей территории всей Европе, страна,

которая по численности населения с древнейших времен была и остается первой в мире, — имела свою псевдореволюцию. Вначале она лишь подпилила ножки пышного трона, и после смерти Сун Ят-сена Китай был с головой выдан клике проходившим, имевших двойную цель: не допустить страну до полного освобождения и награбить сказочные богатства. Вчерашняя и сегодняшняя жертва зарубежных бандитов, несчастный Китай является и жертвой бандитов внутренних. Гоминдан (правящая партия) и генералы с наиболее многочисленными армиями, ведущие этот Гоминдан на веревке, нашли себе мишень — коммунистов. У японцев, да и у западных держав, мишень та же. Коммунистов так же, впрочем, как и либералов, пытаются уничтожить без остатка; писателей, осмеливающихся говорить о справедливости, китайское правительство живьем зарывает в землю. И все же в Китае существует великая коммунистическая партия. Вопреки всему чиновничеству и военному сброду, присосавшемуся к Китаю и продавшемуся великим державам, эта партия стремится избавить гигантскую страну от ее горькой участи. Это уже удалось китайской компартии в огромной области, которую она и начала перестраивать в направлении социалистического прогресса. Миллионная Красная армия советского Китая отразила уже пять больших походов, предпринятых против нее нанкинскими и иностранными бандитами. На сегодняшний день четверть китайской территории со ста миллионами населения стала «красной». И новый Китай не успокоится до тех пор, пока не распространится на всю территорию Китая старого. В данный момент развертывается уже шестой поход, руководимый лично главным раззолоченным душителем нового Китая, Чан Кай-ши, которому помогает германский генерал фон-Сект. Они командуют армией в шестьсот тысяч штыков при ста пятидесяти самолетов и двухстах пушках. Армия эта пытается зажать советский Китай в кольцо при помощи системы укреплений, возводимых ею по мере продвижения. До сих пор шестое наступление на освобожденный Китай обошлось белокитайским паразитам в миллиард китайских долларов и сто тысяч человеческих жизней. Имеются сведения, что белыми захвачена столица советского Китая Чжуй-Цзин. Но за последнее время китайская Красная армия созна-

тельно изменила свою тактику: она ведет наступление без опорной базы, — оставляя часть старых позиций, она победоносно продвигается вперед в других районах, широко возмещая свои временные территориальные потери новыми завоеваниями. Положение в данный момент складывается для нее благоприятно, и очень возможно, что ей удастся не только разгромить наступление белых, но и войти в непосредственное столкновение с японскими войсками, выполнить свою задачу «священной войны национально-революционной обороны китайского народа против японского империализма». Все свободолюбивые люди в мире должны желать осуществления этой задачи, — надо положить конец страданиям целого континента. Формулу: «Китай — китайцам», ни один мыслящий человек не может понять иначе как: «Китай — советский».

Сталин специально занимался вопросами китайской коммунистической партии и героической борьбы советского Китая. В 1926 году китайская комиссия Коминтерна решительно выправила, под его личным руководством, политическую линию китайской компартии. В своем выступлении, которое надолго останется памятным в анналах Коммунистического Интернационала, он разгромил ошибки и искривления, вытекавшие из неверия в рабоче-крестьянскую революцию, из некоторой склонности рассматривать китайскую революцию, как революцию, осужденную оставаться буржуазно-демократической. И все меры, какие он выдвигал, были впоследствии оправданы событиями.

Советская национальная политика, ее огромное влияние, далеко излучающееся из центра во все стороны, оказывает исцеляющее действие не только в колониальных и полуколониальных странах, где национальное освобождение является первым этапом освобождения социального, где социализм приносит одновременно и то и другое, — она оказывает и будет оказывать прямое или косвенное влияние и на целый ряд европейских стран, где угнетаются национальные меньшинства, — на многонациональные государства, на метрополии, географически спаянные со своими колониями, созданные или искусственно расширенные войной 1914 года. Такова Югославия — не федерация, а агломерат из словенцев, хорватов, черногорцев и части македонцев, сдерживаемый тисками сербской дикта-

туры; такова Чехословакия — разношерстный клоч, вырванный из лоскутной австро-венгерской монархии; такова Польша, где поляков всего 50%; такова Румыния, к которой варварские, невежественные версальские хирурги наскоро притащали венгерскую Трансильванию, Добруджу и русскую Бессарабию; наконец нельзя забывать и о таких, более старых произведениях доморощенной мудрости, как насильственный брак Ирландии с Англией (там дело уже давно идет к разводу) или как вадлоно-фламандская комбинация, именуемая Бельгией.

Для всех этих стран ленинская постановка национального вопроса является ферментом революции и нового порядка; миллионы глаз смотрят необятные народные массы на этот новый, мудрый закон устройства земли.

В колониальных и полуколониальных странах, где живут угнетенные национальности, советская система, приносящая с собою двойное освобождение, неизбежно должна превратить огромные народы «из резервов империализма в резервы пролетарской революции» (Сталин).

Эта заря взошла для всего мира, без всяких исключений. В восточной половине Европы и северной части Азии идет практическое применение интернациональной формулы к жизни национальностей. Формула эта широко открыта для всех; она разработана до конца. Советское созвездие — отныне неотъемлемая часть мирового созвездия стран и народов.

В день, когда вся Европа будет со-

ветской, в ней останутся и Франция, и Германия, и Польша, и Италия, и другие. Они будут продолжать развиваться согласно своим умственным и духовным традициям так же, как и теперь, и даже гораздо самостоятельнее, чем теперь, — но границы между ними будут навсегда безопасными, и сохранят лишь административное значение.

Итак, вот оно — советское разрешение неразрешимого национального вопроса. Не часто видим мы победу нового в таких гигантских масштабах. Вот она — победа в теории и на практике. Вот они — основные элементы социалистического строительства «в пространстве». Принципы эти просты и справедливы, научны и благородны, — одним ударом они дают разрешение многим и многим высоким чаяниям. Если бы социализма не существовало, его пришлось бы выдумать, чтобы разобраться в путанице живой действительности; его пришлось бы выдумать — с его твердым, точно рассчитанным остовом, с его живой гибкой плотью.

Вот мы видим его в действии, видим, как он упорядочивает современное человечество, раздираемое жадностью, завистью и ненавистью; победоносно завершает вековое смутное, неопределенное стремление разбросанных по земле масс к лучшей жизни. В варварском хаосе нашей переходной эпохи, нашего средневековья — все отчетливее выделяются непобедимые лозунги предвестников новой жизни, людей, которым принадлежит слава открытия нового мира.

IV

1917 — 1927

ПЕРВЫЕ КАМНИ

Итак, вследствие «своеобразного сочетания исторических условий», первой страной, «вступившей на путь социализма, оказалась Россия, страна экономически и культурно отсталая, хотя в ней и был мощный революционный передовой отряд». Одним прыжком перескочить через картонную республику, через пестрый вихрь буржуазных формул, принятых в демократических монархиях и монархических демократиях, — в теории это было прекрасно. А на деле?

Захватив власть, пришлось пускаться в ход, — и притом немедленно, без

малейшей передышки. Огромная государственная машина, перешедшая из рук злобного, обожравшегося шута, — после короткой нерешительной задержки в мертвом болоте Временного правительства, — в руки революционеро-творцов, людей пламени и расчета, должна была во что бы то ни стало продолжать свое движение по обширнейшей из стран нашей планеты; со старой жизнью было покончено, новая еще не существовала.

Три колоссальных проблемы: империалистическая война, гражданская война, политическое и хозяйственное

устройство страны. Первая из этих проблем не была по-настоящему разрешена даже после Брест-Литовска, даже после прекращения военных действий между «союзниками» и Германией, ибо если главные силы бывших врагов официально вышли из игры, то гражданская война, последовавшая за революцией, была основательно приправлена интервенцией.

Что надо было делать? — Все. Жить день за днем, класть камень за камнем. И притом — все сразу. Одновременно и организовать революцию, и отражать контрреволюционные лавины на всех границах, со всех сторон света, и перedelывать бывшую российскую империю, нежесткую земледельческую страну (80% крестьян, 70% неграмотных), разоренную, измученную, окровавленную бывшую империю — в великое государство с социалистическим строем (единственным в своем роде, отличным от всех) и передовой экономикой (не менее и даже более мощной, чем в других странах).

Вернемся еще раз к тем дням победы, дням великого начала. Каков был общий баланс, инвентарь страны, взятой большевиками? Чем были остатки России в ноябре 1917 года, в час, когда в Смольном институте Ленину сообщили, что над Зимним дворцом развешается красное знамя и что знамя это стало центром мира?

Империалистическая война 1914 года обошлась России в 40 миллиардов золотых рублей и стоила ей целой трети трудового населения; работа промышленности и транспорта снизилась против 1913 года в пять-шесть раз. Гражданская война, раздиравшая бывшую империю почти на всей ее территории, обошлась в 50 миллиардов золотых рублей. Фабрики и заводы были превращены в развалины, огромная часть общественного имущества — тоже. Поля были вспаханы снарядами, половина годных для посева земель пустовала. Административный аппарат, народное просвещение, все области государственного управления были дезорганизованы небывалым потрясением и злобой внутренних врагов. Красная армия не имела ни винтовок, ни сапог, ни хлеба. Новому государству предстояло попасть в кольцо блокады и бойкота, а в тот момент оно отбивалось от вооруженного нападения держав. Вглядимся как следует в это грабительское нападение, в эту предательскую, замаскированную войну, славными вожаками которой были п. Клемансо, Пуанкаре, Ллойд-

Джордж, — патентованные палачи народных революций, душители, тюремщики, вешатели народов, старые тигры, старые лисы, старые хищники, победоносно руководившие подавлением всех освободительных движений, вызванных войной 1914 года. Вглядимся в то, что «всеми уважаемый Черчилль», — как недавно напомнил Сталин, — назвал «нашествием 14 государств».

Армия белого авантюриста и царского опричника Колчака получила от французского правительства 1.700 пулеметов, 30 танков, десятки орудий. В наступлении Колчака принимали участие тысячи англо-американских, 70 000 японских, около 60 000 чехословацких солдат.

Шестидесятитысячная армия Деникина была целиком снаряжена и вооружена Англией. Она получила 200 000 винтовок, 2 000 орудий, 30 танков. Сотни английских офицеров служили в деникинской армии инструкторами и консультантами.

Во Владивостоке союзники предприняли десант в составе двух японских дивизий, двух английских батальонов, 6 000 американцев, 3 000 французов и итальянцев.

На гражданскую войну в России Англия потратила 140 миллионов фунтов стерлингов и (расход для международных авантюристов менее обременительный) — 50 000 солдат.

С 1918 по 1921 год Англия и Франция не переставали убивать русских граждан и разорять Россию. Отметим на полях лишь следующий факт; еще в конце 1927 года над восстановлением разрушений, произведенных визитом западной цивилизации в одном только нефтяном районе Кавказа, трудилось 450 инженеров и 17 000 рабочих. Разрушения, произведенные в России чудовишной интервенцией европейских держав и Америки, исчисляются приблизительно в 44 миллиарда золотых рублей.

Вспомним, что еще в 1921 году, — три года спустя по окончании войны, — французский адмирал Дюмениль, обосновавшийся в России, открыто покровительствовал врагам советского правительства¹. Вспомним, что президент Французской республики г. Мильеран

¹ Не тот ли это Дюмениль, которого полиция поймала, как директора «Специального финансового общества», во время скандального краха этого общества, когда был арестован его хозяин, мошенник Шарль Леви?

(который мог бы быть также президентом всех ренегатов мира) и другой президент Французской республики г. Думерг (старый первосвященник, еще недавно грабивший французов, изливаясь в иеремиадах и одновременно протягивая фашистам свою левую—демократическую—руку)—эти господа решились на то, чего все-таки не позволили себе ни Англия, ни Турция: они официально признали Жордания и Чхенкели, выгнанных из Грузии,—одного как главу, другого как посла этой страны. Вспомним, что официальная Франция, претендующая на звание лояльной и демократической страны, признала Колчака и собиралась признать Врангеля преемником царя.

Вспомним, что белогвардейцы сконцентрировались во Франции, что они устроили там вооруженное государство в государстве, что французские власти, изгоняющие иностранных рабочих за участие во всякой манифестации, не носящей правительственного или религиозного характера, фабрикующие специальные законы, чтобы изгнать иностранных рабочих также и без всякой причины,—попустительствовали белогвардейцам, открыто развертывавшим во Франции всевозможные организации и военные формирования. Эти царские наемные убийцы устраивали вооруженные парады под Триумфальной аркой,—и они же направили руку белого убийцы Горгулова (президент Думерг был, по мнению белогвардейцев, недостаточно враждебен по отношению к Советскому Союзу). Что касается врангелевцев, то они пользуются самым сердечным гостеприимством на Балканах, особенно в Югославии, где они в полном вооружении и даже в мундирах ждут благоприятного момента, чтобы двинуться в поход за святое дело восстановления реакции. (Совсем недавно Югославия упрекала Венгрию в том, что та содержит на своей территории школы убийц; вряд ли она имеет право на подобные упреки. В лучшем случае она могла бы упрекнуть Венгрию в том, что та конкурирует с нею).

Раз уж мы заговорили об этом, коснемся в своем очерке и нескольких последующих лет, чтобы яснее была картина возмутительных систематических посягательств, на которую теперь у нас стыдливо накладывают покрывало. Как будто история—благовоспитанный салон, где лучше не говорить о таких грязных вещах, чтобы не довести почтенное общество до тошноты!

Вредительство в возрождающейся

промышленности, которую с такими сверхчеловеческими усилиями поставил на ноги Советский Союз, было возведено в степень международной организации, где принимали участие важные господа,—офицеры, инженеры, агенты, дипломаты и полиция великих держав. Сколько подпольных махинаций, сколько тайных заговоров! У меня до сих пор рябит в глазах от массы фотографий и документов, которые мне лично довелось увидеть. На протяжении долгих лет не было такого уголка Советского Союза, где, слегка только поислав, мы не открыли бы бацилл английского, французского, польского, румынского шпионажа и вредительства, тесно связанных с белогвардейской чумной заразой. И кое-что от этого еще остается. Те самые люди, которые в обессиленной, только что освободившейся России взрывали мосты и остатки заводов, которые сыпали наждак в машины и выводили из строя последние паровозы,—в 1933 году подсыпали толченное стекло в продукты, которыми торговала рабочая кооперация, а в декабре 1934 года подослали одного из своих агентов, чтобы он выстрелом сзади убил Сергея Кирова — в Ленинграде, в самом Смольном. В Советской стране еще до сих пор раскрываются змеиные гнезда, выводки убийц и террористов, пробирающихся в советские пределы из Финляндии, из Польши, из Латвии, где они кишмя-кишат. И преступления всех этих гадов, подстрекаемых «истинно-русской» белогвардейской прессой и другими организациями профессиональных убийц, лицемерно комментируются в благонамеренной широкой печати.

Что же сказать о свирепых Рокамбольях из Интеллидженс Сервис, покрывающей весь мир сетью британского шпионажа, которая стоит миллионы фунтов стерлингов,—этом интернационале шпионов, провокаторов, развратителей, взломщиков и убийц. Приведем первый попавшийся пример ее наглости и ядовитой пронырливости, в предисловии к переводу одного из докладов Сталина г. Жорж Валуа, член «Аксион франсэз», ныне разошедшийся с этой организацией, рассказывает (совершенно не представляя себе, какой вопиющий факт он публикует ради того, чтобы доказать, будто Ленин был о нем хорошего мнения), что один агент Интеллидженс Сервис пробрался на заседание советского правительства в самый центр высшей руководящей организации; что этот агент послал отчет

английскому правительству, это последнее передало его французскому правительству, а оно (в лице г. Пуанкаре) сообщило содержание отчета главе французских роялистов и великому визирю претендента на французский трон, г. Леону Додэ,—таким образом с этим документом ознакомился и Жорж Валуа, входивший тогда в «Акссион франсэз».

Всеобщая потребность в дискредитации социалистического государства, моральная необходимость облить грязью этот живой вызов империализму,—все это породило настоящий потоп лжи и клеветы. Мы не станем копаться в этой куче нелепых и мерзких выдумок. Это заставило бы нас выйти за пределы книги. Отметим только, как нечто более серьезное, чем эти идиотские сплетни (от которых все же что-то остается в сознании современников), существование в Центральной Европе великолепно организованных контор и мастерских, для фабрикации сенсационных антисоветских фальшивок, имеющих целью дискредитировать новое государство в глазах правительств и общественного мнения великих держав. Этот факт общеизвестен; впрочем, он торжественно подтвержден с трибуны Палаты общин одним крупным деятелем (который не имел другого выхода). Фальшивое «письмо Зиновьева» очень сильно повлияло на развитие англо-советских отношений. Другой фальшивкой воспользовался папал Болгарии Цанков, чтобы, спекулируя на призраке красной опасности, получить от держав-победительниц (для побежденной страны!) разрешение увеличить армию для кровавой расправы с народом.

Само собою разумеется, великий прецедент полного преобразования царской России перепугал реакционеров, особенно реакционеров так называемого демократического типа (на этот раз они, поистине, сбросили маски). Но все же можно удивляться, что столько искренних французских либералов заняло по отношению к революционной России такую же позицию, какую в 1789 году Англия занимала по отношению к революционной Франции. Можно удивляться, что столько людей выдающегося интеллекта сохраняют царственную тупость перед лицом общественных событий такой глубины и размаха. (И это называется у нас идейным прогрессом).

Какое странное впечатление производили среди всей этой ненависти, среди всего этого развала, среди всех этих

проклятий голоса, подобные, например, голосу никому тогда неизвестного журналиста Буллита: настанет день, когда все люди нашего времени будут оцениваться в зависимости от того, насколько они понимали и поддерживали великую борьбу Красной России.

Да, настанет такой день. А пока что —

«Я мог бы вам рассказать некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году,—говорит Сталин,—когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считались тогда те дни, когда удавалось выдавать рабочим Ленинграда и Москвы по восьмушке фунта черного хлеба, и то наполовину со жмыхами. И это продолжалось не месяц и не полгода, а целых два года».

В таком положении находились люди, окруженные со всех сторон капиталистическим зверинцем и вынужденные драться во всех пунктах и на все стороны. Надо было делать все. Нет, больше: все переделывать заново. Это вдвое труднее.

В момент, когда власть была в руках, но руки были еще заняты белогвардейцами и интервентами, могло показаться благоразумным сделать кое-какие временные уступки, чтобы как-нибудь смягчить ужасающую экономическую разруху. Экономика была тяжело больна, и потому не следовало ли пойти на ту или иную комбинацию, позволяющую добиться постепенного подъема путем известного использования старого механизма, наличного буржуазного аппарата? Уладить самое неотложное, обеспечить только обороноспособность—и жизнь,—а потом уж завершить политическое строительство и взяться за экономическую переделку страны. Такой выход напрашивался сам собою.

Да, экономически он напрашивался, но политически был недопустим. Так могли бы поступить только торопливые мелкие дельцы, но не социалисты—строители нового мира. Да, это имело видимость здравого смысла. Но революционная мудрость выше такого здравого смысла. Она видела дальше. Она видела, что в тот момент пойти на компромисс—значило бы сунуть руку в колесо машины, которая затянута целиком. И она решила, что даже в таком отчаянном положении надо прежде всего добить политические и социальные остатки прошлого, раз и навсегда сломать старый аппарат и ни в коем слу-

чае, ни с какой стороны не приспособивать к нему новое общество. Иными словами—мы сами почти уничтожены, но мы должны уничтожать дальше! Это решение было гениально в своей смелости и имело естественным результатом драматическое развитие событий.

Ведь буржуазия просто не могла себе представить, что ее время уже прошло. Власть капитализма прорвана на огромном пространстве всего старого материка? Этот факт не уместился в буржуазном сознании. И, действительно, никто, кроме революционных бойцов, в революцию не верил. Возвращения правительства, столь отличающегося от всех прочих правительств, так резко рвавшего со всеми царизмами прошлого, со всеми царизмами (или их либеральными суррогатами) настоящего, наталкивались на скептицизм и инертность... «Даже газетчики, и те не хотели брать всерьез основные революционные мероприятия рабочего правительства...—говорилось на IV конгрессе Коминтерна (1922), — каждая фабрика, каждый банк, каждая контора, лавка, приемная адвоката — были крепостью против нас...»

Таким образом, жгучий вопрос спасения революции вставал вновь во всей остроте. Революция должна была показать свое лицо, показать свою силу. Разгром русской буржуазии не был еще завершен. Победа еще не была целиком в руках победителей.

Итак, несмотря на все трудности, довести революцию до конца! Полностью разгромить буржуазию, сжечь все мосты (разрушать—значило и созидать). Взять в свои руки и экспроприровать все целиком: торговлю, промышленность,—все!

Это значило: сознательно осложнить и обострить обстановку боя, почти наверняка умножить нищету, потребовать от населения таких усилий, которые, казалось, превосходили все человеческие возможности,—и, в частности, вызвать недовольство среди крестьян. И все же там, где узкие, посредственные политики, конечно, поспешили бы пойти на компромисс, который в конечном счете только укрепил бы буржуазию,—люди Октября сломали все. Непомерно было разрушение, — но они пошли еще дальше в окончательном разрушении старого. Защищая себя, развешиваясь вглубь, революция не оставляла камня на камне.

В рядах партии ощущалось беспокойство; известные колебания проявля-

лись даже в руководящей верхушке. Пример: бывший крупный промышленник Уркварт предлагает взять в концессию отнятые у него уральские заводы. Каменев и Зиновьев (приступ паники!) считают нужным пойти на уступку. Сталин—против, Ленин—тоже против, но он взвешивает. Вызвали Бела Куна, работавшего тогда на Урале, чтобы он ознакомил Центральный комитет с настроением местных рабочих и служащих. Они относились к концессии отрицательно: концессия была для Уркварта лишь средством снова сесть на коня, а республике несла не столько выгоду, сколько ущерб ее независимости. На совещании, где должен был решиться вопрос, Зиновьев и Каменев всячески пытались добиться выступления Сталина против концессии, сторонниками которой они были (чтобы затем разбить его,—позже они в этом сами признались). Но Сталин отказался говорить, пока не будет заслушано мнение уральцев. Это мнение было изложено Бела Куном,—и в результате концессия провалилась. Соблазнительная приманка была отвергнута.

После яростного разрушения буржуазного механизма был введен «военный коммунизм»,—хозяйственный порядок, при котором использовалась лишь часть экономических возможностей, имевшихся у государства: «грубый централизованный аппарат для того, чтобы извлечь из промышленности, расшатанной войной, революцией и саботажем, самые необходимые продукты для Красной армии и для городов, которым угрожала голодная смерть».

Нужен был хлеб—пришлось «взять все излишки у крестьян». Система государственного нормирования потребления, режим «осажденной крепости».

Итак, последними толчками Октябрьского землетрясения все остатки власти буржуазии были действительно и до конца уничтожены, отброшены в прошлое,—примерно в то же время, когда были выкинуты за пределы страны основные силы белогвардейцев и интервентов. На развалинах хозяйства остались только революция и мир. Но экономическая жизнь агонизировала, промышленность и торговля катились вниз. Присоединилась стихия: в наиболее плодородных областях России разразился один из самых ужасных урожаев последнего времени, вызванный исключительной засухой. Крестьяне, добровольно или по принуждению кое-как обеспечивавшие снабжение невиданной войны, были запуганы, недо-

верчивы, а зачастую и враждебны. Кое-где происходили восстания (1921 год).

А колоссальная поддержка, на которую так надеялись, которую так жадно высматривали каждый день на горизонте,—мировая революция—не приходила. Что же делал международный пролетариат? Он проявлял некоторую активность, но безрезультатно; или же, как в Венгрии, терпел поражение,—правда, его вернули к вековому рабству только штыки Антанты; а германский пролетариат, на который возлагалось всего больше надежд, был расстрелян (правда, пулеметами г. Клемансо).

Надо было справляться самим, и людям 1919 года—солдатам II года Республики—пришлось убедиться в том, что советское государство вынуждено строить свое хозяйство собственными силами.

Военный коммунизм изживал себя, и потому необходимо было немедленно найти какую-то новую переходную форму экономики—на тот период, пока политическая борьба на Западе и во всем мире тоже неизбежно принимала переходную форму частичных требований и единого фронта.

В таких условиях советское государство сочло возможным спокойно сделать то самое, на что оно два года назад не соглашалось никакой ценой: от методов военного коммунизма оно перешло к методам торговли—ввело новую экономическую политику (нэп).

У нас на Западе нэп поняли неправильно, а многие ошиблись в нем, и очень грубо (например, г. Эррио). Вообразили, будто нэп—это поспешное отступление большевиков: они, мол, сначала необдуманно увлеклись национализацией, а потом увидели, что она нежизнеспособна.

Ничуть не бывало: как уже говорилось выше, большевики считали, что доведение не вполне завершенной революции до конца есть, для организаторов большого размаха, совершенно правильный путь. Они отлично знали, что, действуя таким образом, они увеличивают затруднения и обостряют экономическую разруху. Но только до конца расчислив политический плацдарм, они сочли возможным допустить известные уступки в области экономики.

Разница между революционерами и реформистами,—говорил в то время один человек, не всегда говоривший таким образом (Троцкий),—состоит в том, что революционер допускает реформизм

лишь после захвата власти пролетариатом». Формула молодой советской власти была такова: «Если надо, мы будем делать уступки, но только тогда, когда мы станем хозяевами, не раньше».

И вот по отношению к крестьянам «изъятие хлебных излишков» (система чрезвычайно взрывчатая) было заменено продовольственным налогом, причем была разрешена свободная торговля излишками. Было приведено в порядок денежное обращение. Приняты меры к укреплению рубля. Государственные предприятия перешли на хозяйственный расчет. Ставки заработной платы были приведены в соответствие с квалификацией и производительностью труда. И, так как в руках государства оказалось столько предприятий, что управлять всеми оно само не могло (национализированы были все предприятия), то некоторые из них были на известных условиях сданы в аренду частным предпринимателям.

После перехода к этой политике (1922), когда большевиками, как мы видим, было сделано немало уступок, положение восстановилось по следующим основным линиям. Государственные железные дороги (63 000 километров рельсового пути, 800 000 рабочих и служащих) уже достигли трети довоенного грузооборота. В деревне 95% пахотной земли, по закону принадлежавшей государству, находилось в хозяйственном пользовании (т. е. в сущности говоря,—несмотря на установленные сроки и некоторые повинности,—«во владении») крестьян, обложенных натуральным продовольственным налогом. Урожай к тому времени достиг трех четвертей довоенного, и крестьяне сдали триста миллионов пудов продналога. Все промышленные предприятия принадлежали государству, но из их числа государство оставило в своих руках лишь 4 000 (правда, с миллионном рабочих), а другие 4 000 предприятий (мелких, с общим числом рабочих в 80 000 человек) были сданы в аренду. В области внутренней торговли формировался и развивался частный капитал. На его долю приходилось 80% всего оборота внутренней торговли. Внешняя торговля осталась монополией государства и давала четверть довоенного ввоза и одну двадцатую довоенного вывоза.

Рынок был восстановлен, но сдвиг вправо осложнял политическое положение рабочего государства. Наряду с «социалистическим укладом» возникал теперь (особенно в деревне) и новый «ка-

питалистический уклад». Надо было серьезно защищаться.

В намечавшейся борьбе орудием в руках пролетариата являлись важнейшие производительные силы страны. На рынке государство одновременно было самым мощным собственником, покупателем и продавцом, кроме того в руках пролетариата была политическая власть (и прежде всего—налоговый аппарат, который представлял собою очень важное орудие в борьбе между государственной промышленностью и частной). На стороне буржуазии—умение, навыки и связи с иностранным капиталом. (Доклад на IV конгрессе Коминтерна).

Начинался поединок совершенно исключительного значения, — поединок, связанный с неисчислимыми последствиями социального и морального порядка. В аграрной России и для той и для другой стороны основной целью было завоевание крестьянского рынка. Крестьянство, беднейшая, эксплуатируемая часть которого помогала развитию революции, в то время относилось к революционерам недоверчиво: землю они отдали крестьянам, но хлеб брали себе. Русский крестьянин, практичный, но близорукий, уже выказывал признаки серьезного сопротивления. В деле смычки с деревней нэп сыграл огромную роль: он открыл до известной степени дорогу частной инициативе и частным интересам, введя новый порядок, не имевший ничего общего с прежними грубыми реквизициями, вся тяжесть которых ложилась на деревню.

Большевики,—люди, о которых меньше всего можно сказать, что они не видят будущего, — отлично понимали, что вся судьба социалистического государства зависела от производственно-экономических отношений между городом и деревней (ведь и сама-то революция могла осуществиться только потому, что крестьянство в целом приняло ее,—частично поддерживая, а частично сохраняя нейтралитет). Но, открыто и ясно провозглашая это и даже намечая некоторые вехи великого и необходимого союза, новые хозяева временно откладывали большие планы тяжелой промышленности, электрификации и т. д., а также задачи планомерной организации хозяйства и великих государственных работ. Необходимо было укрепить революцию, а для этого пройти через период скромных планов, произвести насущный ремонт, подготовить пути. По мере возможности ок-

ватывали деревню кооперативной сетью и открыто заявляли, что страна находится на дороге от капитализма к социализму, хотя и «несравненно ближе к отправной точке, чем к цели».

В Москве торжественно провозглашали: государство дает промышленные концессии и заключает коммерческие сделки лишь постольку, поскольку ни то, ни другое не может подорвать основ его экономики.

Помните ли вы, милостивые государи и милостивые государыни, какие усмешки и даже хохот вызывали подобные заявления в благомыслящих кругах? Люди, упрямо говорившие: «Верьте большевикам!»—находились в довольно неприятном положении. «Хе-хе, вот и докатились ваши ужасные революционеры! — потешалась мешанская мудрость.—Ясно, это первый шаг назад, это возврат к добрым, старым капиталистическим порядкам. Начало конца всех этих сумасшедших социалистических экспериментов!»

Когда в 1921 году в Италии состоялась встреча между Чичериним и представителем Франции г. Кольра, этот последний грубо оборвал речь народного комиссара по иностранным делам и заявил ему, что большевики, доведшие экономику своей страны до полной разрухи, не имеют права рассуждать о проблемах экономической политики. Не имея чести быть лично знакомым с г. Кольра, я все же утверждаю, что он дурак. Его вульгарное суждение могло бы иметь хоть какое-нибудь значение, хоть какой-нибудь смысл лишь в том случае, если бы, взяв страну в свои руки, большевики могли сразу применить свои экономические методы,—а ничего подобного не было! Но глупости говорил не один г. Кольра. (Пока не стало ясно, «кто смеется последним»,—многие торжественно изрекали нелепости, которые мы еще припили им на спину).

«Государство не позволит подрывать основы своей экономики». Не трудно, конечно, понять, что наши западные консервативные республиканцы, наши политические фокусники просто представить себе не могут, чтобы были на свете политики, строго выполняющие свои обещания, идущие своей дорогой. Это еще что? Должно быть, очередное чудачество этих восточных оригиналов! Быть может, в конце концов они переделают свою политику на свой лад. Но во всяком случае, когда эти честные люди громко и твердо заявили: «Мы не позволим себя надуть»,—

они сказали правду. И они поступили еще честнее, заранее предупредив о своих намерениях.

«Докатились?..» Нет, г. министр, нет, г. барон, ни до чего они не докатились. И вот ваши буржуазные физиономии уже начинают карикатурно вытягиваться. Прошло немного лет, и всякий смог убедиться, что большевики полностью осуществляют свои намерения, вновь берут в руки все предприятия, постепенно сокращают долю частного капитала — и из того периода хозяйственного строительства, который отмечен названием «нэп», выходят безусловными победителями. Компромисс между капитализмом и социализмом, между частным и общественным хозяйством, — это вынужденное сожительство, — был действительно кратковременным: зарево нэпа, ослепившее мировой капитализм, оказалось на деле недолговечным заревом горящей соломой, а сам нэпман уже превратился в пережиток, годный только для театральной сцены, где он является красочным типом отжившей исторической эпохи.

Таков оппортунизм, таково его значение. Величие Ленина и его ближайшего соратника, работавшего рука об руку с ним среди зыбкого хаоса, — в том, что они были проникнуты духом реалистического оппортунизма. Если вас спросят: «хорош оппортунизм или плох?», — не отвечайте. Ответить на этот вопрос вы не можете. Оппортунизм, — это слово я, конечно, беру не в том отрицательном смысле, в каком оно часто употребляется, а в смысле общем, — может быть и плох, и хорош. Он может готовить победу, он может готовить поражение. Пользоваться тем, что он может дать, — должно; пренебрегать этим — преступно. Случаются такие обстоятельства, когда сектантская прямолинейность оказывается лишь боязною ответственности. Когда все кругом трещит и валится, бывает очень удобно оставаться непоколебимо стопроцентным и хранить чистоту своих риз. В других же случаях надо обладать тиранической непримиримостью — отступать нельзя. Надо уметь быть честным; когда долг принимает сложные формы, — для того, чтобы выполнить его до конца, не всегда достаточно одной доброй воли. В 1921 году название оппортунистов в дурном смысле слова заслужили не те социалисты, которые поддерживали нэп, а те, которые восставали против него. Ибо они жертвовали будущим ради настоящего, тогда как подлинное содержание понятия

«оппортунизм» состоит в том, чтобы жертвовать настоящим ради будущего. Оппортунизм Ленина и Сталина, — как и всех великих стратегов, — это шаг назад, два шага вперед. Но у неумелых и напуганных людей, у слотыкающих социалистов, сознательно или бессознательно ищущих в оппортунизме прикрытия, оппортунизм — это шаг вперед, два шага назад.

Марксизм учит нас: слово — это только слово, само по себе оно ничего не стоит. Лозунги имеют лишь то значение, в каком они применяются, и между двумя явлениями, грамматически обозначаемыми одинаково, может быть пропасть. Марксизм есть абсолютный релятивизм. В конечном счете он представляет собою создание самих марксистов. (Даже не создание Карла Маркса. Маркс — великий человек не по тому, что он носит это имя, а потому, что он был последовательнейшим из марксистов).

Тот самый человек, который с 1903 по 1912 год всеми средствами, с небывалым упорством, «непонятым» для многих его товарищей, стремился расколоть на две части гонимую, преследуемую самодержавием революционную партию, — и действовал так именно потому, что партии были необходимы все ее силы, — этот человек теперь, когда партия добилась победы, допустил чтобы она в ряде пунктов применяла буржуазные методы. Если вы думаете, что здесь есть противоречие, то вы ошибаетесь: Ленин, диктатор фактов, был прав и в том, и в другом случае.

Вот что Ленин называл кривизной прямой линии. Эта прекрасная и могучая формула не означает никаких арабесок, зигзагов и вывертов. Нет, она заставляет вспомнить о прямизне параллелей, огибающих земной шар, или о кривизне пространства по Эйнштейну.

И в этих условиях надо было как можно скорее опроставиться в великий решительный путь. Провести хозяйство через все необходимые этапы в русло социализма, систематически развивать его.

Через год после введения нэпа, в 1922 году, Ленин заявил на XI съезде партии, что «отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил». И добавил: «гвоздь положения — в людях, в подборе людей». После XI съезда Сталин был избран генеральным секретарем ЦК Российской коммунистической партии. Он немедленно организовал си-

лы партии, пожалуй, можно даже сказать, реорганизовал партию для работы над построением социалистической экономики страны.

Положение оставалось грозным. Запавшие правительства все еще держали за пазухой нож. Попытки добиться от них чего бы то ни было кончились неудачей,—кромѣ Скандинавских стран и Германии. С последней был заключен Рапальский договор, создавший известную солидарность (солидарность в беде). Генуэзская конференция с другими странами провалилась. Предлогом к ее срыву послужил отказ большевиков от царских долгов. Европейские державы в это время были заняты восстановлением своего расшатанного войною хозяйства,—восстановлением за счет 90 миллиардов франков, взятых в долг у Соединенных Штатов (не считая военных займов). А несколько позже вышеозначенные великие державы в один прекрасный день блистательно отказались платить долги США, проведя сенсационное разграничение между деньгами, которые следуют им, и деньгами, которые следуют с них. О своих долгах они решили официально забыть, а все свои долговые обязательства зачислить в категорию бумажного хлама. При этом они не имели тех моральных оснований, какие имела, отказываясь от царских долгов, советская власть. А эти основания были, повторяем, еще до войны торжественно провозглашены даже самыми умеренными русскими общественными деятелями. Царские займы были заключены деспотическим правительством исключительно ради своих собственных интересов и для подавления народа. Всякий согласится, что есть разница между революционным правительством, отказывающимся отвечать за расточительство царя, врага, своих подданных,—и правительствами, отказывающимися от собственной подписи (после весьма основательного выжимания репараций из побежденных).

Большинство советских граждан питалось пшенной кашей, в то время как кучка эппманов жирела во-всю; ответственные работники худели от недоедания. В такой обстановке начиналась работа созидания будущего.

Работа умная. Работа, имеющая целостную перспективу. Прежде всего необходимо было наметить основное направление. Тут марксистская теория и марксистская практика получили астрономический размах. Они шли рука об руку, ибо только теория может научить

практику, каким образом заложить фундамент на том месте, где нужно. Теория намечает траекторию от начальной точки к конечной. Если теория правильна, она посылает радиоволны в будущее. Сталин повторяет вслед за Лениным, что теория есть мощный рычаг событий. Всякому, кто видел Сталина за работой, известно, что характернейшая его черта—это умение охватывать положение одновременно в целом и в частности, выдвигать более существенное на первый план, заострять все внимание на том, что в данный момент наиболее важно.

Следует отметить, что когда такие знатоки дела, как Куйбышев, который был председателем Госплана, говорят о работе Сталина, то они никогда не говорят просто—он сделал то-то и то-то, а всегда добавляют: он сделал это в о-в-р-е-м-я.

Первый животрепещущий вопрос, который надо было разрешить,—крестьянство. В Советской стране крестьянский вопрос был и все еще остается сложнейшим.

Прежде всего—не следует забывать, что для тогдашней России характерны были две черты: во-первых, это была страна аграрная, во-вторых—отсталая. Пространство, словно вежами отмеченное по краям Петроградом, Одессой, Тифлисом, Владивостоком, Архангельском, до революции оставалось беспорядочной и неслаженной феодальной страной,—она расстилалась вокруг декоративного Кремля с его алмазными коронами и иконостасами, по ее дорогам с блеском уносились кутить за границу великие князья и богатые бары. Половина земли принадлежала еще вчера 18 000 дворян, а другая половина—25 миллионам крестьян. Несοοобразность такого положения сказывалась на всем. Крайне отсталая промышленность была сосредоточена в нескольких довольно крупных центрах и почти наполовину (43%) зависела от иностранного капитала.

Но современное государство может расти только на основе промышленности. И именно на основе промышленности надо было превратить великое пространство в великую страну.

Даже с точки зрения интересов крестьянства? Да, даже с точки зрения экономического и политического развития крестьянства: только при помощи индустрии можно было разрешить проблему социалистической перестройки деревни.

Итак, «центр тяжести» народного хозяйства «переместился теперь в сторону индустрии» (Сталин). Это легче сказать, чем сделать, когда перед тобою безбрежным океаном расстилаются голые степи, поля и леса. Но без этой смелости перед чистым листом бумаги — начать было нельзя.

Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии.

Так говорит Сталин.

Мысль его, — а это и ленинская мысль, — такова: мало сказать, что партия должна идти по пути развития промышленности. Надо еще выбрать определенные отрасли индустрии. «Не всякое развитие промышленности представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа ее, — провозглашал Сталин, — состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо, металл и т. п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства».

А это значило развивать то, что в момент, когда произносились эти слова, было равно почти нулю, — в результате отсталости за последние столетия, разрушений, перенесенных за последние годы, а отчасти и сдвигов, произведенных в архитектуре экономических планов введением пока еще необходимого нэпа.

Но указание Ленина было ясно: «Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство, — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли». То же самое говорил по поводу тяжелой промышленности и Сталин.

Здесь надо открыть скобки и привести некоторые дополнительные соображения. В самом деле, индустриализация — это политика, рассчитанная на длительный срок, которая вовсе не напрашивалась сама собою с первого взгляда. Напротив. Более рациональным казался совсем другой выход: начать — поскромнее — с восстановления и развития легкой промышленности (текстильной, пищевой, предметов широкого потребления), накормить и одеть население, удовлетворить неотложные общественные нужды, дать ответ на наиболее острые и настойчивые требования... Ведь средний человек, многочисленный аморфный гражданин, колосс, рыхлый, как снежная баба, всегда предпочитает «начинать с начала».

И вот снова возник конфликт (лишь недавно разрешившийся) — между логикой, уткнувшейся носом в землю, и логикой гигантских масштабов, между дальновидными людьми, несущими тяжесть заботы о будущем, и пустыми близорукими лодыжками.

Начинайте с маленького, а потом уже переходите к большому, — говорили лодыжки. — Этим вы уменьшите общественные жертвы, сократите период лишений, успокоите жалобы, облегчите внутреннее умиротворение страны. Стоит ли очертя голову браться за строительство гигантов, когда кругом деревня, стоит ли стремиться к мировым рекордам, когда не хватает самого необходимого?

Но:

Ваша точка зрения неправильна, товарищи!

И логика, и уверенность в будущем отвечают и разъясняют устами Сталина: да, если бы мы начали с легкой промышленности, мы могли бы дать городскому и сельскому населению некоторые непосредственные блага. А что дальше? Только тяжелая промышленность может послужить основой индустриального обновления страны. Только развитие тяжелой индустрии открывает нам возможность коллективизации деревни, этого великого социалистического преобразования.

«Смычка нужна нам для того, — говорит Сталин, — чтобы приблизить крестьянство к рабочему классу, перевоспитать крестьянство, переделать его психологию индивидуалиста, переработать его в духе коллективизма и подготавливать, таким образом, ликвидацию, уничтожение классов на базе социалистического общества... А как переработать, переделать крестьянина? Его можно переделать, прежде всего и главным образом, на базе новой техники, на базе коллективного труда».

«Либо мы эту задачу разрешим, — и тогда окончательная победа обеспечена, либо мы от нее отойдем, задачи этой не разрешим, — и тогда возврат к капитализму может стать неизбежным явлением».

А кроме того, существует задача защиты отечества — она требует развития тяжелой промышленности. Защита отечества священна. Есть великие слова, преподносимые кухней капитализма под всеми соусами. Но это не значит, что мы не можем вернуть им их истинный смысл. Защита отечества ненавистна там, где она означает грабежи, захваты, «я — господин, ты — раб», где

она означает разорение и самоубийство, первый этап государственной агрессии. Но она важнее жизни там, где она означает этап прогресса, освобождение от рабства, острое недоверие к хищническим державам, ищущим только к предлогу, только способа сфабриковать предлог, чтобы раздавить живой социализм (а они столько раз повторяли чрезвычайные конкретные попытки в этом направлении, что будет несправедливо сомневаться в их намерениях). Здесь долг обороны исключает преступное доверие к капиталистическим державам, в нем воплощена воля к тому, чтобы заря русской революции была действительно зарей.

Когда через несколько лет Сталин, подводя общие итоги, сказал, что первой основой советского государства является союз рабочих и крестьян, а второй—братство национальностей, он добавил, что третья основа советской власти—это Красная армия.

Итак,—пользуясь излюбленным выражением, людей, превращающих в Советском Союзе абстракцию в конкретную действительность,—тяжелая индустрия есть «основное звено».

Но развивать тяжелую промышленность—это еще не все. Задача усложнялась необходимостью двигаться быстро. Слишком долгие сроки лишили бы победу смысла, повлекли бы за собою страшные опасности. Медлить с окончанием колоссальных строек—значило бы рисковать поражением. Итак—ускоренные темпы!

И вот сразу возникает новое неумолимое препятствие: не хватает техники и техники—т. е. машин и людей одновременно. Мучительное затруднение с техническими кадрами тоже пришлось разрешать героическими, необычными средствами. «Перед нами, — разъяснил позже Сталин (разъяснил совсем недавно,—я услышал эти его слова по радио, когда правил корректуру этой книги),—стояла дилемма: либо начать с обучения людей в школах технической грамотности и отложить на 10 лет производство и массовую эксплуатацию машин... либо приступить немедленно к созданию машин... чтобы в самом процессе производства и эксплуатации машин обучать людей технике, выработать кадры. Мы выбрали второй путь... Правда, у нас наломали за это время не мало машин. Но зато мы выиграли самое дорогое—время и создали самое ценное в хозяйстве — кадры... Издержки и перерасходы, поломка машин и другие убытки окупил-

лись с лихвой». Новая полная победа мудрой и прозорливой большевистской настойчивости. Мы «победили—это верно»,—говорит Сталин в 1935 году.

Но в свое время эта ломка, связанная с разрушением старой системы подготовки кадров, приходилась по вкусу не всем,—даже в ответственных кругах. Нашлись люди, которые смотрели на все это косо. Сталин преследует и громит этих «партобывателей в туфлях, халате и ночных колпаках, которые к вопросам социалистического строительства подходят с точки зрения интересов своего собственного, тихого, мирного и безмятежного существования».

И вот в тумане будущего, клубящемся над развалинами настоящего, возникают гигантские индустриальные силуэты. Там, впереди, за пределами будничного первого плана, на котором торчат одни развалины,—облака и ответы принимают форму станков, домен, плотин и подобных черным радугам мостовых пролетов. В степях и плодородных пустынных просторах полей проступают, как куски фотомонтажа, заводы, комбинаты заводов, бронированные города. Вокруг оазисов науки, вокруг социалистической гармонии человеческих скоплений, на возделанных полях, разбитых на квадраты и ромбы, по многокилометровым радиусам взад и вперед движутся тракторы. А по всей карте страны—густая ткань рельсов и автодорог...

Развертывание строительства должно было начаться по окончании гражданской войны и двигаться крупными, продуманными, рассчитанными этапами. 1021, 1925, 1927.

Очень деятельно поддерживается развитие потребительской кооперации, — особенно в деревне. Кооперативы существовали в России давно. Необходимо было форсировать возникновение новых и рост старых. «Кооперация—столбовая дорога к социализму». Несомненно, что кооперация усиливает коллективизм в сознании людей, создает атмосферу общности интересов, вводит навыки социализма в практическую арифметику жизни. Кроме того, потребительская кооперация помогает постепенно вытеснять частную торговлю, сводит к нулю роль частных посредников: ведь она сама служит посредником между государственными трестами и потребителем. Позже начнется широкое развертывание кооперации производственной.

Одновременно правительство провело целый ряд мероприятий по рационализации, экономии, борьбе с потерями, повышению доходности, укреплению трудовой дисциплины.

... Но все это по-настоящему стало плотью и кровью лишь в связи с планом электрификации.

Электрификация была тем живым корнем, которым связывался с землей весь гигантский план индустриализации. Ленин, которому ясно было будущее, видел, какая роль предстоит электрическому току, — видел в тот момент, когда никто этого не мог видеть, — когда потихоньку шел своим порядком нэп, когда еще не закрылись раны истерзанного народа и в полном разгаре была пляска контрреволюционных надежд буржуазии.

Эту идею, возникшую из самой земли, назвали словом: ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России).

«Последние три дня, — писал Сталин Ленину в марте 1921 года, — я имел возможность прочесть сборник «План электрификации России». Болезнь помогла (нет хуже без добра!). Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерской набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую настройку хозяйственно отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технико-производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы («трудармии»). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гоэлро! Средневековый кустарь, возмнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготишек... Или еще: обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» Гоэлро и по уши погрязшего в рутине...

Мое мнение:

1) Не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане.

2) Начать немедленно практический приступ к делу.

3) Интересам этого приступа подчинить по крайней мере 1/3 нашей работы (2/3 уйдет на «текущие» нужды) по завозу материалов и людей, восстановлению предприятий, распределению рабочей силы, доставке продовольствия, организации баз снабжения и самого снабжения и пр.

4) Так как у работников Гоэлро при всех хороших качествах все же не хватает здорового прагматизма (чувствуется в статьях профессорская импотентность), то обязательно влить в «плановую комиссию» к ним людей живой практики, действующих по принципу «исполнение донести», «выполнить к сроку» и пр.

5) Обязать «Правду», «Известия», особенно «Экономическую Жизнь», заняться популяризацией «Плана электрификации», как в основном, так и в конкретностях, касающихся отдельных областей, памятуя, что существует только один «единый хозяйственный план», это — «План электрификации», что все остальные «планы» — одна болтовня, пустая и вредная».

Электричество делается стержнем будущей реконструкции советского материка. От него должны расходиться все радиусы. Полуфеерические гидроэлектростанции уже намечают собою великие формы великого коллективного движения вперед. «Коммунизм, — говорит Ленин, — это советская власть плюс электрификация». Мощное сближение идей и вещей, где объединяются и скрещиваются понятия, часто на первый взгляд не имеющие между собой никакой связи. Можно очень долго заниматься и социализмом, и электричеством, и не найти между ними ничего общего. Кажется, будто здесь умножают яблоки на апельсины, позабыв правило арифметики, известное каждому школьнику. На самом деле здесь в идею вводится мощный материальный костяк. Это похоже на алгебраическую формулу. И это похоже на веление из книги Бытия: «Да будет свет!»

На Западе этот план чародея, во всех углах страны вызвавший к жизни тысячи лошадиных сил, — этот проект электрификации показался смешным и дерзким. Известный английский писатель Уэллс, сделавший прозрение в будущее своей специальностью, взял на себя роль рупора авторитетных людей, в которых советские проекты пробуждали чувство юмора. Когда Ленин в 1921 году сказал: «Мы электрифици-

руем европейскую и азиатскую Россию», — Уэллс считал это смешным. Смешной ему показалась не идея сама по себе (если бы, объяснял он, такую цель поставила перед собой Англия, то это было бы понятно, ибо Англия имеет соответствующие возможности). Но в этой невежественной стране, где кругом были видны одни развалины, но в устах этого «маленького человека в Кремле» — слова об электрификации звучали для Уэллса дико. Тем более, что бедный большевистский пророк говорил в своем ослеплении еще и о 100 000 тракторов в будущей России, — это когда все советские тракторы можно было пересчитать по пальцам. И вот, в том единственном случае, когда предсказание Уэллса, этого литературного архитектора будущих отношений, было проверено, — оказалось, что будущее он видел навыворот. Как жаль, что он не может навсегда вымарать из своих произведений эту страничку: за нее теперь так сурово разделяется с ним в СССР каждый школьник!

На VIII Съезде Советов и на IV конгрессе Коминтерна план электрификации вырос в государственный план развития всего народного хозяйства, а Гозлро — в Госплан. Эта новая комиссия начала особенно активно работать в тот момент, когда СССР восстановил и отремонтировал старые промышленные предприятия, вступил на путь крупного нового строительства.

А затем открылась серия Пятилеток, составляющих отрезки еще более широкого Плана.

Гигантская система «планирования», охватывающая своей сетью целые страны и большие периоды, есть порождение советской власти. Но эта идея распространилась по всему миру. Если конкретное свое осуществление она получила в СССР, то в других местах она существует абстрактно, на словах. Советский Союз никогда не имел возможности заимствовать что-либо у других стран. Но другие страны сделали у него немало важных заимствований, в том числе и это. Они даже извлекли из идеи планирования понятие управляемой экономики, прикрашиваемое кое-какими претензиями интернационального порядка. «Управляемая экономика!» Робкая дань капитализма социализму!

Да, да, управляемая экономика. Для человечества нет другого выхода из положения. Это действительно универсальное средство. Но кто говорит: управление, тот говорит: единство, а кто го-

ворит: капитализм, тот говорит: анархия. Анархия в масштабах национальных, анархия в масштабах интернациональных. Если слово «управление» не имеет своего полного значения внутри государства, если оно не имеет реального значения в международном масштабе, то оно вообще ничего не значит и не стоит — ни внутри страны, ни вне ее. Управляемая экономика подобна миру между государствами: если ее начать резать на части, то она существовать не может.

Идея экономического плана есть идея исключительно советская — не столько по праву первенства, сколько по причинам органическим. В капиталистических странах частная инициатива и частные привилегии, многообразие и противоречивость интересов делают всякий общий план невозможным: доказательством этого служат хотя бы бухгалтерские выверты и махинации, практикуемые ежегодно накануне сведения баланса, — а зачастую и позже, — чтобы придать нашим бюджетам хотя бы видимость равновесия. Иначе обстоит дело в социалистическом государстве, ведущем строго разумное строительство в математически чистых интересах общества, где правящий коллектив является одновременно и законодателем и исполнителем, и собственником и потребителем.

Но как бы то ни было, появление Пятилетнего плана со всем его богатством точных деталей вызвало (опять!) улыбку па лицах западных умников. Это еще что? Вся экономическая статистика говорит о слабости и отсталости этих людей, они плетутся в хвосте мирового хозяйства, — и вот они преподносят нам потрясающие цифры... но только переносят эти цифры в будущее! Они хотят ослепить нас размахом еще не начатых работ. Когда их спрашивают: «Как у вас дела в такой-то области промышленности?» — они отвечают: «Вот какова она будет через пять лет!» И затем пускаются в разглагольствования об отдаленных перспективах.

А мы, когда слышим эту фантастическую статистику, не можем, конечно, не вспомнить о прекрасных обещаниях, которыми так щедро кормят граждан вообще, и избирателей в частности, наши модные политики; мы не можем не думать о том, каким чудачеством показалось бы у нас серьезное отношение к обязательствам, принимаемым на себя каким-либо министром или правительством.

Нелегко было в наших краях поведывать доверие к московским цифрам. Каким фанатиком надо быть, чтобы верить во все это! — говорили одни.

А другие говорили: цифры Пятилетнего плана фиктивны, потому что преувеличены. Подобная мобилизация средств мыслима только в военное время, под угрозой пушек.

В 1928 году я (это говорю я, Барбюс) писал: «Пятилетний план — это не спекуляция бюрократов и литераторов на цифрах и словах, это — положительные директивы; цифры Госплана надо рассматривать не как указание, а как достижение». «Когда большевики заверяют нас, — утверждал я в заключение, — что в течение 1931 года советская промышленность увеличится на 8 проц., что в хозяйство страны будет вложено 7 миллиардов рублей, что электростанции достигнут мощности в 3 миллиона 500 тысяч киловатт и т. д., то мы должны понимать, что все это в сущности уже достигнуто...»

... И если было допущено какое-либо отклонение от установленных сроков, то лишь в том смысле, что все показатели были превзойдены.

Теперь «реальная ценность» цифр Пятилетки проверена: с течением времени они из смутных очертаний будущего передвинулись в фотографически точные пределы настоящего. Если некоторые показатели и не достигнуты, то процент их совершенно ничтожен и не стоит упоминания. Зато во многих пунктах план превышен. В 1922—1923 годах советские экономические планы были реализованы на 109 проц., с 1923 по 1925 год — на 105 проц., — если говорить только о самых первых планах!

Удивляться тут нечему. Само собою очевидно, что именно в материалистических планах — всего более разума. А если мы учтем рациональность всех форм социализма, непосредственность и простоту его связей со всем многообразием действительности, то точнеешее выполнение заданий плана окажется вполне естественным, как бы круты ни были намеченные кривые. Это было бы чудом, если бы это не было социализмом, — говорит Сталин.

Но если социалистические теории превращаются в гигантские материальные достижения, то дело тут не только в уме, но и в человеческом сердце. Чтобы строить разумное дело в таких масштабах, одного разума мало. Воля? Недостаточно и воли. Необходим энтузиазм. Путем социалистического воспи-

тания, путем прямого воздействия партии (она является основным руководителем масс, она несет на себе и всю тяжесть работы) необходимо добиться активного участия всей массы трудящихся: количество и качество. Без добровольного, сознательного, страстного сотрудничества рабочего класса — ничего добиться нельзя. Итак, «пробудить в нем задавленные капитализмом творческие силы», «вооружить рабочего трудовым энтузиазмом». Квалификация не только техническая, но и моральная. Только сочетание этих двух сил, впрочем, родственных, — и создает возможность сверхчеловеческой работы.

Трудовой энтузиазм? Буржуазные экономисты считают это надувательством. Получить что-либо от рабочего, — вещают они, — можно лишь на приманку личной выгоды. Этим добрым старым методом всегда и пользовалась капиталистическая система, — пользовалась, когда могла (теперь это ей трудно). Лозунг «обогащайтесь!» всегда увлекает капиталистическую толпу (он помогает даже разорять ее).

В социалистическом строе рабочий — это гражданин совсем иного рода, чем в строе капиталистическом. Рабочий капиталистических стран — каторжник. Он работает поневоле, потому что работает не на себя. Ему даже не трудно понять, что он работает против себя. И вот его приходится подбадривать специальными возбуждающими средствами: пятифранковая монета, шовинистический долг, христианская мораль и прочая чертовщина. Социалистический же рабочий умеет трудиться яростно потому, что это «дело славы», ибо его слава — это его сила, это его движение вперед. Высшим выражением идеального являются материалистические планы.

Но поучениями занимались не одни капиталисты. Критический ропот поднимался и в известных слоях партии. Все эти призывы к социалистическому соревнованию, говорили некоторые товарищи, очень хороши для агитации и пропаганды, но рассчитывать на них в практической работе масс — это уж слишком. Товарищ Сталин увлекается. Но Сталин упорно доказывал вполне реальное значение соревнования для победы, положительную экономическую ценность этого импульса. Когда несколько лет спустя стало несомненным, что энтузиазм рабочих действительно был громадным, колоссально весомым вкладом в раздвигающееся строительство, Сталин оказался победителем,

что и отметил словами: «нам удалось добиться решительного перелома в области производительности труда».

Средствами энтузиазма была разрешена и проблема техники. Проблема трудная и суровая, как мы только что видели. Инженеры были необходимы, а среди тех, кто являлись или могли являться инженерами, был непомерно высок процент вредителей (заграничных и отечественных). «Чернь била нас в открытом поле своим количеством, мы ее разобьем наукой», — предсказывал начальник штаба армии вредителей Пальчинский. Спешно созданные кадры советской технической интеллигенции удвоили усилия — и вскоре оказались качественно и количественно на высоте положения.

Соревнование — это как бы непосредственная и страстная работа каждого над самим собой ради максимального повышения производительности. Ленин говорил, что социализм не только не прекращает соревнования между людьми, но усиливает его. Сталин дает следующее определение: «Принцип социалистического соревнования — товарищеская помощь оставшим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъема».

Значит ли это, что при таком широком использовании чисто моральных побуждений невозможны преувеличения и ошибки? Сталин сам резко указал на них, выступив против крайних — наивно, по-детски крайних — мероприятий, вроде математической уравниловки в зарплате, вроде полной обезлички. Такие мероприятия имеют грубый, демагогический характер и не помогают, а вредят только еще начинающемуся развитию социалистической личности, как индивидуальной, так и коллективной. Об этих карикатурных схемах социализма мы еще будем говорить ниже.

Можно сказать, что увлекательный пример лучших, воодушевление организованных масс — это исключительный и в то же время постоянный элемент созидательной работы.

Другой импульс, другая пружина — самокритика. Сталин ожесточенно настаивал на том, что орудие самокритики необходимо (настаивал при всяком случае). Правом и орудием самокритики обязан пользоваться каждый работник и вся партия, — во всех своих ячейках и в целом. Необходимо выставять на свет все ошибки, все упущения, быть безжалостным к недостаткам

и слабостям. Кто этого не делает, тот должен ответить за это. Надо уметь раздвигаться на работника и наблюдателя, быть своим собственным контролером. Пусть каждый растет во всю меру своей ответственности. Только в социалистическом обществе получают смысл слова деятеля реформации по поводу толкования Библии, — слова, бывшие в его устах ложью: «Пусть каждый сам себе будет папой римским».

Как удар грома, обрушился день, когда не стало Ленина.

Он умер 21 января 1924 года, пятидесяти четырех лет от роду. Людям, окружавшим его в повседневной работе, это казалось невероятным (смерть заставляет нас верить в невероятное). Они не могли представить, что их покинул тот, кто воплощал в себе всю русскую революцию, тот, кто выносил ее в своем мозгу, подготовил, осуществил, спас. Ленин, величайший и во всех отношениях чистейший из творцов истории; человек, больше которого никто не сделал для людей.

«Смерть Ленина, — пишет Мануильский, — глубочайшая, неизмеримая скорбь миллионов, вопрос на устах у осиротелой партии: справится ли она без гениального руководителя Ильича в труднейших условиях и не сорвется ли на крутых поворотах?». И спокойный, ровный голос Сталина: «Мы сломим препятствия, мы не боимся трудности».

Через несколько дней после кончины Ленина (повлекшей за собой колоссальный прилив рабочих в партию, — пролетарии хотели, — по словам Радека, — коллективным подвигом, работой миллионов мозгов и сердец заменить великий мозг, что перестал творить, и горячее сердце, что перестало биться) Сталин на торжественном заседании обратился к великой и родной тени вождя с последним прощанием от имени партии. Это прощание приняло форму присяги: «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!»

С первых же шагов советской власти Сталин, когда было надо, заменял Ленина, и он продолжает заменять Ленина, когда его не стало.

И это — прежде всего потому, что Ленин уже давно воссоздал себя в лице партии. Он выковал ее своими ру-

ками во всех деталях, прочно, широко, со всеми ее мощными точками опоры, с ее непобедимым движением вперед; он сделал ее источником руководства. Сказать, что Ленин был незаменим, значит ошибиться, как бы сверхчеловечески велик ни был Ленин, — не таково существо партии. Когда Ленина не стало, его работу взял на себя другой. Это — полная противоположность физиологическому наследованию власти в династии, которое на протяжении двух тысячелетий расшатывало историю.

Тогда начался и стал особенно заметным подъем Сталина, огромный рост его, и без того уже огромного, авторитета. Чем дальше, тем больше становился он ведущей фигурой.

Но не надо ошибочно понимать смысл этого роста сталинского влияния, легкомысленно пускаться в избитые вариации на тему о «власти одной личности» и «диктаторстве».

В Коммунистическом Интернационале и в СССР личной диктатуры быть не может. Ее не может быть потому, что коммунизм и советская система развиваются в рамках стройно разработанного учения, которому служат и самые крупные деятели, — а сущность диктатуры, или власти одной личности, состоит в том, что диктатор вопреки законам навязывает всем свою личную волю, свой каприз.

Марксизм можно толковать по-разному, особенно в применении к конкретным событиям, и отдельное мнение, или даже тенденция, может в определенный момент восторжествовать в руководстве государством и Интернационалом. Правильно ли это мнение, верна ли эта тенденция? Жизнь идет вперед, правильность или ошибочность директивы выясняется при столкновении с логическими требованиями жизни, с ходом событий. Поэтому было бы грубейшей ошибкой думать, что над таким великим организмом можно установить индивидуальное господство, власть, созданную искусственными средствами насилий и интриг. (Когда кто-нибудь снимает деспота, деспот делает знак палачу, как калиф из «Тысяча и одной ночи», или убийцам — как Муссолини).

Обманом, махинациями, подкупом, полицейскими мероприятиями и преступлениями, вводом соборов в вестибюли и солдат в залы заседаний, ночным убийством политических противников в постели (двух сразу), — при помощи таких средств можно стать королем,

императором, дуче или канцлером, можно и удержаться на таком посту. Но секретарем Коммунистической партии таким путем стать нельзя.

Такой человек, как Сталин, выдерживал яростные атаки и яростно отвечал на них (он, впрочем, больше нападал, чем защищался). Это так, но ведь ожесточенная, не раз возобновлявшаяся дискуссия проходила при ярком свете, развертывалась на глазах у всех, и все ее моменты тщательно изучались и находили широкий отзвук. Не дворцовые интриги, а великий открытый спор, судьей в котором был народ.

И на самом деле, в социалистическом организме каждый естественно занимает свое место — в зависимости от ценности и значительности своих данных. Это — отбор, который совершается в самом ходе вещей. Человек пользуется влиянием в той мере, в какой он понимает и применяет на деле всепобеждающий марксизм. «Именно соединение качеств виднейшего теоретика партии и практика — организатора революции привело к тому, что Сталин стал во главе партии, стал ее руководителем», — говорит Крумин. Он вождь по той же причине, по которой он добился победы: потому, что он прав.

Правда, в наши дни события могут протекать таким образом только в одной стране; но представлять себе все это иначе — значит ничего не понимать в советском строе. Однажды я сказал Сталину: «А знаете, во Франции вас считают тираном, делающим все по своему, и притом тираном кровавым». Он откинулся на спинку стула и рассмеялся своим добродушным смехом рабочего.

Руководитель, создающий планы действий для целого государства, распоряжающийся судьбами многих народов, считает себя «обязанным отчитаться» перед каждым товарищем и заявляет, что готов на это в любую минуту.

Только из-за неслыханного поведения Троцкого, игравшего одно время при Ленине значительную роль и проявлявшего тенденцию поставить себя выше Центрального комитета, возник на XVI съезде вопрос о «руководстве». Заносчивости Троцкого Сталин противопоставил коллективность руководства. Он заявил: «Руководить партий вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича, глупо об этом говорить. Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии,

единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству, — вот что нам нужно теперь».

Не так давно Сталин сказал одному посетителю-иностранцу, который, подобно всем приезжающим в СССР туристам-интеллигентам (в особенности, тем, которые интересуются, главным образом, крупными советскими деятелями), хотел исследовать с лупой в руках вопрос о власти одной личности в рабоче-крестьянском государстве (намекая на Сталина): «Нет, единолично нельзя решать. Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения. На основании опыта трех революций мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не проверенных, не исправленных коллективно, 90 решений — однобокие. В нашем руководящем органе, в Центральном Комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки народностей Советского Союза и национальной политики. В этом ареопаге сосредоточена мудрость нашей партии. Каждый имеет возможность исправить чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность внести свой опыт. Если бы этого не было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе серьезнейшие ошибки. Поскольку же каждый имеет возможность исправлять ошибки отдельных лиц, и поскольку мы считаемся с этими исправлениями, наши решения получаются более или менее правильными».

Чтобы до конца понять эту систему коллективной работы, необходимо еще и еще расширить представление о ней: не надо забывать, с какой энергией, с какой последовательностью Сталин подчеркивает участие не только представителей масс, но и самих масс, в творчестве советской истории.

«Неверие в творческие способности масс» (под предлогом, что массы будто бы недостаточно искушены) — это в устах Сталина самое жестокое обвинение. Массы надо учить. Но они руководят собою, они руководят вами. Никакого «аристократизма вождей в отношении к массам», ибо именно массы призваны сломать старое и построить новое. Не разыгрывать роль няньки или гувернантки масс, потому что в конечном счете не столько массы учатся по нашим книжкам, сколько мы сами учимся у масс. Поэтому лишь поддержка масс и позволяет правильно руководить.

«Сидеть у руля и глядеть, чтобы ничего не видеть, пока обстоятельства не уткнут нас носом в какое-либо бедствие, — это еще не значит руководить. Большевик не так понимает руководство. Чтобы руководить, надо предвидеть. А предвидеть, товарищи, не всегда легко. Одно дело, когда десяток другой руководящих товарищей глядит и замечает недостатки в нашей работе, а рабочие массы не хотят или не могут ни глядеть, ни замечать недостатков. Тут есть все шансы па то, что наверняка проглядишь, не все заметишь. Другое дело, когда вместе с десятком другим руководящих товарищей глядят и замечают недостатки в нашей работе сотни тысяч и миллионы рабочих, вскрывая наши ошибки, впрягаясь в общее дело строительства и намечая пути для улучшения дела». Это значит — беспрерывно чистить аппарат, пропуская через него реку, подобно созданному греческой фантазией Гераклу.

На массы надо воздействовать убеждением, а не насилием. Когда в 1925 году Зиновьев защищал теорию «диктатуры партии», Сталин восстал против «односторонности» такого определения и заявил, что между партией и массами должны быть своего рода гармония, взаимодоверие, что партия не должна присваивать себе «неограниченные» права, которые могут только подорвать это взаимное доверие. В первых, партия может ошибиться; во вторых, массы могут слишком поздно понять ее правоту.

Сталин — это совсем не тот человек, каким его представляют себе в «другой части» человечества, по ту сторону мировой баррикады — единственной реальной границы во всей путанице официальных границ. Правда, эта другая часть мира состоит из массы слепых от рождения, руководимой намеренно слепыми.

В 1925 году, на XIV съезде партии, Сталин дает лозунг индустриализации. За четыре года планирование и электрификация волнами расширяли свой теоретический и практический размах. Теперь дело было в том, чтобы правильно подойти к задаче — «в кратчайший исторический срок догнать и перегнать самые передовые капиталистические страны».

Сталин отвергает концепцию устойчивой стабилизации капитализма, — принять эту застывшую формулу — все равно, что считать революцию похороненной. Действительное положение могла бы охватить лишь панорама, показывающая два полюса, два мира в движении и в жизни: мир раскололся на два лагеря — на лагерь капитализма, во главе с англо-американским капиталом, и лагерь социализма, во главе с Советским Союзом. В тот момент, когда, капиталистический мир находился в самом разгаре своего процветания и не подавал никаких признаков упадка, Сталин провозгласил неизбежность этого упадка и предсказал общий кризис (1928).

1927 год. XV съезд партии. Период строительства, когда на первый план выдвигается проблема коллективизации сельского хозяйства. «Пересечь с обнищавшей мужицкой лошади на лошадь крупной машинной индустрии» — этот живой образ, посредством которого Ленин сделал столь наглядной свою мысль, раскрывает перед нами грандиозную проблему. Можно даже сказать — величайшую из всех проблем социальной стратегии нового времени. Коллективизация сельского хозяйства при помощи машин, и в то же время перестройка сознания крестьянства при помощи убеждения. Последней, но сильной опорой надежд буржуазии на капиталистическую реставрацию было в то время крепкое положение эксплуататора-кулака, усиленного нэпом.

Прекрасный художник Эйзенштейн изобразил в кинофильме ту «Генеральную линию», которая возникает перед нашими глазами, когда говорят о том, как страна пересела с забитой мужицкой клячи на стального коня. Крестьянин-единоличник бьется на своем жалком клочке, на своей бесконечно малой частице огромной сельской мозаики. На этом островке он больше всего похож на побежденного, на потерпевшего кораблекрушение: он — вечная жертва непогоды, заморозков и засухи, уничтожающих его посевы, града, выбивающего его урожай, падежей, уносящих

единственную лошадь или кормилицу-корову. И он, и жена его вместе впрягаются в бездонную, бесконечную, скотскую работу. Каждую весну они рискуют всем, отдаются на произвол судьбы. Рабочего они ненавидят и завидуют ему. Они ненавидят каждого соседа, завидуют ему во всем, — и соседи платят им тем же; единственный способ набить карман — это забраться в чужой. («Для того, чтобы стать зажиточным, — говорит Сталин, — надо было обижать своих соседей»). Крестьянин строит избу поближе к соседу, чтобы сосед не поджег его. И он, и жена его — люди земли — являются добычей местного кулака: кулак давит их своим богатством, он заманивает их в ловушку и высасывает кровь ростовщическими процентами. Рабы земли, каторжники жизни, труженики, разбросанные по полям, могут только пережевывать голодными ртами слова: «я хозяин». А государство ничего не может им дать: их слишком много.

Но как изменится все, если они соберутся в коллективы по сто, по тысяче человек и начнут совместно обрабатывать увеличенный во сто, в тысячу раз кусок земли, сложенный из всех их клочков! Тогда — открываются большие возможности. Машины, выполняющие работу в мгновение ока и по качеству гораздо лучше людей; обширная, мощная и богатая организация, которая может пострадать от града, засухи или падежа, но погибнуть не может, — организация, которая положит кулака на обе лопатки. А советское государство уже может тогда оказать поддержку бедноте, изъять богатые, ростовщика и эксплуататора из обращения. И накопляются мешки — большие и маленькие, — и каждый видит, что заработал гораздо больше, чем в прошлом.

Так диалектически разворачивается это видение на великой арене, под небом вселенной.

«Поставить очередной практической задачей нашего строительства в деревне постепенный перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и механизации земледелия в расчете, что такой путь развития является важнейшим средством ускорения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне» (Сталин, XV съезд партии).

1927 год — очень существенная дата, она отменяет новый этап. Именно в 1927 году народное хозяйство СССР достигло довоенного уровня. Цифры 1927 года почти по всем пунктам несколько превышают цифры 1913 года и лишь в очень редких случаях немного не доходят до них.

Факт решающего значения. Отныне была доказана не только жизнеспособность чисто социалистического хозяйства вообще, но и жизнеспособность чисто социалистического хозяйства в одной стране.

В области сельского хозяйства довоенный уровень был превышен на миллиард рублей, или на 8 проц. В промышленности — на 2 миллиарда рублей, что составляет 12 проц. [? — 23 проц. Ред.].

Общая длина железных дорог на территории СССР в 1913 году была равна 58 500 километрам, а в 1927 году — 77 200 километрам. Средний заработок рабочего по всей бывшей России вырос по сравнению с довоенным на 16,9 проц. (цифра учитывает изменение покупательной способности рубля).

Культурное развитие получило колоссальный размах. Приведем несколь-

ко особо ярких примеров: уже в 1925 году в начальных школах были на 2 250 000 учеников больше, чем в 1913 году, а число учащихся в профтехнических школах возросло вдвое. Расходы на просвещение увеличились вдвое (на душу населения), число научных учреждений возросло в десять раз.

Народный доход составлял 22,5 миллиарда рублей. По количеству механической энергии СССР уступал только США, Канаде, Англии, Германии и Франции.

Доля социалистических элементов в народном хозяйстве измерялась следующими цифрами: в промышленном производстве социалистический сектор составлял 77 проц., а частный — 14 проц. (остальное приходится на долю кооперации); в сельскохозяйственном производстве социалистический сектор составлял 2,7 проц., а частный — 97,3 проц. В торговле социалистический сектор — 81,9 проц., частный — 18,1 проц.

Таковы были, несмотря на огромные затруднения в сельском хозяйстве, изумившие мир первые шаги, — результат поразительной и непреклонной мудрости.

V

ВОЙНА С ПАРАЗИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ

Оппозиция. В 1927 году оппозиционеры повели по всему фронту широкое наступление против руководства ВКП(б) и Коммунистического Интернационала. Оппозиция не раз выступала и прежде, активизируясь в различных обстоятельствах и никогда не переставая существовать в состоянии скрытого брожения, — но теперь она развертывалась методически и агрессивно, по определенному боевому плану. Огонь сосредоточился на Сталине, и именно в Сталине с потрясающей силой воплотилась защита линии большинства партии.

Что же такое, собственно говоря, оппозиция? В наших краях о ней было немало разговоров. Немало разговоров ведется и сейчас. Непосвященному трудно разобраться с первого взгляда в этом русском или импортированном из России явлении. Мы узнаем, что крупные революционеры, ответственные партийные работники вдруг начинают выступать против собственной партии, как враги, и партия обходит-

ся с ними, как с врагами. Они внезапно выходят из рядов и начинают бешено сопротивляться под напором целой бури обвинений. Их смешают, исключают, проклинают, — все это из-за таких расхождений, которые кажутся мелкими оттенками. И хочется сказать: какие же узкие сектанты, эти люди Новой Страны!

Ничего подобного. Вглядитесь поближе, и то, что казалось сложным, станет простым, — но то, что казалось поверхностным, окажется в действительности совсем не таким. Речь идет вовсе не об оттенках, а о глубочайших расхождениях, поистине ставящих под вопрос будущее.

В чем же тут дело?

Прежде всего заметим, что Коммунистическая партия, — партия, которую в своей высокой прозорливости строил Ленин, — непримирима и непреклонна в принципиальных вопросах. Фантазиям в ней нет места. В других партиях могут благоденствовать двуликие руководители, бадаганские

шуты, — и никто не требует хирургического вмешательства. Но Коммунистическая партия не потерпит в своих рядах работника, хоть немного склонного к фразерству. Она не допускает расплывчатых формул, к которым кое-как приклеиваются идеи и факты. Во всяком вопросе она добивается до самой глубины, ко всякому делу относится со всей серьезностью.

Заметим, во-вторых, что Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) есть государственная сила, — в том смысле, что она является передовым отрядом пролетариата, управляющего социалистическим государством, и делает его кровное дело. И, наконец, партия поднимает целину и сама является примером беспримерного. По этим трем причинам столкновения тенденций в этой партии острее, чем где бы то ни было, но столь же остра у нее и потребность в единстве. Партии присуще колоссальное стремление к монолитности, она властно выправляет всякое отклонение. Если подумать, в каких условиях она работает, какие огромные, разнообразные и небывалые задачи выпали ей на долю, то станет ясным, что иначе и быть не могло.

Вот как развивается явление оппозиции: каждая возникающая проблема, каждое предстоящее решение допускает *grosso modo* (вообще говоря) две противоположных точки зрения, ставит нас перед двумя расходящимися путями; тезис и антитезис, «да» и «нет»; всякое решение имеет свои «за» и свои «против». Когда соображения «за» перевешивают, тогда говорят; да. Но «против» — остаются. Они остаются частью в фактах, ибо никакое действие не может быть обоснованным или необоснованным абсолютно и безусловно. Они остаются в сознании людей, которые составляли меньшинство, возразившее против принятого решения или колебавшееся при его принятии. И получается уродливое, фатальное искажение: непомерное разбухание возразивших и аргументов «против». Иными словами, здесь проявляется вновь, развивается и усиливается, оживает и наполняется ядом оппозиционная склонность данного политического деятеля.

Личные соображения играют в этом процессе гораздо менее значительную роль, чем может казаться у нас. Если личная вражда, может явиться результатом оппозиции, то причиной ее она никогда не была. Только в случае с

Троцким мы можем учитывать и чисто личный элемент: чрезвычайно повышенное мнение Троцкого о своей особе. Его враждебность до некоторой степени связана со всем складом его характера, с его нетерпимостью ко всякой критике («он никогда не прощает укола своему самолюбию», — говорил Ленин), с его недовольством тем, что первое место не принадлежит ему нераздельно. Его злоба, естественно, находит самое сильное свое оружие в арсенале идеологии. Кто хочет найти предлог для войны, тот найдет его всегда (в эпоху Возрождения было немало государей и государств, принимавших протестантство не по религиозному убеждению, а, только для того, чтобы подвести под свои личные, экономические или политические притязания некий благовидный предлог, некий общественный идеал). И все же, даже в случае с Троцким, оппозиция есть прежде всего результат более глубоких причин. Оппозиция никогда не развращается вокруг факта как такового. Она всегда бывает связана с определенным типом мышления, с умственными навыками, с интеллектуальным темпераментом, если можно так выразиться.

Кроме того, можно утверждать, что известные индивидуальные особенности ума и характера predispose к определенным политическим тенденциям. Умственная узость, близорукая агрессивность могут выражаться в сектантстве и левачестве; умственная и моральная робость — в мелкобуржуазном оппортунизме, сползании к реформизму, к меньшевизму.

Это и придавало оппозиции большое значение, опасный размах: глубокие расхождения в понимании коммунистической теории вызываются расхождением указанных тенденций. Уклон в практическом толковании теории, т. е. марксизма, неправильное понимание «своеобразия текущего момента» — может иметь неисчислимые последствия, может изменить направление всей политики. Ошибку в единичном факте можно исправить, как ошибку в вычислении. Но когда ошибочной является тенденция, то это уже глубокое искажение, начинающееся с самой основы, разрастающееся в геометрической прогрессии, влекущее за собой бесчисленные отклонения в деталях и способное не только привести к потрясениям, но и исказить историческую судьбу народа. Это — отклонение от линии великой, движущей партии.

По своему происхождению оппозиция есть болезнь тенденций.

Но болезнь эта — особого рода, исключительно серьезная. Основной ее симптом — недисциплинированность: фактический отрыв, отделение от правящего коллектива. Тенденция, противопоставляющая себя большинству, это уже не предмет спора, это — начало войны.

Именно этим оппозиция в корне отличается от самокритики. Самокритика имеет целью взаимное выправление тенденций. Что может быть нормальнее существования различных тенденций; что может быть лучше прямого, открытого, глубокого обсуждения всех спорных вопросов? Самокритика есть начало и конец той предельной свободы мнений, которая является особым преимуществом большевистской партии.

Но оппозиция не идет по дороге самокритики. Ее характерная и гибельная особенность — в том, что она создает замкнутую группу, не подчиняется общему решению, не желает раствориться в воле большинства, — а решение по большинству голосов есть единственный демократический способ, и даже единственный разумный способ пресечь споры, пока действительность не вынесет своего окончательного приговора. Здесь же — после голосования остается некоторый осадок. К нему-то и привязывается оппозиция. Вокруг него она сгущается нерастворимым ядром. Вместо того, чтобы проводить решение партии, она более или менее открыто борется с ним. «Особое мнение» затвердевает, костенеет, как стенки сосудов, пораженных склерозом, — и партийный организм начинает страдать от внутреннего паразитического нарыва. Так оппозиция принимается за фракционную работу, — а это уже прелюдия к расколу. Самокритика всегда остается открытой, оппозиция же замыкается. Самокритика остается в пределах единства, вместе с оппозицией появляется число «два». Таким образом, «свобода мнений» патологически создает внутри партии особую группировку, которая представляет собою карикатуру на партийную организацию и превращается в постоянный заговор. Когда враждебный блок воображает себя достаточно сильным (а вне партии он, как всякая оппозиция, располагает поддержкой различных врагов государства), он начинает войну и пытается захватить власть, с тем, чтобы ересь превратить в ортодоксию.

На X съезде Ленин развернуто выступил против фракционности — исходного пункта болезни. Он провел следующую резолюцию: «Необходимо, чтобы каждая организация партии строжайше следила за тем, чтобы безусловно необходима критика недостатков партии, всякий анализ общей линии партии или учет ее практического опыта, проверка исполнения ее решений и способ исправления ошибок и т. п. были бы направляемы не на обсуждение групп, складывающихся на какой-либо «платформе» и т. п., а на обсуждение всех членов партии».

По каким же вопросам выступала оппозиция? Если, после всего сказанного, учесть, что мы имеем дело с недопустимым в механизме партии упорством определенных тенденций, противоречащих линии большинства, с кристаллизацией этих тенденций, — легко понять, что оппозиция выступала по всем основным вопросам руководства Советским Союзом и Коминтерном. Все основные вопросы она пыталась рассматривать под особым углом, иначе, чем руководящее большинство.

Окинув взглядом основные факты русского революционного движения, начиная с конца XIX века, мы убедимся, что оба основных направления, которые привели к расколу между большевиками и меньшевиками, — революционное и реформистское, — до известной степени остались жить и внутри большевистской партии, взявшей власть в свои руки. Некоторые ее руководители (Каменев, Зиновьев и, с известными оттенками, Троцкий), как мы уже видели, в самых серьезных обстоятельствах выступали против революционных решений. Они предпочли бы задержать Октябрьскую революцию, а когда она все же свершилась, — избежать диктатуры пролетариата. На деле они стремились не столько к социализму, сколько к конституционно-демократическому строю. Они не верили в силу и прочность подлинно социалистического государства в окружении капиталистического мира; они не верили, что можно завоевать крестьянина-сердника для дела социализма. Далее, они утверждали, что государственная промышленность имеет капиталистический характер. Они требовали свободы фракций и группировок внутри партии, т. е. были противниками единства партии. На этой платформе не раз сговаривались Зиновьев, Каменев и Троцкий; указанные пунк-

ты и характеризуют в основном значительнейшую из «оппозиций». Это — возрождение меньшевистского начала.

При жизни Ленина оппозиция боролась против взглядов Ленина, так как Ленин вел за собой партию, которую он «двадцать пять лет выковывал своими руками», которая была его созданием. После же смерти Ленина оппозиция, чтобы форсировать свое наступление, чтобы, под видом защиты чистоты ленинизма, снова напасть на те же положения, с теми же аргументами, — воспользовалась личностью Сталина, как предлогом, если можно так выразиться.

Ожесточенно защищая в начавшемся бою единство партии, которому угрожало восстание меньшинства, Сталин развернул знамя ленинизма. Защита единства партии сделала его основной задачей, как была она основной задачей Ленина, как была она основной задачей Ленина и Сталина вместе, ибо они, как мы уже видели, никогда не расходились ни по вопросам принципиальным, ни по вопросам тактики.

В клятве Сталина, которую мы уже приводили, в клятве хранить честь партии есть второй абзац, вторая строфа:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!»

Со смертью великого вождя возникла возможность раскола партии, распада партийного единства. А это было бы неизмеримым бедствием.

Ситуация изменилась вдвойне; мало того, что рядом со Сталиным уже не было Ленина, рядом с ним теперь оказался Троцкий, — Троцкий, которому уход Ленина развязал руки.

К личности Троцкого тяготеет вся оппозиция. Если Троцкий и не воплощает ее целиком, то можно сказать, что он всю ее символизирует. Она сделалась серьезной опасностью именно благодаря ему — благодаря его авторитету, созданному той ролью, которую Троцкий сыграл в истории революции в первые годы советской власти.

Троцкий, изгнанный из России в результате своей открытой борьбы против советского государства, подвергается сейчас некоторым придирам со стороны капиталистической полиции, а широкая пресса издается над тем, что он был когда-то народным комис-

саром. Преследуя Троцкого, под нашим европейским небом ему мстят именно за ту роль, которая приписывается ему в Октябрьской революции. Международная буржуазия не разбирается в тонкостях, а поддеть большевика ей всегда приятно. Но наряду с этими преследованиями которых Троцкий уже давно не заслуживает, он находит у всех врагов советской власти помощь и поддержку; не говоря уже о его современной политической деятельности, нельзя не вспомнить о тех ударах ножом в спину, которые он и его сообщники наносили Советскому Союзу и Коминтерну. То было действительно покушение на убийство, попытка разрушения.

Стоит ли повторять, что в поведении Троцкого несомненно сыграл известную роль и личный момент? Его нежелание считаться с другими руководящими работниками сказалось очень рано, еще при жизни Ленина. «Очень нелегко работать с этим товарищем», — ворчал Зиновьев не раз, впрочем, переходивший в его лагерь. Троцкий решительно был уж слишком троцкистом.

В какой же степени разрыв Троцкого с партией, его стремление смастерить из лоскутьев свой собственный боевой «ленинизм» и итти по военной тропе к более или менее ясно выраженной цели создания новой партии и даже Четвертого интернационала, — в какой степени все это объясняется его деспотическим характером, «бонапартизмом», злобой на то, что его оттесняют, ставят рядом с другими, когда ему хотелось бы блистать одному? На этот вопрос ответить очень трудно. Нельзя, однако, не указать, что Троцкий резко выступал против линии партии и в 1921 году, и в 1923 году, а в промежутке между этими двумя выступлениями, — в 1922 году в качестве докладчика на IV конгрессе Коминтерна, — четко защищал в ключевом вопросе о нэпе все установки партийного большинства. И тем не менее на другой же день после конгресса троцкистская оппозиция, потрясенная теорией перманентной революции, стала изо всех сил доказывать, что революция остановлена, что нэп есть капиталистическое перерождение, термидор. Быстрая смена столь противоположных позиций, повидимому, свидетельствует о вмешательстве и чисто личного фактора.

Но что бы ни подстегивало Троцкого, последним основанием его разры-

ва с партией являются прежде всего политические взгляды. Если приводящей причиной было самолюбие, то основная причина — идеологическая. Она кроется в коренном расхождении с ленинским большевистским уставом. Здесь обнаруживается совершенно иной политический темперамент, совершенно иные оценки и методы. Именно в результате напряженного и стремительного развития этих основных расхождений, разжигания их — Троцкий и стал мало-помалу противником всей линии большевистской политики.

Меньшевик с самого начала, Троцкий навсегда остался меньшевиком. Возможно, что он стал антибольшевиком и потому, что он троцкий, но уж во всяком случае — потому, что он старый меньшевик. Если угодно, можно сказать и так, троцкий разбудил в нем старого меньшевика.

Многие состязались в параллельных характеристиках Ленина и Троцкого на манер Лабрюйера, это стало традицией, речь Ленина монолитна, строга, слержанна; Троцкий — блистает и горячится. Эта серия стилизованных сопоставлений гения со способным человеком была очень виртуозно начата Жаком Садулем. Общий смысл подобных живописных контрастов можно считать довольно правильным, хотя заходить в таких литературных упражнениях дальше, чем следует, — дело опасное (логика заранее заданного противопоставления иногда сбивает в этой игре с пути). Но главное в том, что Ленин и Троцкий — люди далеко не одного масштаба, и во всяком случае ставить кого бы то ни было рядом с гигантской фигурой Ленина — бессмысленно.

У Троцкого даже достоинства связанные с такими особенностями которые легко превращают достоинства в недостатки. Его чрезмерный, но недостаточно широкий критицизм (у Ленина критицизм был, как и у Сталина, энциклопедичен) не позволяет ему итти дальше мелочей, не дает видеть целое и приводит к пессимизму.

Кроме того, у Троцкого слишком много воображения. У него какое-то недержание фантазии. И воображение это, сталкиваясь с самим собой, теряет почву, перестает отличать возможное от невозможного (это, впрочем, и не дело воображения). Ленин говорил, что Троцкий способен нагромождать девять правильных решений и добавить одно катастрофическое. Люди, работавшие с Троцким, рассказывают, что каждое

утро, открывая глаза и потягиваясь со сна, они бормотали: «Ну, что еще он выдумает сегодня?»

Он видит слишком много возможностей, его преследуют разнообразнейшие сомнения, его одновременно привлекают противоположные решения. Ленин называл Троцкого «тушинским перелезом». Троцкий сомневается, колеблется. Он не решается. Ему не хватает большевистской уверенности. Ему жутко. Он инстинктивно настроен против того, что делается.

И потом он слишком любит говорить. Он опьяняется звуками собственного голоса. «Он декламирует даже с глазу на глаз, даже наедине с самим собой», — рассказывает один из бывших его товарищей. Словом, этот человек обладает данными адвоката, полемиста, художественного критика, журналиста, — но не государственного человека, прокладывающего новые пути. Ему не хватает острого повелительного чувства жизненной реальности. Ему не хватает великой суровой простоты человека действия. У него нет твердых марксистских убеждений. Он пугается. Он всегда пугался. Из трусости он остался меньшевиком. Из той же трусости он свирепеет, впадает в горячечные припадки левачества. Чтобы понять Троцкого, необходимо сквозь припадки ярости видеть его бессилие.

Мануильский дает нам еще более широкое определение: «Почти непрерывная череда оппозиций была выражением соскальзывания наиболее слабых партийных слоев с большевистских позиций». Вся оппозиция представляет собою отступление, малодушие, начало паралича и сонной болезни.

То же самое было и за границей: «В гнилую полосу частичной и относительной стабилизации капитализма... дрогнули и побежали вон попутчики из рядов Коминтерна». Неуклонно итти вперед, высоко неся знамя Коммунистического Интернационала, — не легко. Проходит время, — и ноги устают, кулаки разжимаются, — у того, конечно, кто не рожден для борьбы.

Чтобы итти вперед по великому пути истории, необходимы простые и мощные способы действия. Надо уметь отбрасывать казуистику. На утонченные хитросплетения элэотов, сомневавшихся в реальности движения, урюмый Диоген ответил тем, что молча принялся шагать. Массы доказывают бессодержательность многих возраже-

ний чем, что просто проходят мимо них. Миллионноголовое событие движется своим историческим путем; оно — древний маг здорового смысла (по Декарту «здравый смысл» — это та частица разума, которая имеется в каждой голове). И с этим здоровым смыслом надо считаться вопреки всем дискуссионным ухищрениям. Пошлость, делящееся ничтожество и бессилие меньшевизма, то, что Сталин назвал «организационной распушенностью меньшевиков», — вот что привело Троцкого к поражению. Если бы Троцкий был прав, он победил бы. Точно таким же образом, если бы большевики были неправы, когда в начале Новой Эры они противопоставили себя меньшевикам и провели раскол РСДРП, — они были бы побеждены.

Прежде всего оппозиция, естественно, сосредоточилась на важнейшей проблеме русской революции — на проблеме построения социализма в одной стране.

В этом вопросе Ленин занял определенную позицию еще до революции. Еще тогда он писал. «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране... Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства»

Победа Октябрьской революции ставила перед победителями две задачи: задачу социалистического преобразования всего мира и задачу конкретного строительства социализма в определенной стране. С чего же начать, вернее с какой стороны взяться за эту двойную задачу?

Ленин считал, что самое главное — это строить социалистическое общество там, где есть возможность его строить, — в России

Троцкий опасался, как бы это не завело революцию в роковой тупик. Наступление в одной стране, перед лицом капиталистического фронта, казалось ему обреченным на неудачу. (Он боялся, и в нем воскресал или, вернее, просыпался меньшевик). При таких условиях — говорил он. — русскую революцию надо рассматривать, как преходящую.

Мы помним, что еще в августе 1917 года, на VI съезде партии, Преображенский пытался провести ту точку зрения, что социалистическое переустройство России может явиться лишь следствием победы социализма во всем мире. И именно потому, что Сталин со всей силой выступил против, съезд отверг инспирированную троцкизмом поправку, которая поставила бы возможность построения социалистического общества в бывшей царской России в зависимость от успеха мировой революции.

По этому поводу Карл Радек, мнение которого в данном случае тем более интересно, что он в свое время сам смотрел через троцкистские очки, говорит: «Троцкий исходил при этом из типичного для II Интернационала взгляда, выказанного им уже на II съезде партии, — что диктатура пролетариата есть власть организованного пролетариата, представляющего собою большинство нации».

Итак, если пролетарская революция не соберет половины всех голосов плюс еще один, — то ничего не поделаешь. Для Троцкого победа пролетариата в одной стране сводилась (даже в пределах этой одной страны!) лишь к «историческому эпизоду», если за нею не стоит абсолютное большинство населения. Таким образом, он явно сближался с доктриной «цивилизованного европейского социализма», которую Второй интернационал противопоставлял мнению Ленина. У социал-демократов не было никакой веры в революцию. Социал-демократические вожди считали, что социалистическая революция возможна лишь в стране развитого капитализма, но никак не в России, где для нее нет пролетарской базы. В России они считали возможной лишь буржуазную революцию, которая, как и всякая буржуазная революция, сможет быть лишь церемониалом перехода власти от самодержавия к буржуазии, причем буржуазия укреплается, маскируясь при помощи ловко подкупаемой рабочей аристократии, а пролетариат и крестьянство должны тащить и тех и других на своем хребте. Сталин уже сказал нам, что именно подобной недооценкой действительных революционных возможностей России объясняется печальное бездействие социал-демократии во время революции 1905 года.

Известно, что и другие оппозиционеры, как например Зиновьев и Каменев, — крупнейшие работники и

партии после Ленина, Троцкого и Сталина¹, — упорно выступали в троцкистском: духе: «Лозунг строительства социализма в одной стране культивирует в партии дух оппортунизма»; «все это ведет к сдаче позиций, завоеванных революционным пролетариатом»; тот, кто принимает этот лозунг, «предает интернациональные задачи революции». И начинались высокие слова и красивые жесты, — война с ветряными мельницами.

Генеральная теория Троцкого (и Гильфердинга) состояла в том, что складывающееся социалистическое хозяйство живет в абсолютной зависимости от мировой капиталистической экономики. Отсюда — утверждение о фатальном капиталистическом перерождении советской экономики, находящейся в капиталистическом окружении. В те времена и Радек говорил: «Перед мировым капитализмом мы бессильны». Все эти люди трусили. Так и видишь этот ветер тревоги, этот трепет паники, втягивавшей в свой смерч оппозиционную группировку.

Ленин и Сталин смотрели на вещи с совершенно иной точки зрения и ставили вопрос с неопровержимой ясностью: строительство социализма в одной стране — это сила, которой необходимо воспользоваться. «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир», — заявил Архимед. И Радек, когда он снова стал Радеком, очень выразительно сказал: «Возможность построения социализма в одной стране является архимедовым пунктом в стратегическом плане Ленина».

Ленин никогда не упускал из виду задачу строительства социализма во всем мире. (Ленин никогда и ничего не упускал из виду). Именно к этой цели он и стремился, — начиная в России. В последних статьях, написанных незадолго до смерти, Ленин утверждал, что на основании закона неравномерного развития капитализма строительство социализма в России (располагающей всеми необходимыми предпосылками) — возможно, несмотря на культурную отсталость страны и ее крестьянский характер.

Сталин, которого Троцкий и Зиновьев язвительно упрекали в «национальной ограниченности», не перестает повторять, что «развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей ре-

волюции». Он даже утверждает, что, оставаясь политически изолированным, СССР не может считаться «самодовлеющей величиной». Но между переходным и временным есть некоторая разница. И Сталин упорно доказывает, что строительство социализма в одной стране обеспечивает реальную поддержку общему развитию мировой революции. Он говорит о том, какое неотвратимое, грозное, поражающее воздействие оказывают советские достижения на внутреннее состояние буржуазных государств и на усиление секций Коммунистического Интернационала в капиталистических странах.

«Неправы поэтому, — говорит автор «Вопросов ленинизма», — не только те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, объявляют победу революции в одной стране чисто национальным и только национальным явлением. Неправы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне». Неверно будет думать, что одно из этих условий зависит от другого: оба они зависят друг от друга.

Что касается разговоров о барьерах, о китайской стене, то Сталин и здесь ставит проблему на твердую почву и намечает необходимые веши.

Вы говорите о зависимости от иностранного капитализма? Что ж, разберемся... Сталин вносит ясность: «Тов. Троцкий говорил в своей речи, что «в действительности мы все время будем находиться под контролем мирового хозяйства»... Верно ли это? Нет, неверно. Это — мечта капиталистических акул, которая никогда не будет проведена в жизнь». И Сталин устанавливает, что этого якобы «контроля» нет: финансового контроля нет ни над советскими национализированными банками, ни над промышленностью и внешней торговлей, равным образом национализированными. Политическое контроля тоже нет. Таким образом, контроль этот не осуществляется ни в одном из тех реальных значений, какие может иметь слово «контроль». Все эти люди просто пугают призраком контроля. А с другой стороны, расширять сношения с капиталистическим миром — не значит становиться в зависимость от него.

Мануильский (1926) подчеркивает ошибочность «закона наследственности», который Троцкий пытается ис-

¹ А также Свердлова, скончавшегося в 1919 году.

пользовать в своих целях, указывая на царскую экономику. Старая Россия действительно находилась в зависимости от мирового капитала, ибо капиталистическая экономика России была неотъемлемой частью мирового капиталистического хозяйства. Революционная же Россия, поскольку она исходит из совершенно иных принципов, отличающих ее от других стран, находится в другом положении.

Наконец, Сталин решительно подчеркивает необходимость доказать рабочим капиталистических стран, что пролетариат может обойтись без буржуазии, может без нее построить новое общество.

...С тех пор ход событий превратил мечты в действительность, мы приобрели опыт; нам легко быть решительными. И все же дискуссия эта кажется нам несколько странной даже для своего времени: русская революция явно была не в силах немедленно вызвать пролетарскую революцию в других странах мира, — какой же еще был у нее выход, если не строить всеми силами социализм в той единственной стране, которая была у нее в руках? А что еще было делать? Забросить этот завоеванный участок и предаться мечтам о предстоящем завоевании остального? Нелепое измышление реформистских умишек! Да в как отрицать огромную силу примера, притягательную силу социализма, прочно утвердившегося в одной части света! Стоит немного подумать над этим великим и волнующим вопросом, и мы увидим, что существование социалистического государства есть огромный фактор, содействующий всемирной пролетарской победе — именно потому, что революция в высокоразвитых и жестоко ограбленных капитализмом странах связана с особыми трудностями, вытекающими из иностранного контроля. И все же надо было верить, что возможно создать подобный великий резервуар революционной энергии, надо было иметь достаточно широкий кругозор чтобы разглядеть и понять будущее.

В этой борьбе, так глубоко захватившей советских коммунистов. — два трезвых реалиста движутся словно среди теней. Перед Лениным и Сталиным — толпа беспочвенных противников, сбившихся с пути в результате отсутствия уверенности. отсутствия смелости и, как выразился один из бывших оппозиционеров, в результате «маловерия».. — противников, которые решались всерьез упрекать Ленина и

Сталина в том, что они не хотят впрягать лошадь позади телеги.

Здесь Сталин и Троцкий действительно выступают как антиподы. Эти два характера находятся на противоположных полюсах современности. Сталин целиком опирается на разум, на практический смысл. Он вооружен непогрешимым и неумолимым методом. Он знает. Он до конца понимает ленинизм, ведущую роль рабочего класса, ведущую роль партии. Он не старается стать выше других, у него нет желания казаться оригинальным. Он только стремится сделать все, что можно сделать. Он не гонится за словами, он человек действия. Когда он говорит, он ищет лишь сочетания простоты и ясности. Подобно Ленину, он бьет в одну точку. Он любит задавать вопросы (таким образом прощупывается аудитория) и, подобно великому античному оратору, щедро пользуется подчеркиванием нужных слов. Его умение выставлять на свет слабые и сильные пункты — изумительно. Он, как никто, умеет вскрывать реформистскую угодливость, оппортунистическую контрбанду. «Как бы ни маскировался оппортунизм, — говорит Радек, — какими цветистыми оболочками он ни прикрывал бы свое мизерное тело, Сталин умеет через эту оболочку разглядеть оппортунистическую действительность и дать ей беспощадный бой». (Ты называешь себя защитником генеральной линии, а на самом деле ты — правый оппортунист, прикидывающийся леваком!)

Повторяем, этот основной вопрос о строительстве социализма в одной стране достаточно показателен для позиций, занятых главными героями советской эпопеи в целом ряде идеологических и политических поединков, разыгравшихся между ними с первых же шагов строительства СССР. Здесь выясняется, почему оборона-наступление Сталина, решившего взяться за Троцкого, которого (особенно после смерти Ленина) кое-кто считал табу, — «очистила и омоложила партию, освободив ее от охвостья II Интернационала». Борьба против троцкизма есть борьба против бесполового, мелочного, трусливого и — надо уж говорить до конца — контрреволюционного духа мелкой буржуазии внутри партии.

Немного времени спустя на правом фланге появляется другой оппозиционный отряд. Ведущее большинство партии оказывается между двух огней в крестьянском вопросе. Если троцкист

ская оппозиция («слева») недооценивала роль крестьянства в революции, то оппозиция бухаринская (справа) теряла из виду ведущую роль пролетариата по отношению к крестьянским массам: одних преследовал призрак кулака и уродливого нэпа, других — призрак развала, якобы следующего за всяким подъемом. И правые, боясь огня, поливали классовую борьбу холодной водой. Не скатываться ни вправо, ни влево! Правильно оценивать обстоятельства и людей! Кто говорит о крестьянской бедноте: «кулак ее съест» — тот недооценивает ее. Но кто говорит: «она сама съест кулака» — тот переоценивает ее. Мудрость, твердая почва под ногами...

Каменев и Зиновьев не только объединились с Троцким, к которому прежде относились враждебно, но Зиновьев сговорился и с Бухариным в понимании крестьянского вопроса, как основного в ленинизме. «Молчите! — кричит большинство. — Подобными заявлениями вы руссифицируете ленинизм, вы лишаете его международного значения!» «Вы вступаете, — заявляет Мануильский. — на путь Отто Бауэра». (Австро-марксистский национализм, провозглашающий культурно-национальную автономию).

Сталин неумоимо начинает с самого основного, ставит каждый принцип на свое место, вносит ясность: «Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, является вопросом производным».

Затем он берется за правых. Именно по инициативе Сталина в порядок дня VI конгресса Коминтерна была поставлена борьба не только против правых уклонистов (стремившихся задерживать движение вперед в условиях нэпа), но и против примиренчества к правому уклону.

Как же развернулись события? Дадим схематический обзор основных этапов борьбы.

Первые расхождения Троцкого с партией — во время брестских переговоров и дискуссии о профсоюзах — создали тяжелое положение («Партия лихорадит», — говорил Ленин). Штатная в партии и нападки на Ленина

сыграли на-руку кронштадтскому мятежу.

После смерти Ленина Троцкий сначала вел свои атаки на партию довольно осторожно; более открытые и решительные удары он начал наносить во время дискуссии, вызванной его статьями «Новый курс» и «Уроки Октября», где давалось тенденциозное изображение роли партии и личной роли автора. Пресловутая платформа 46-ти (1923 год) утверждает, что «страна идет к гибели».

Протоколы партийных собраний свидетельствуют, что партия действовала по отношению к Троцкому осмотрительно и терпеливо. В 1923 году, во время болезни Ленина, Троцкий еще выступал в качестве докладчика высшего исполнительного органа партии — Политбюро ЦК. Партия пыталась повлиять на Троцкого, а он, как известно, стремился использовать проявляющееся там и сям недовольство, объединить всех недовольных в блок и занять в этом блоке место вождя. Эта враждебная партии пестрая группировка уже отказывалась критиковать троцкизм, приняв антипартийную линию Троцкого.

Когда после смерти Ленина борьбу возглавил Сталин, то по отношению к старому противнику Ленина он пытался применить не метод репрессий, а «педагогический метод» (Ярославский). Попытки убеждения ни к чему не привели; возникал вопрос, может ли Троцкий оставаться в руководстве партии и даже вообще в партии. Вопрос этот приобрел особенную остроту, когда Троцкий выступил с так называемым «тезисом Клемансо» в случае войны надо менять правительство. В применении к СССР, к монолитной и целостной организации его руководства, эта теория была настоящим призывом к расколу и гражданской войне.

В декабре 1925 г. на XIV съезде большевистской партии Зиновьев и Каменев оказались во главе разношерстной оппозиции (в нее вошли, главным образом, ленинградские делегаты), вооруженной уже упоминавшимися тезисами (невозможность построения социализма в одной стране, недооценка среднего крестьянства, характеристика социалистического сектора промышленности как государственного капитализма, требование полной свободы фракций). Оппозиция эта получила мало оправданное название «новой оппозиции». Зиновьев, который был ее глав-

ным рупором потребовал содоклада по отчету Центрального комитета (докладчик — Сталин). ЦК удовлетворил требование означавшее официальное объявление войны.

Сталин повел энергичную контратаку против наступления оппозиции. По его мнению, все ошибки оппозиции происходили из одной основной: из неверия в победу социализма.

В 1926 — 1927 годах произошло объединение оппозиций, вышло нечто вроде треста уклонов, предпринявшего серьезную попытку сосредоточенного действия, действия решительного, в большом масштабе.

Оппозиционеры, объединившиеся вокруг Троцкого, составили платформу — список обвинений против партии. В ней все было разложено по полочкам, она представляла собой законченную программу, разработанную доктрину, пытавшуюся доказать, что руководство партии целиком отошло от ленинизма, что вся линия руководства ошибочна. Одновременно эти старые противники, превратившиеся в новых врагов, вели за границей клеветническую кампанию против Советского Союза и партии.

В ответ на это открытое нападение, на эту груду обвинений — Центральный комитет поручил Политбюро, за месяц до съезда ВКП(б), назначенного на декабрь 1927 года, опубликовать свои тезисы, с тем чтобы оппозиция представила какие угодно контртезисы, которые будут напечатаны в партийной прессе и разосланы по организациям. Таким образом Центральный комитет решил провести дискуссию по всем пунктам в течение месяца.

Но уже 3 сентября 1927 года оппозиция представила платформу на 120 страницах, требуя чтобы она была немедленно напечатана и разослана по всем комитетам и организациям. Партия отвергла эту попытку изменить ее решение и растянуть дискуссию на четыре месяца, считая что в разгар напряженного строительства такая «рокошь» недопустима.

Кто хочет быть в курсе всех оппозиционных уловок, тот должен основательно изучить этот документ (платформу). Кое-как сшитые обрывки критики и обвинений представляют собою как бы одежду или чешую оппозиции; раздутый обвинительный акт направленный против всех существенных пунктов теории, жизни и деятельности партии и правительства, вырастает в целый кодекс, сверху донизу ревирующий подлинный ленинизм во имя лже-ленинизма. Воспроизвести эту воинст-

вующую энциклопедию хотя бы вкратце — невозможно. Слишком она лоскутна.

Впрочем, теперь, когда в Советском Союзе вопрос об оппозиции почти целиком потерял всякое живое значение, уже нет надобности разглядывать в лупу каждый параграф этого лже-ленинизма. Многие вопросы, поставленные оппозицией, решены жизнью. На них дала неопровержимый ответ сама история. Ходом событий, убедительными успехами социалистического строительства, аргументы оппозиции перечеркнуты и лишены всякого смысла.

Кроме того, критический жар историка охлаждается тем, что почти все крупные оппозиционеры уже побеждены фактическим ходом вещей и пришли с повинной (что делает честь их уму и характеру).

Нельзя, однако забывать, что оппозиция была вызвана коренными расхождениями и потому (не говоря уже о непрерывной деятельности Троцкого и других подпольных врагов) пребывает в скрытом состоянии и остается опасной, хотя отныне никаких шансов на победу у нее нет. Но даже не имея надежды, ненависть живет и ищет случая нанести удар. Мы видели, что террористическая организация «Ленинградского центра», поручившая Николаеву убить Кирова, состояла из гнилых подонков старой зиновьевско-каменевско-троцкистской оппозиции, снюхавшихся с царскими бандитами и негласными заграничными заказчиками. Одной из целей «Ленинградского центра» было убийство вождей Советского Союза, с тем чтобы отомстить за разгром оппозиции и создать внутренние и международные осложнения.

Внимательное чтение объемистой сводки обвинений, какую представляла собой историческая платформа оппозиции 1927 года, наводит на соображения, которые мы и выскажем здесь, чтобы показать, насколько серьезны были расхождения, — и на этом закончить.

Отметим еще раз, что выдвигаемые оппозицией факты используются ею как примеры иллюстрирующие применение неверных методов или же неправильное применение верных методов. Речь все время идет о методах, тенденциях, руководящих идеях (в каждой строчке платформы во всех тезисах «за» и «против» бросается в глаза ходячее слово «уклон»). Таким образом, по существу дело идет о более или

менее резких отклонениях вправо и влево от принципов или тактики ленинизма.

Во-первых, «точные» (статистические) данные, на которые опирается оппозиция, выдвигая обвинения в уклоне и предсказывая близкую гибель, являются в большинстве бесспорно неточными: приводятся цифры или просто неверные, или подтасованные, т. е. взятые без учета всей сложности вопроса.

Например: так называемый рост отставания промышленности и транспорта от потребностей страны (главный упрек); отставание роста зарплаты от повышения производительности труда; сокращение рабочего дня; сокращение сверхурочных часов; рост разрыва между оплатой труда женщин и мужчин; снижение зарплаты подростков; рост безработицы в промышленности; размеры пособия безработным и т. д.

Во-вторых, многие обвинения совершенно бездоказательны, а между тем они явно опровергаются решениями партии и достигнутыми результатами. Примеры этих обвинений: замазывание роста кулачества; расчет партии опереться на кулака; зажим внутрипартийной демократии; отказ от идеи индустриализации (под прикрытием нэпа); попытка противопоставить кооперацию электрификации (тоже в связи с нэпом).

В-третьих, многие предложения оппозиции явно опасны, неуместны, могут привести к губительным результатам. Все положительные предложения не считаются с реальной обстановкой, это — демагогическая шумиха; предложения оппозиции либо плохи сами по себе, либо неуместны, преждевременны.

Например (помимо легкомысленной критики трудностей нэпа, помимо спекуляции на этой временной мере, выдуманной к жизни непосредственной необходимостью, и требования немедленной ликвидации нэпа) — поддержка правого националистического уклона, угрожающего разбить единство Советской федерации; предложение повысить заготовительные цены (XV съезд показал, какие опасные последствия могла бы повлечь за собой эта мера, выдвинутая оппозицией без понимания всей сложности обстановки, с единственной целью добиться расположения и поддержки крестьянства); сокращение производства (заккрытие заводов, свертывание рационализации); столь же демагогическая мера массового освобождения де-

ревенской бедноты от налогов; изъятие государственных капиталов из кооперации (т. е. усиление частного капитала); сверхобложение крупных доходов, равносильное конфискации, немедленному уничтожению частного капитала, ликвидации нэпа в тот момент, когда это медицинское средство было еще необходимо; требование дополнительных хлебозаготовок (которые немедленно привели бы к краху всю, еще не окрепшую кредитную политику Советского Союза).

Предлагать подобные мероприятия соблазнительно для тех, кто хочет покрасоваться перед галеркой, но они представляют лишь дутое, чисто бумажное разрешение вопросов, которые могут быть практически решены только постепенно, в известные сроки.

Вполне понятно, что можно очень эффективно сотрясать воздух, крича о кулацкой опасности, о росте безработицы, о недостаточности рабочего жилищного строительства, о безобразном бюрократическом перерождении. Можно очень эффективно провозглашать везде и всюду: «Надо двигаться быстрее!» Но спрашивается, возможно ли идти быстрее, виновато ли руководство партии в относительной (не абсолютной) медленности продвижения, и прежде всего — есть ли тут основания для коренного переворота в ее политике?

Виновата ли партия, если она, например, не может достать миллиарды, чтобы дать всем рабочим хорошие квартиры? Или, обращаясь к великому зрелищу индустриализации сельского хозяйства (что она необходима, это было ясно всегда, но осуществление ее сознательно и вместе с тем в силу обстоятельств отодвигалось до известного срока), — не глупо ли будет дуть уже работающую, живую потребительскую кооперацию ради грядущей электрификации? Можно отметить, что это противопоставление кооперации и тяжелой индустрии делается примерно в тех же формах, в том же плане, что и противопоставление мировой революции строительству социализма в одной стране. Спрашивается, следует ли бросать уже наполовину разрешенную задачу ради другой задачи, более величественной, но пока еще неразрешимой? Тут ставится такая дилемма: либо делать нечто конкретное, либо начинать с конца.

Во всяком случае очевидно, что мно-

гие спасительные меры, которых лихо-радочно требовала оппозиция, — это те самые меры, которые провозглашает и применяет сама партия. В этих случаях оппозиция открывает Америку. Она играет роль мухи, которая «пахала». (Но это муха це-це!)

Вложите в индустрию 500 миллионов рублей! — командует оппозиция. Но кривая вложений в промышленность неуклонно идет вверх, и еще в 1927 году, когда было брошено это требование, она достигла 460 миллионов рублей. Некоторые предложения оппозиции, — например, касающиеся улучшения распределения сельскохозяйственных продуктов, помощи деревенской бедноте и кустарям, положения подростков на производстве, — скопированы с принятых и уже проводившихся в жизнь решений партии.

Забота о «демократии», т. е. об участии всех, об участии масс в общей работе, — об уважении к меньшинству в политике, — всегда стояла на первом месте и у Ленина, и у Сталина. В самом деле, кроме советского правительства нет другого правительства, настолько обязанного отчитываться перед массами; и оно находится под контролем партии, которая сама неразрывно связана с массами. Хронология общественной жизни Советского Союза пестрит римскими и арабскими цифрами, отмечающими конгрессы Коминтерна, партийные и советские съезды, конференции, пленумы. Непривычный человек теряется в этой заросли цифр, — а между тем они строго рассчитаны. Как только возникает значительный вопрос, он автоматически выносится на всеобщее обсуждение и разбирается со всех сторон.

Бюрократизация аппарата? Да, конечно, это обвинение почти всегда имеет под собою какую-то почву. Государственный аппарат отличается печальной склонностью к ожирению или, — если он тощ, — к мумификации. О этом нужно упорно бороться, хотя бы частично устраняя это неустранимое явление. Но все же у советского аппарата здоровый хребет, а между тем на этот аппарат часто набрасываются с театральной яростью, ничего не желая видеть, — с единственной целью так или иначе донять руководство. Лет за двадцать до оппозиции, в 1904 году, Ленин отвечал меньшевикам и Троцкому: «Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров,

есть фиговый листок... Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на «механическое» большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты — самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании, которая тем энергичнее отстаивает свою кружковщинскую «премущественность», чем неприятнее ей прямое неодобрение съездом этой кружковщины». Так говорил Ленин, грозный психолог, обладавший сотней пронзительных глаз.

На пленуме ЦК и ЦКК, собравшемся в 1927 году перед XV съездом, была, сделана последняя попытка договориться с Троцким и Зиновьевым. Пленум предложил, чтобы Троцкий отказался от требования изменить руководство, от клеветнического обвинения центральной власти в «термидорианстве» и безоговорочно выступил на защиту партийной линии. Троцкий и Зиновьев отвергли эту возможность окончательно восстановить внутренний мир в партии. Тогда их исключили из ЦК и вынесли им выговор с предупреждением, что если они будут продолжать свое, их исключат из партии.

Троцкий и Зиновьев (последний пользовался особенно сильным влиянием в Ленинграде, где он был ранее председателем Совета) продолжали войну. Они пытались восстановить против партии комсомол. Они с новой силой принялись за организацию тайных собраний, подпольных типографий, они печатали брошюры, они силой захватывали помещения и даже устраивали уличные демонстрации, как, например, 7 ноября 1927 года. На XV съезде демонстрировались материалы, показывающие эту ожесточенную политическую конспирацию против руководства. Троцкий и его сообщники решили создать свою партию с центральным, областными и городскими комитетами, о техническом аппаратом, членскими взносами и прессой. Все это делалось и в международном масштабе, целью было — заменить Третий Интернационал другой организацией. Членов ЦК, поддерживающих генеральную линию партии, силой не допускали на собрания троцкистов (так было, например, с

Ярославским и некоторыми другими товарищами, «физически» удаленными с одного собрания в Москве).

XV съезд решил покончить с этим тяжелым и опасным положением. Он потребовал от Троцкого, чтобы тот распустил свои организации, он еще раз потребовал отказа от таких методов борьбы, которые выходили не только за пределы большевистской дисциплины, но даже и за пределы «советской легальности»; он, наконец, еще раз потребовал прекращения систематических враждебных выступлений против точки зрения большинства. Но контрпредложения троцкистов (121 подпись) не только не были направлены к примирению, но означали усиление их нападков и подтверждали еще решительнее их откол от партии. Троцкий и его сторонники были исключены из партии. Но дверь оставалась открытой: каждому в отдельности была предложена возможность быть принятым обратно в партию, если он откажется от своих взглядов и подтвердит это своим последующим поведением. Троцкистская клевета, изображающая председателя ЦКК товарища Ярославского свирепым и кровавым догом, которого держат на цепочке Сталин, очень далека от действительности.

Иному, быть может, захочется спросить: не принесла ли в конце концов оппозиция известной пользы — ведь она привлекала внимание руководства к слабым пунктам, сигнализировала о тех или иных опасностях?

Нет. Прежде всего, для того, чтобы руководство было постоянно на-чеку, вообще говоря, гораздо более действительным средством, чем борьба не на живот, а на смерть, была бы самокритика.

А затем совершенно очевидно, что кривая неизменных и планомерных успехов советского государства не имеет никаких следов влияния оппозиции. Оппозиция не исправила никаких упущений; наоборот, она создала подводные рифы, которые пришлось обходить; это и было одной из причин того, что великий подъем Советского Союза начинается с момента, когда оппозиция была разгромлена. Надо воздать должное вождям СССР: с самого начала Октябрьской революции они никогда ни в какой степени не меняли своих позиций и взглядов; все, сделанное после смерти Ленина было сделано по

Ленину, а не по искажениям и подделкам ленинизма.

Я обращаюсь к далеким временам, к предреволюционному периоду, к прошлому столетию. Ваню Стурца рассказывает, как в 1898 году Сталин нелегально приехал в Тифлис, к заводским рабочим. Как видим, это было не вчера. «Твердость и решительность Сосо были удивительны». Он беспощадно разгромил «дряблость», «колебания», «гибельный дух примиренчества» многих товарищей. Сосо (тогда ему было 19 лет) уже чувствовал разложение многих интеллигентов, «добрая половина которых в самом деле перешла после II съезда в лагерь меньшевиков».

Таков был тогда Сталин, таков он был и тридцать лет спустя, перед лицом оппозиционного блока. Все тот же человек, проникнутый тем же стремлением: человек реализма и уверенности, человек, идущий вперед наперекор трусам, пессимистам, топчущимся на месте.

Оппозиция сделала все, что было в ее силах, чтобы деморализовать революцию, она сеяла по всему миру сомнения (по крайней мере, всеми силами пыталась это делать), пугала призраком развала, безнадежности, гибели, сумерок.

«Потрясите хорошенько, — говорит Сталин, — нашу оппозицию, отбросьте прочь революционную фразеологию, — и вы увидите, что на дне там сидит у них капитулянтство».

И в другом месте: «Троцкизм... старается привить неверие в силы нашей революции».

Троцкизм получивший некоторое распространение на Западе, нападал на секции Коммунистического Интернационала, по мере сил пытаясь подорвать дело Октября. Вокруг Троцкого собирается всевозможный сброд — исключенные из партии, ренегаты, недовольные, анархисты; они ведут систематическую кампанию клеветы и саботажа; их подрывная деятельность направлена исключительно против большевизма и советской власти и не останавливается ни перед каким предательством. Эти изменники напрягают все свои силы, чтобы стать могильщиками русской революции.

Есть все основания считать Троцкого контрреволюционером. — хотя это, конечно, не значит, что Троцкий разделяет все мысли буржуазных реакционеров, вместе с которыми он выступает против Советского Союза.

Однажды Сталин сказал: в конце

концов оппозиция бросится в объятия белогвардейцев. Многие были склонны думать, что это предсказание было преувеличенным, что оно родилось в пылу борьбы. Но кровавое событие 1934 года трагически подтвердило слова Сталина.

Если бы оппозиция победила, то партия была бы расколота, а революция поражена тяжелой болезнью. Орджоникидзе имел все основания сказать: «Победа троцкистов и правых грозила гибелью советской власти... Разгром троцкистов и правых является дальнейшей победой Октябрьской революции...»

Сталин не ограничился тем, что разгромил оппозицию и разрубил гордые узлы политического византизма в стране социализма. Он помог и другим коммунистическим партиям преодолеть правый уклон, избавиться от губительных искушений оппортунизма и реформизма, польской партии — после мая 1926 года, английской и французской партиям — в 1927 — 1928 годах, когда им пришлось «перевести свою парламентскую тактику на рельсы подлинно-революционной политики». Примерно в то же время оппортунистическими тенденциями была охвачена германская партия. Но германские коммунисты разбили брандлерянцев так же, как чехословацкие — гайсовцев, а американские — сторонников

Ловстона и Пеппера. В 1923 году болгарская партия избавилась, благодаря Сталину, от вредных уклонов, увлекавших ее то вправо, то влево, то к демагогии, то к оппортунизму. Пролетариату «нужны ясная цель (программа), твердая линия (тактика)» — говорит Сталин. А он не бросает слов на ветер.

Замечательно, до какой точности предвидения может дойти широкий и ясный ум: еще в 1920 году Сталин, несмотря на огромную численность германской социал-демократической партии, — крупнейшей после ВКП(б), — несмотря на ее единство, высказался об этом единстве с большим сомнением, с большими оговорками оно представлялось ему скорее кажущимся, чем действительным. Кто наблюдал развитие современных исторических трагедий, тот поймет, сколько значения и мудрости было в этих словах, столь грозно оправдавшихся на деле через двенадцать лет.

С тех дней Сталин напряженнее, чем когда-либо, борется за целостность и величие ленинизма; он спас ленинизм от покушений в тот момент, когда великий освободительный почин хотя и утверждался победоносно, но еще не развернулся во всей своей силе; в тот период, когда революционный советский пролетариат настойчиво и упорно наполнял жизненными соками молодой и могучий организм, отдавая ему самого себя, — как бы переливая в него кровь.

VI

1928—1934

ВЕЛИКИЕ ЛОЗУНГИ

Новейший период русской революции. Период пятилетнего плана 1928 года.

Единственный в мире народ, народ изумительно новый, народ, не похожий на другие народы, — бросается в бой против стихийных сил. Настало время электрификации, задуманной еще в годы бурь и разрухи.

План, охватывавший годы 1928 — 1932 и в конце 1932 года, четыре года спустя, уступивший место новой Пятилетке, потому что в этот момент его уже можно было считать выполненным, — этот план распространялся и на город, и на деревню. Развитие промышленности — огромный скачок вперед — и победа социализма в деревне. (Два огромных живых вопроса, со-

единенных друг с другом пуповиной — и мощным костяком машин). Россию, которая всегда тащилась в хвосте мировой промышленности, надо было сразу выдвинуть вперед и сделать насквозь социалистической.

Припомним, как определил необходимые основные задачи Сталин: дело идет о том, чтобы превратить отсталую Россию в технически современную страну, чтобы не зависеть от капиталистических стран, чтобы советская власть была крепка и социализм мог победить, чтобы стала возможной ликвидация кулака и переход от мелкого, частнособственнического сельского хозяйства к коллективизации сельского хозяйства, чтобы обеспечить военную оборону.

И это строительство в одной стране — должно было обойтись без иностранного капитала.

Несмотря на серьезнейшие победы, одержанные единственной страной, яростно и в то же время методически борющейся за них уже десять лет, мировое общественное мнение буржуазии не сложило оружия, не простило стране выход из общего «порядка», и большая пресса, орудие капиталистической информации, — то есть лжеинформации, — последовательно проводила свою подлую тактику: либо она так же бесечно, как отрицает подлинность своей подписи, отрицала подлинность успехов Советского Союза, либо, в тех случаях, когда отрицать эти успехи было бы слишком уж глупо, приписывала эти успехи отходу от принципов социализма. С самого начала первой Пятилетки и до самого ее завершения официальная журналистика сохраняла гримасу желчной иронии. Вот несколько выдержек, приведенных самим Сталиным:

— Ах, план? — говорит «Нью-Йорк Таймс» в конце ноября 1932 года. — Бросьте! Это — спекуляция! Примерно в то же время «Дейли Телеграф» заявляет: «Полный крах!» «Коллективизация позорно провалилась», — подхватывает уже упомянутый «Нью-Йорк Таймс». «Тупик!» — утверждает «Газета Польска». «Катастрофа налицо», — вещает итальянский журнал «Политика». Английская газета «Финаншиэл Таймс» решительно вынуждена констатировать «крах системы пятилетнего плана». Не менее категорически высказывается и американский буржуазный журнал «Керрент Истори»: «Пятилетняя программа провалилась как в отношении объявленных целей, так и еще более основательно в отношении ее основных социальных принципов».

«В СССР пятилетние планы существуют лишь на бумаге. Они никогда не выполняются», — пишет один русский автор, бывший коммунист, выгнанный из партии за нечистые дела. В книге, написанной в 1931 году, этот же господин сообщает нам, что «в СССР единственное место, где не умирают с голоду, — это тюрьма». «У всех советских граждан, — добавляет он, — дырявые башмаки и погасший взгляд». «Плевать мне на мировую революцию», — сказал будто бы в 1927 году Сталин крупному американскому фермеру мистеру Кэмпбеллу; во всяком случае, господин фермер имеет наглость утверждать это в своей книге.

Если угодно, отметим кстати, что «в московских ресторанах подают детское мясо на вертеле», — так по крайней мере утверждает еще немало «порядочных» людей.

Так вот, Пятилетний план 1928 года, опиравшийся на колоссальные цифры, был за четыре года выполнен на 96,4 проц. По линии тяжелой индустрии эти четыре года дали 108 проц. выполнения. С 1928 по 1934 год производство в стране утроилось. По сравнению с довоенным временем оно учетверилось к концу 1933 года.

С 1928 по 1932 год число рабочих возросло с 9 500 000 до 13 800 000 (в крупной промышленности число рабочих выросло на 1 800 000, в сельском хозяйстве — на 1 100 000, число торговых служащих увеличилось на 450 000). Безработица при этом, само собой разумеется, целиком отошла в прошлое.

Доля промышленности в общей сумме производства, — т. е. по отношению к сельскохозяйственному производству, — в 1913 году равнялась 42 проц., в 1928 году, — 48 проц., в 1932 — 70 проц.

Доля социалистической промышленности в общем промышленном производстве достигла за четыре года 99,93 проц.

За четыре года народный доход возрос на 85 проц. К концу этого периода он превысил 45 миллиардов рублей. Спустя еще год он достиг 49 миллиардов (на долю частного капитала и концессий приходится 0,5 проц.).

Фонд заработной платы рабочих и служащих возрос с 8 до 30 миллиардов рублей.

Число грамотных по Союзу в конце 1930 года было равно 70 проц., а в конце 1933 года — 90 проц.

Не угодно ли хотя бы бегло сопоставить эти цифры, свидетельствующие о небывалом в истории человечества продвижении вперед, с теми «далновидными» пророчествами, которые мы только что привели — тупик, провал, катастрофа, разгром. Эти пророчества высказывались перед всем миром в то время, как План был уже почти осуществлен.

Созданы новые отрасли промышленности, — от станкостроения, автостроения, тракторостроения, химического производства, производства моторов, самолетов, сельскохозяйственных машин, мощных турбин и генераторов, качественных сталей и ферросплавов — вплоть до производства синтетического

каучука и искусственного волокна. Два года тому назад я приехал из Лондона в Ленинград на большом пароходе, который весь, абсолютно весь, со всеми своими машинами и оборудованием, вплоть до двух роялей (один для пассажиров, другой для команды), был построен на советских заводах. В Москве я видел гигантский самолет (внутри этой громады — перспектива заводского цеха), в котором нет ни одной заграничной детали, кроме шин на колесах шасси.

Реконструированы тысячи старых заводов. Тысячи новых предприятий громоздятся многообразными и многочисленными группами вокруг индустриальных гигантов, из которых многие стоят на первом месте во всей современной индустриальной цивилизации: Днепрогэс, Магнитогорск, Челябинск, Бобрики, Уралмашстрой, Крамашстрой.

Научные экспедиции систематически вскрывают все природные богатства страны. Там и тут, на Украине, на Северном Кавказе, в Закавказьи, в Средней Азии, в Бурято-Монголии, в Казахстане, в Татарии и Башкирии, на Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке — возникли огромные новые центры.

За четыре года, — говорит «Нейшен», — «новые города возникли в степях и пустынях, не какие-нибудь несколько городов, а по меньшей мере 50 городов с населением от 50 до 250 тыс. человек». Это — гармонические, специализированные промышленные центры. Огромный новый город покрывает железобетонной архитектурой берега Днепра; рядом — одна из самых мощных гидроэлектростанций в мире. (Через несколько лет эта станция будет занимать лишь пятое или шестое место¹). В Кузнецком угольном бассейне сразу появилось шесть новых городов с населением в 600 000 человек. На крайнем севере, в районе апатитовых залежей, с необычайной быстротой возник город, в котором теперь 80 000 жителей.

Пьер Доминик, охотно предающийся наивным рассуждениям, подсказанным его склонностью изображать социализм как расовый вопрос, дает, как только

он становится на серьезную почву фактов, картину колоссального роста промышленности в советской Азии: «... За Уралом — три огромных промышленных района, о которых три центра нашей промышленности — Северный район, Лотарингия и бассейн Луары — дают лишь весьма слабое представление, ибо каждый из этих советских промышленных районов равен по величине всей Франции. Это — Уральский узел с Магнитогорском, Свердловском и Челябинском, Кузнецкий узел с Новосибирском (эти два района уже работают полным ходом) и узел Ангаростроя, еще не работающий. Там, вокруг новых городов, возникших за три года в голой степи, — городов, из которых два уже насчитывают по 300 000 жителей, — организуются новые народы, появляется густое население; из разнороднейших элементов создается Красная Азия; вторая чаша великих советских весов загружается новыми ценностями».

Самое главное, о чем все время надо помнить и говорить, — это размах и изумительная рациональность промышленного строительства, развертывающегося в стране, которая, превышая вдвое площадь Соединенных Штатов, или площадь Европы, или площадь Китая, и население которой каждые три года увеличивается на 10 миллионов человек¹. В этой невиданной мобилизации нет такого усилия, которое не было бы строго рассчитано с точки зрения всего процесса. Все детали выполнения, все колесики механизма пригнаны друг к другу. Единое, централизованное руководство ни на минуту не упускает из вида страну в целом. Оно распределяет, оно сочетает.

Стоит ли говорить о том, что эта система подчинения всего общим интересам, неизбежно дающая максимальные результаты, — невозможна в странах, где царствует капиталистическая анархия с ее извращением общих задач под нажимом частных интересов, с фантастической беспорядочностью частной инициативы.

Вот здесь недавно возделывался рис. Но это нецелесообразно: специалисты и знатоки утверждают, что местные условия более удобны для хлопка. Стало быть, рис будет расти в другом месте, а здесь возникнут обширные хлопковые плантации. Чтобы переработать хлопок, надо построить прядильную фабрику, несколько прядильных

¹ Днепрогэс даст 750 000 квт. но Боарне на реке Святого Лаврентия (Канада) даст больше, а плотина Гувера (Колорадо) даст 1 миллион. Пусть так. Но в Сибири Шаман будет давать 2 миллиона, а Братский Острог — 2 800 000. Мифические титаны ограничили, говорят, тем, что взгромодили Пелион на Осы!

¹ В Европе население растет приблизительно в два с половиной раза медленнее.

фабрик. Для них надо найти, — а если придется, то и создать на месте, — источник энергии, надо связать новый промышленный центр со всей сетью путей сообщения. Отсюда — гидростанции, рельсы, вокзалы, дороги, канал. Кроме того — техникумы и втузы для рабочих и инженеров, профсоюзные и культурные организации, учебные заведения для детей и взрослых, музеи, лаборатории, больницы, спорт, радио, кино, театр. Так создается огромная и сложная советская молекула — комбинат. И вокруг своих машинных центров, под действием химического закона, складывается стремительно возникающий, многообразный, еще не оформившийся город. Так рождаются города, — рождаются разумно, именно на том месте, где этого требует сочетание местных и общегосударственных интересов. Так связываются экономические базы, постепенно сливаясь в одну.

Открываются гигантские контуры новых перспектив. На XVII съезде партии (январь 1934 года) Сталин говорит: «Заложены основы Урало-кузнецкого комбината — соединения кузнецкого коксуемого угля с уральской железной рудой. Новую металлургическую базу на Востоке можно считать таким образом превращенной из мечты в действительность». Дальше Сталин заявляет: «Заложены основы новой мощной нефтяной базы в районах западного и южного склонов Уральского хребта — по Уральской области, Башкирии, Казахстану».

А легкая и пищевая промышленность? Та, которую довольно бесцеремонно оттеснила гигантски разросшаяся тяжелая индустрия, так что жаловались хозяйки и ворчали горожане. (Чорт возьми! Чтобы купить масла, надо полчаса стоять в очереди, чтобы достать пальто, надо прождать три дня!) Легкая промышленность заняла свое место, — и жалобы кругом стихают. За четыре года продукция легкой промышленности возросла на 187 проц. Число магазинов неуклонно увеличивается. Общественным питанием охвачено в настоящий момент 20 миллионов человек.оборот розничной торговли, достигавшей в 1928 году 12,5 миллиарда рублей, в 1932 году поднялся до 40 миллиардов рублей. А впрочем, прогуляйтесь по Москве — вы увидите на всех улицах оживленно торгующие магазины с тем же ассортиментом всевозможных товаров, что и во всех столицах мира. Новые време-

на, явный прогресс даже по сравнению с прошлым годом.

Но как же все это финансируется? Проблема ставится здесь в совершенно особой форме. «Партия знала, — разъясняет Сталин, — каким путем была построена тяжелая индустрия в Англии, Германии, Америке. Она знала, что тяжелая индустрия была построена в этих странах либо при помощи крупных займов, либо путем ограбления других стран, либо же и тем и другим путем одновременно» (военные захваты, колониальный грабеж, разбойничья эксплуатация труда).

СССР не пользуется этими средствами: займов он получить не может, а грабеж предоставляет «цивилизованным» странам. Стало быть, капиталы для вложений ему приходится черпать из собственных ресурсов.

Ресурсы у советского государства есть, ибо помимо налогов оно получает и другие доходы. В доходах его основное место занимают отчисления с государственных предприятий (торговля, транспорт, связь и т. д.), с прибавлей общественных организаций, а также с доходов населения — не столько в форме обязательных налогов, сколько в форме займов, самообложения и вкладов в сберегательные кассы. (Из того, что ежегодно вносит население, — эта сумма достигает 8 миллиардов 900 миллионов рублей. — на долю обязательных платежей приходится 3 миллиарда 300 миллионов рублей).

Народный комиссар финансов СССР Гринько сообщает, что финансирование Пятилетки обошлось за четыре года в 116 миллиардов рублей вместо намеченных 86 миллиардов.

«Мы вдребезги разбили, — продолжает Гринько, — то буржуазное предствление... согласно которому страна Советов не может за счет собственных накоплений, без иностранных займов, осуществлять грандиозную программу социалистического строительства...»

В основе такого бурного накопления капиталов, позволившего нам перевыполнить финансирование пятилетки, лежит, разумеется, в первую очередь тот коренной факт, что в нашей стране ликвидировано капиталистическое расхищение народного дохода. У нас нет

Заметим, что СССР тоже пострадал от экономического кризиса: по некоторым предметам его вывоз хотя и возрос количественно, но упал за последние годы в цене. Так, например, обстоит дело с нефтью.

паразитических классов, непроемчиво потребляющих громадную долю народного дохода в любой капиталистической стране. Мы не ведем империалистической политики... У нас нет анархии общественного производства... Все накопления мы направляем почти целиком на финансирование хозяйственного и культурного строительства...»

Замечательные слова. Трудно преувеличить силу, глубину этих слов, произнесенных в 1934 году министром финансов. Они бросают яркий свет на полное изменение всего общественного строя. Эти слова, насыщенные всей мощью, всем богатством положительных фактов, должен запомнить и облечь в каждый: — У нас нет банкротств и финансового жульничества. Мы не знаем паразитического яда посредничества, мы не знаем спекуляции, финансовых панам, разъедающих организм целых государств. Мы ведем разумную, честную политику, и весь государственный механизм сверху донизу работает на пользу всех и каждого.

Подтвердим наши положения некоторыми параллелями между СССР и другими странами.

В 1933 году Соединенные Штаты и Франция, в результате незначительного оживления конъюнктуры, несколько превысили свою довоенную продукцию: США дали 110,2 проц., а Франция — 107,6 проц., Англия (тоже в результате оживления) достигла 85,2 проц., Германия — 75,4 проц. Советский Союз — 391 проц.

Взглянем на вершины цифровых рядов — и увидим, как выражается это в абсолютных цифрах, какие названия носят сегодня наивысшие пики той горной цепи, которую вычерчивают нам диаграммы мировой статистики.

В 1929 году, в год наивысшего подъема мировой капиталистической промышленности, Советский Союз занимал пятое место в мире — после США, с их 139 миллиардами золотых рублей промышленной продукции, после Англии и Германии (по 39 миллиардов каждая), после Франции (29 миллиардов).

С тех пор капиталистическое производство упало на 36 проц., и Советский Союз с его промышленной продукцией на 33 миллиарда золотых рублей занял второе место в мире после США.

В области производства сельскохозяйственных машин и паровозов мировое первенство принадлежит СССР (по одним сельскохозяйственным машинам

его годовая продукция равна 420 миллионам золотых рублей, тогда как в США она равна 325 миллионам).

По машиностроению вообще, а также по производству нефти, чугуна и стали СССР занимает второе место в мире; по производству электрической энергии — третье (после США и Канады). Третье же место в мире занимает он и по производству обуви, что я особенно подчеркиваю, — слишком уж много было разговоров о рваных башмаках, о лаптях, в которых шеголяют бедные русские; больше обуви, чем в Советском Союзе, производились лишь в США, да еще в Чехословакии: покойный Батя ухитрился покрыть новыми подметками всю Европу.

Если бы мы попробовали представить себе гигантскую улицу, составленную из величайших заводов мира, то в сверхъестественных контурах этого видения мы различили бы и не законченный еще Магнитогорск (металлургия), — когда этот комбинат будет достроен, он сравняется с американским заводом Гэри, держащим пока мировое первенство по величине, — и Челябинск (тяжелые тракторы), и Московский автозавод им. Сталина, и Краматорск (Донбасс, тяжелое машиностроение), и Московский завод им. Кагановича (шарикоподшипники). Все это — гиганты среди мировых гигантов, Луганский паровозостроительный завод является самым мощным в Европе. И бесконечная вереница заводов (с машинами, производящими машины и обрабатывающими металл) — все с номерами 2 или 3 в мировом регистре.

Еще несколько сопоставлений с капиталистическим миром.

Безработица. За период Пятилетки, когда в СССР безработица была ликвидирована, в Англии число безработных возросло с 1 290 000 до 2 800 000; в Германии — с 1 376 000 до 5 500 000. Во Франции число безработных, неуклонно повышающееся, несмотря на некоторое замедление в конце 1933 года, достигло теперь 1 600 000 полностью безработных и (кроме убитых есть и раненые) 2 900 000 частично безработных¹. В США, по данным института Александра Гамильтона, число безработных к марту 1933 года достигло 17 миллионов, в Италии — 1 300 000 безработных, в Испании в сентябре 1934

¹ Для Франции цифры получены путем вычисления; взято общее число промышленных рабочих и процент безработных, установленный обследованием инспекторов труда и горных инженеров.

года было 650 000 безработных (на 23 000 больше, чем в январе).

Нам говорят, что во многих из этих стран безработица сократилась. Отметим, что даже там, где говорят о сокращении безработицы, говорят одновременно и об уменьшении фонда заработной платы. Нет в мире такой области, где процветало бы столь бесстыдное жульничество и надувательство, как вокруг официальных цифр безработицы в капиталистических странах. Невозможно более нагло издеваться над общественным мнением, чем это делают авторитетные представители власти, играя словами и цифрами, чтобы скрыть правду. Ни одна капиталистическая страна не признает своих безработных. «Забывают» о целых категориях рабочих, о предприятиях с числом рабочих ниже определенной цифры, «пренебрегают» целыми районами. Раскroив рабочий день надвое и отдав половину безработному, этого безработного вычеркивают из списков, тогда как на деле ничего не изменилось, ибо дважды половина — это всегда единица (США). Мы уже не говорим о «национальных работах», выполняемых за счет государства и готовящих крах в будущем, не говорим о бумажных махинациях, которые, изменяя слова, оставляют неизменными факты... Не говорим о разбухающем зобе военной промышленности (всюду, а особенно в Германии и Японии)... Так скрывают безработицу от обманутых толп. И уж конечно пособие получает в царстве капитализма лишь ничтожно малая часть безработных. Прочие живут как придется.

«Года три тому назад, — констатировал Сталин в 1933 году, — мы имели около полутора миллионов безработных». На сегодняшний день число рабочих увеличилось в СССР на четверть с половиной миллиона.

Заработная плата? За четыре года, о которых мы здесь говорим, она упала в США на 35 проц., в Германии на 50 проц., в Англии на 50 проц., в Италии с 1929 по 1931 год — от 24 до 45 проц. (разумеется, учитывая покупательную способность денег). В СССР заработная плата возросла на 67 проц. [?—53 проц.—Р е д.] (средняя заработная плата промышленного рабочего составляла в 1930 году 991 рубль, а в 1933 — 1 519 рублей).

А качество, а производительность труда? В период «процветания» производительность труда повысилась в США на 25 проц. (г. Стюарт Чэйз), в

Англии, в самый цветущий экономический период (1924—1929), — на 11 проц., в Германии с 1913 по 1931 год — на 27 проц. (г. Кучинский). В СССР, в период развала в упомянутых странах, — на 40 проц.

Переходим к огромной помощи государства научным институтам и ученым, к многообразному расцвету науки. Скажем лишь несколько слов о народном просвещении. Как мы уже видели, население СССР увеличивается на 3 с лишним миллиона человек в год. На столько же увеличивается ежегодно и число школьников. Не входя в детали культурного сектора, занимающего выдающееся место в ряду других областей жизни СССР (просвещение сеется щедрой рукой, проникает во все углы; каждый завод — это культурный центр, каждая казарма — школа, каждая фабрика — фабрика новых людей), скажем только, что в Советском Союзе обучается за счет государства 60 миллионов учащихся (в Советском Союзе из каждых 3 человек — один учится). Несколько данных на выборку по республикам: в Татарии в 1913 г. было 35 учебных заведений, а в 1933 году — 1 730; среди черкесов (западный Кавказ) было в 1914 году 94 проц. неграмотных, — теперь не осталось ни одного; 0 проц. В 1931 году Дагестан насчитывал в 26, а Казахстан — в 38 раз больше школ, чем в 1914. В СССР культивируется 70 языков. 20 бесписьменных языков получили при советской власти свои алфавиты.

Расходы по народному просвещению выросли в Советском Союзе на 20 проц. против предыдущего года, тогда как в Англии снизились на 11 700 000 фунтов стерлингов; в Германии соответствующая цифра последовательно упала с 690 миллионов марок в 1930 году до 590 — в 1931 году и 570 — в 1932 году (а всего с 1926 года кредиты на народное просвещение снижены в Германии на миллиард марок). В Северной Америке школы пустеют. В Швейцарии и США начинают интересоваться проблемами детской беспризорности.

Газеты. Ежедневный тираж советских газет в 1929 году составлял 12,5 миллиона, в 1933 — 36,5 миллиона экземпляров.

А в области искусства?

Наряду с грандиозными исканиями новых и действенных принципов театрального и режиссерского искусства, наряду с потрясающими созданиями

советской кинематографии следует многое сказать о советской литературе — и потому, что она идет путями великого творческого под'ема, и потому, что развитием литературы и искусства всегда очень серьезно интересовался Сталин. В связи с общественной ролью писателей, которых Сталин называл «инженерами человеческих душ», встает проблема существенная не только для единства социалистического общества, но и для развития самого искусства, поскольку она вводит в изображение современной жизни совершенно новые элементы. Это — широкие перспективы, которые открывает коллектив перед всеми видами художественного и научного творчества. Это также то чувство человеческого долга, которое является отражением человеческого прогресса в каждом активном существе. Как совершенно правильно заметил Андре Мальро, советская литературная культура есть обогащение и развитие человека в писателе.

Даже в наши дни, когда еще нельзя сказать, что советская литература целиком вышла из периода первых поисков, в ней уже накоплен целый ряд значительнейших произведений, которые своим проникновением в народную жизнь, идейным единством, тесной связью с общим делом — открывают великий новый этап в истории литературы. Назвать ли здесь самые видные имена наиболее ярких представителей различных направлений? Рядом с Горьким — Серафимович, Гладков, Федин, Тихонов, Всеволод Иванов, Панферов, Пильняк, Эренбург, Фадеев, Шолохов, Вера Инбер, Третьяков, — не говоря уже о нерусских советских писателях и о целой плеяде выдающихся критиков и журналистов, как Радек или Бухарин (блестящий и высокообразованный Луначарский скончался в 1933 году).

Многие западные писатели старой формации не отдают себе отчета в том, какая колоссальная какая многообразная конкуренция готовится им по всей линии со стороны этого мощного коллектива; эта литература еще мало им известна, иногда она еще несовершенна или недостаточно глубока (что относится к писателям, перешедшим из буржуазного лагеря), — но зато, обладая менее утонченным стилем, чем наша литература, она гораздо содержательнее, гораздо богаче мыслями.

Литературу в обществе трудящихся — эту не вполне еще развернувшуюся,

богатую новыми возможностями силу — пришлось не раз регулировать. Знаменитым постановлением 23 апреля 1932 года Коммунистическая партия, по инициативе Сталина, значительно расширила литературное движение, обуздав, а затем окончательно уничтожив в литературных организациях политическую групповщину (грозившую обречь писателей на бесплодие). Этим постановлением был создан, на базе широкого единого фронта всех литераторов, от признанных революционеров и до «попутчиков», единый Союз советских писателей СССР, заменивший собою все ранее существовавшие организации. «В литературе, — сказал Сталин. — надо ликвидировать групповщину и все вызванные ею последствия».

Члены Союза советских писателей призваны работать в духе «социалистического реализма» и защищать СССР. Такая программа торжественно утверждена Всесоюзным съездом советских писателей, собравшимся в Москве в августе 1934 года; для многих из нас съезд был подлинным откровением: он показал нам богатство национальных литератур Советского Союза. Все советские писатели с огромным энтузиазмом поддержали эту программу.

Великая идея состоит в том, чтобы возложить на писателя (непрерывно обогащая его тематику) миссию освещать широкий, прямой путь к социализму, научную и моральную необходимость социализма, — но без парализующего творчество механического подчинения литературы политической агитации. Такая плодотворная социальная насыщенность духовного творчества несет с собой полное уничтожение искусства для искусства, полное уничтожение индивидуалистического и эгоистического искусства с его ограниченностью и пессимизмом (в Европе и Америке нам следовало бы взяться за такую же широкую организацию разрозненных начинаний, идущих в том же направлении).

В старых странах Запада, которые насталою циничны или безумны, что действительно презирают и губят всякую духовную жизнь. Глубокое падение науки и культуры, пошедших в услужение войне и социальной реакции, очевидно. Писатели, художники, ученые, вся интеллигенция — доведенные до нищеты сильными мира сего, бросающими все народные средства до последней копейки в пропасть воору-

жений. Учащиеся не имеют будущего, а то немногое, что им остается, недостойно человека. Их дипломы — клочки бумаги. И как изобретатели, и как воспитатели, они приручены, закабалены — для материальной и идеологической подготовки войны, для эксплуатации пролетариата. Волей-неволей они вынуждены продавать свои мозги и становиться поставщиками идейной продукции для войны (бедными родственниками других поставщиков) или же полицейскими агентами реакции.

А в других областях? Смертность. Когда-то смертность в России была очень значительна и превышала 30 человек на тысячу. За последние четыре года она упала с 27 до 17 человек на тысячу. Смертность в СССР все еще выше, чем в Англии, Голландии (15—14) и Новой Зеландии (исключительно благополучной в этом отношении: меньше 10), — но она уже меньше, чем в Испании и Венгрии (26), Румынии и Австрии (25), Италии (22), Германии и Франции (20).

В начале 1934 года расходы на оборону составляют в советском бюджете 4,5 проц. от общей суммы (в Японии — 60 проц., во Франции — 40 проц., в Италии — 33 проц.). Красная армия насчитывает 562 000 человек, в японской армии — 500 000 солдат, Гитлер требует армии в 300 000 человек, как у Франции, но на самом деле в его распоряжении уже имеется, по самым скромным подсчетам, 600 000 — это при территории в 50 раз меньшей, чем СССР¹.

В области вооружений Советский Союз сделал значительные успехи. В начале 1934 года Ворошилов заявил, что если в 1929 году на одного красноармейца приходилось 2,6 механических лошадиных сил, то в 1934 году — уже 7,74.

В то время как советское производство развивалось огромными темпами, в то время как розничная торговля СССР возросла на 175 проц., — в 48 странах торговля упала до 42 проц. по сравнению с цифрами 1929 года, фонд заработной платы трудящихся сократился за период с 1929 по 1932 год с 43 до 26 миллиардов марок, с 53 до 23 миллиардов долларов, с 381 до 324 мил-

лионов фунтов стерлингов. А с тех пор, как опубликованы эти статистические данные, положение в странах марки, доллара и фунта еще ухудшилось.

В 1930—1932 годах в США появилось 5 000 банков (убытки в 3,5 миллиарда долларов, несмотря на государственную субсидию в 850 миллионов)¹.

Германскому государству (в лице налогоплательщиков) пришлось в 1932 году выбросить на «оздоровление» пяти банков миллиард марок.

Одновременно и тем же путем во Франции обанкротившимся почтенным банкам было дано 3 миллиарда. Возьмем первое попавшееся сообщение довольно умеренной газеты: в 1933 году в одном только Париже и департаменте Сены было 300 000 безработных, 150 000 интеллигентов, впавших в нищету, и 120 000 банкротств. (Сейчас — в конце 1934 года — в Парижском округе 375 000 безработных).

В 1930 году бюджетный дефицит составил в США 900 миллионов долларов, а во Франции — 2 миллиарда 800 миллионов франков; на следующий год американский дефицит утроился и достиг 2 миллиардов 800 000 000 долларов, а французский удвоился, достигнув 5 миллиардов 600 000 000 франков; предпоследний бюджет дал 9 миллиардов дефицита². В Италии дефицит равен 4 миллиардам лир, а в Америке государство в настоящий момент занимается нагромождением столь же драконовских, сколь и бесплодных мер, наперебой изобретаемых целой коллекцией первосортных мозгов. Во Франции, — не говоря уже о безнравственности Постоянной лотереи, — политическая инфляция, поток чрезвычайных постановлений, позволяющих брать француза за горло и выкачивать из него денюжки. Дефицит растет повсюду, — растет, хотя бешено повышаются налоги, хотя сокращаются ставки государственных рабочих и служащих, пособия на безработицу и пенсии, хотя безобразно урезаются кредиты на развитие науки, на общественные надобности, на просвещение, на прогресс,

Замечательный контраст: кинозвезда Грета Гарбо зарабатывает в Голливуде 15 миллионов в год. Она до того завалена деньгами, что недавно отказалась произнести по радио одно только слово «алю», за что ей предлагали 300 000 франков.

Государственный долг Франции, не считая муниципальных долгов, составляет 64 миллиарда золотых франков. Дефицит казны, не считая убытков железнодорожного транспорта, достиг почти 12 миллиардов. (Председатель финансовой комиссии сената, г. Кайо, декабрь, 1934).

¹ Данные цифры значительно увеличались за последние месяцы в результате грандиозного довооружения Германии. (Примечание, сделанное в последнюю минуту). Эти строки вписаны автором в экземпляр книги, с которого сделан перевод. (Ред.).

хотя «конверсии» разоряют мелких вкладчиков. И хотя возникла новая экономическая мораль, состоящая в том, чтобы не платить долгов. Во Франции неплатеж долгов Америке стал предметом национальной гордости для тех самых людей, которые поносили бошей, не желавших платить 600 миллиардов франков, ни у кого не взятых в долг. Французские куплетисты очаровательно высмеивают дядю Сэма: он кричит, что его одурачили, — можно ли иметь такой дурной вкус! Дефицит растет, несмотря, наконец, на запретительные пошрины, громождающиеся все выше (курс на таможенную войну), — эту безумную систему вздувания цен, при помощи которой пытаются разрешить проблему, разрешимую лишь путем международного соглашения, невозможного при капитализме.

Довольно типичный пример нелепой и отвратительной бессмысленности таможенных пошлин, пограничного грабежа за счет народного потребления, — это кофе во Франции. Кофе — не предмет роскоши, это действительно один из необходимейших предметов народного питания. Кроме того, как раз в данном случае нельзя оправдываться защитой национального сельского хозяйства, ибо французские колонии производят лишь ничтожную часть кофе, потребляемого французской империей. Кофе стоит 320 франков за 100 кило (вместе с накидкой — 360 франков). Но сверх того на каждый квинтал накладывается еще 321 франк таможенной пошлины, 180 франков косвенного налога, 100 франков торгового налога плюс еще несколько обложений и сверхобложений, — всего 630 франков, т. е. примерно вдвое больше заготовительной цены. Так алчность казны, издеваясь над здравым смыслом, жестоко и систематически грабит потребителей в наших странах¹.

А тем временем в Бразилии идет массовое уничтожение кофе. Один экономический орган недавно сообщил об

¹ Потребитель — это налогоплательщик, а налогоплательщики — это стадо, которое стригут. Есть налоги прямые, налоги косвенные и налоги жульнические. Выдумывать общественные работы, чтобы предотвратить занятие безработным, отдавая их с другой стороны на сечение безработице; поить заключенных в казарме солдат пайковым вином ради выгоды крестьян, а с другой стороны — отдавать крестьян на произвол перекупщиков; снижать оплату перевозок вина к выгоде крупных винооторговцев, — все это значит просто-напросто выворачивать карманы всем гражданам.

этом в следующих изысканных выражениях: «К концу приводимой кампании Бразилия освободит рынок от 32 миллионов мешков, что благоприятно отразится на ценах». 32 миллиона мешков — это в полтора раза превышает годовое потребление кофе во всем мире!

Таково положение там, в СССР, где люди строят общество для удовлетворения потребностей всех. И таково положение здесь, где потребности всех подчинены капиталистическому строю.

Даже ребенок поймет: здесь — хаос и падение.

Там — порядок и подъем. Несомненно, с тех пор как человек стал человеком, мир не видал такого огромного всеобщего движения вперед. В СССР пространство, — как сказал Сталин, — «практика бурных темпов». Он же говорит о том, что каждый период развития Советской страны имеет свой пафос. Сегодня в России — пафос строительства. Мир не видал такой гигантски осмысленной работы, План 1928 — 1932 годов есть величайшее в истории доказательство человеческого разума и воли.

Значит ли это, что никаких слабых пунктов нет? Ничуть не бывало, слабые пункты есть. Но они — на виду. Транспорт еще не на высоте. СССР имеет всего 83 000 километров железных дорог, тогда как Франция, территория которой в 40 раз меньше, насчитывает 40 000 километров. Хотя грузооборот железных дорог поднялся за последние три года с 113 до 172 миллиардов тонно-километров, а грузооборот водного транспорта с 45 до 60 миллиардов тонно-километров, все же здесь есть отставание, с которым мириться нельзя.

С другой стороны, советские экономисты утверждают, что себестоимость снижается недостаточно. В сущности говоря, за четыре года Плана она даже вовсе не сократилась. Таким образом снижение себестоимости должно занять главное место в следующем Плане. Да и мало ли других недостатков, с которыми надо яростно бороться!

Как же относится сегодня крупная буржуазия и готовая на любые услуги большая пресса к итогам советского опыта?

Покойный г. Пуанкаре изложил свое мнение в аргентинской газете «Ля Насьон». Для объяснения кризиса капитализма (который представляет собою кризис перепроизводства, вызванный государствами, живущими друг с дру-

гом на ножах, в обстановке постоянной таможенной войны) г. Пуанкаре нападает на преступную попытку СССР упорядочить свою экономику. Именно СССР отвечает за развал экономики всех других стран на пяти шестых земной суши, ведь «в СССР все делается во исполнение пятилетнего плана, который имеет целью быстро распространить демпинг на область промышленного производства. Ради этой цели СССР стремится внести в другие страны не только растущее экономическое разложение, но и такие раздоры и распри, которые не позволили бы этим народам согласовать оборонительные меры». Когда вспомнишь, что это поистине нелепое утверждение исходит от человека, игравшего серьезную роль в политике, то становишься в тупик. Г-н Пуанкаре впал в детство гораздо раньше, чем это думают!

Кроме врагов есть и друзья особого рода.

Есть журналисты типа г. Малле, автора совсем недавно появившегося очерка, где самая настоящая клевета прячется под цветочками лести, под слишком грубой и неуклюжей претензией на беспристрастие. Не говоря уже о том, что г. Малле дает неверные цифры, он не приводит ни одного достижения, ни одного успеха, чтобы тут же не попытаться испортить все улоном отравленной булавки или заявлением, что все это — наконец-то! — добрый, старый спасительный капитализм!

Есть и крикливые крупные политики вроде г. Эррио, представителя западного капитализма, признанного поставщика радикальных этикеток для реакционных правительств. Г-н Эррио из сил выбивается, чтобы принизить советский социализм до уровня своей собственной избирательной программы, которую кстати тут же и рекомендует.

Я отлично знаю, что мне заявят: «Если бы вы говорили о России столько же плохого, сколько и хорошего, то мы бы вам поверили. Вот, например, г. Эррио дает в своей книге действительно справедливый, объективный отчет, указывает и на светлые и на темные места. А вы заранее решили написать панегирик».

Вот именно Панегирик создает сама действительность. Мы никаких аргументов не придумываем.

Пристрастен тот, кто, служа посредственному и ублюдочному мировоззрению буржуазного республиканизма, не видит размаха и глубины творческой самобытности, развивающейся в этой

стране. Тот, кто не ставит советские факты на их настоящее место во времени и пространстве, с учетом правильной всемирно-исторической перспективы, кто не видит их влияния на все человечество, тот не говорит правды.

А факты — вот они. Самое нищее (несмотря на свои огромные пустынные пространства) из европейских государств, невежественное, скованное, битое, голодное, кровоточащее и разрушенное, за семнадцать лет стало крупнейшей в Европе и второй в мире индустриальной страной, и притом культурнейшей во всех отношениях. Такой невиданный рост достигнут средствами одной только страны: все прочие были ей врагами. Достигнут силою руководящей идеи, противоположной господствующему принципу всех прочих государств, — силою научной и братской идеи справедливости.

Говорить, что такое событие, такое завоевание человеческого духа является только «интересным», что «в принципе его не следует осуждать», — значит либо ничего не понимать, либо обманывать людей. Скрывать за несущественными теневыми сторонами великое сияние этой необычайной картины, приравливать советскую организацию к нашей — значит попросту издеваться над всем миром.

Но оставим в стороне шествие людей-оркестров вроде г. Эррио, *minus habeas* (нищих духом) вроде г. Пуанкаре, любезных иезуитов вроде г. Малле, пьяниц вроде г. Парижанина, прохвостов вроде г. Бажанова. Перед нами — большие газеты. Придется им проглотить пилюлю.

«Тан» пишет в номере от 27 января 1932 года: «СССР выиграл первый тур, индустриализуясь без помощи иностранного капитала». Через несколько месяцев, летом, та же газета констатирует: «Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию, в то время как капиталистический строй позволяет двигаться только медленными шагами... В состязании с нами большевики оказались победителями».

«Раунд Тэймбл»: «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление». «Финаншиэл Таймс»: «Успехи, достигнутые в машиностроительной промышленности, не подлежат никаким сомнениям. Восхваления этих успехов в печати и в речах отнюдь не являются необоснованными». «Нейе Фрейе Прессе» (Австрия): «Пятилетка — это новый колосс».

Господин Дж. Гиббсон Джарви, председатель банка «Юнайтед Доминион»: «Россия движется вперед, в то время как слишком много наших заводов бездействует... В условиях пятилетнего плана сделано больше, чем намечалось... Страна с душой и идеалом... Вся молодежь и рабочие в России имеют одну вещь, которой, к сожалению, недостает сегодня в капиталистических странах, а именно — надежду».

«Нейшен» (США): «Четыре года пятилетнего плана принесли с собой истинные замечательные достижения. Советский Союз работал с интенсивностью военного времени над созидательной задачей построения основ новой жизни».

«Форвард» (Англия): «Наши собственные достижения, осуществленные нами во время войны, — лишь пустяк по сравнению с тем, что делается в СССР. Американцы признают, что даже в период самой стремительной созидательной горячки в западных штатах, там не было ничего похожего на теперешнюю лихорадочную творческую деятельность в СССР... Чтобы осуществить эту цель, надо подвергаться риску, надо работать с энтузиазмом, с такой энергией, какой мир до сих пор не знал... И все это в таком масштабе, который является ярким вызовом по адресу враждебного капиталистического мира».

КРЕСТЬЯНСТВО

Достижения в деревне еще более значительны.

Там битва была еще серьезнее, и крупнее была победа, ибо пришлось радикально изменить традиции, обладавшие несравненно более живучими и крепкими корнями.

Окончательно ли разрешен крестьянский вопрос? Нет. Но заложен гигантский фундамент. Достигнуто самое главное — конкретная победа. Ее нужно теперь довести до конца, глубже внедрить ее смысл в сознание людей земли.

Взглянем еще раз на безграничную панораму полей.

«Борьба за крестьянство, проходящая красной нитью через всю нашу революцию с 1905 по 1917 годы», — говорит Сталин.

Добиться от большинства крестьян сочувствия революции или, по крайней мере, нейтралитета было довольно легко, ибо при старом режиме подавляющая масса крестьянства влачила самое жалкое существование. В выборе меж-

ду революцией и самодержавием крестьянство не колебалось. Но когда революция в центре закрепились, то строительство социализма, ставшее возможным в результате целого ряда политических и экономических обстоятельств, натолкнулось на серьезное препятствие — большой удельный вес сельского хозяйства в общей экономике страны.

«Нет сомнения, что в такой крестьянской стране, как Россия, социалистическое строительство представляет из себя задачу очень трудную», — ясно сказал в самом начале Ленин. И он констатирует, что в принципе крестьянская мелкая собственность имеет больше общего с капитализмом, чем с социализмом.

Как же втянуть деревню в общее строительство? По отношению к крупной земельной собственности проблема была решена немедленно: общий враг — помещик подвергся экспроприации. Оставалась мелкая собственность, миллионы единоличных наделов, — а мужик, как и все крестьяне в мире, всем своим нутром желает иметь свое собственное поле.

Во время нэпа, когда в известной мере приходилось действовать так, как действуют хорошие пловцы, потерпевшие кораблекрушение, Ленин заявил: «Задача нэпа, основная, решающая, все остальное себе подчиняющая, — это установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить (очень плохо, очень неумело, но все же начали строить...) и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян».

Эту смычку надо было найти во взаимных интересах, в материальных выгодах крестьянина. Дело было не в звучных словах, а в выгодах или невыгодах.

«Крестьян будет толкать к социализму вовсе не мистическое чувство, а их интересы и только их интересы».

Доказать им, что они заинтересованы в социализме. Каким же образом? Ответ нам известен: при помощи высокой культуры. Высокая, передовая культура требует обобществления полей и объединения работников, — и она выгоднее всякой другой. Таким образом, она прямо включает насущные интересы каждого в систему социализма. Русского крестьянина (а он гораздо больше реалист, чем мистик, сильнее всего в нем чувство реального) можно убедить цифрами: надо только, чтобы он понял, что доля каждого в коллек-

тивном урожае — гораздо больше и надежнее, чем доход от раздробленного единоличного хозяйства. Мужик верит в талисман цифр.

Крестьяне-бедняки, особенно же (поскольку беднейший крестьянин сговорчив уже потому, что ему нечего терять) крестьяне среднего достатка, крестьяне-середняки — должны были принять решение. На XV съезде партии Сталин поставил вопрос о крестьянине-середняке. Он подчеркнул тот факт, что в период Октябрьской революции «середняк стал поворачивать к нам, когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута («всерьез»), что власть советов упрочивается, кулака одолевают, Красная армия начинает побеждать на гражданских фронтах».

С середняком нужен прочный союз, который «ни в малой мере не был бы уступкой его предрасудкам», но заставил бы его понять и принять поворот «в сторону обобществления всей советской экономики и сельского хозяйства в частности» и полное устранение паразита-кулака. Ибо завоевание масс достигается не принуждением, а исключительно убеждением.

Совершенно естественно было распространить на производство кооперативную систему, которая уже расставила веи и подготовила почву в области потребления и сбыта.

В то время как пустыющие крупные угодья были превращены в совхозы, т. е. государственные, последовательно социалистические предприятия (подающие пример), — надо было превратить единоличные крестьянские хозяйства в колхозы, сельскохозяйственные производственные кооперативы.

За четыре года Первого Плана площадь посевов пшеницы увеличилась в СССР на 21 миллион гектаров, и одновременно было создано 224 000 колхозов и 5 000 совхозов (к концу 1934 года колхозов было уже 240 000).

В колхозную сферу тяготения входит 65 проц. всего землепользования в Советской стране и 70 проц. (сегодня уже можно считать три четверти) крестьянских земель. Процент коллективизированной обработки поднимался по следующим ступеням: в 1929 году — 4 проц., в 1930 году — 23 проц., в 1931 году — 52 проц., в 1932 году — 61 проц., в 1933 году — 65 проц. Волны продвигаются вперед продуманное завоевание необятных равнин. Вместе с совхозами колхозы охватывают 85 проц. всех зерновых посевов в СССР.

Эти хозяйства имеют внушительные размеры. В то время как в США фермы, имеющие по 400 гектаров земли, составляют лишь сотую часть общего числа ферм, в СССР средняя величина колхоза — 434 гектара, а совхоза — 2 000 гектаров.

В ходе грандиозного социалистического наступления в деревне материальные выгоды коллективизации были подтверждены рядом характерных фактов. Отметим один из них: известно, что на Украине огромные ресурсы общественного хозяйства позволили избежать больших опасностей, которыми угрожала засуха, так что по всему Союзу 1934 год, несмотря на неблагоприятные условия погоды, дал больший урожай, чем 1933 год.

Государство помогло крестьянам: оно организовало для них 2 860 машинно-тракторных станций, общей стоимостью в 2 миллиарда рублей; оно дало колхозам кредит в 1 600 миллионов рублей. Дело в том, что этот кредит дает одна часть общественного коллектива другой части общественного коллектива, что он идет от всех ко всем; это не французские кредиты железным дорогам или компании «Транс-Атлантик», — жирные правительственные субсидии, львиная доля которых попадает членам правлений, не говоря уж о посредниках. Государство дало колхозам 42 миллиона quintalов продовольственной и семенной ссуды натурой; оно снизило бедные налоги и страховку на 370 миллионов рублей.

С другой стороны: в 1929—1930 годах крестьяне-единоличники сдали государству 780 миллионов, а колхозы — 120 миллионов пудов хлеба. В 1933 году — обратное соотношение: колхозы сдали миллиард, а единоличники — 130 миллионов пудов. Наконец, необходимо отметить здесь и огромный систематический рост научных институтов, лабораторий, сельскохозяйственных учебных заведений, экспедиций, агрономического просвещения. Уже одна эта разумная постановка сельского хозяйства с ее всеобъемлющим планированием, с ее изысканиями, селекцией, экспериментами в области методов обработки и удобрения почвы разverteвает перед нами изумительные ряды цифр.

К концу 1934 года экономическое процветание Советского Союза позволило правительству сложить с колхозников долг государству на кругленькую сумму в 435 миллионов рублей — и

премировать колхозы, которые уже уплатили свой долг. Центральная московская радиостанция ограничилась по этому поводу вопросом: «Есть ли на земле другое правительство, которое могло бы позволить себе подобную роскошь?»

Другой, еще более характерный факт: в декабре 1934 года ЦК партии по предложению Сталина решил отменить карточки на хлеб и муку. Карточки эти были введены в 1929 году, когда 86 проц. всего хлеба поступало от единоличников, когда в стране имелось 215 000 частных магазинов и лавок (которых теперь нет). Карточная система требовала громоздкого административного аппарата, но зато она обеспечивала снабжение рабочих и служащих хлебом по самой низкой цене (хотя на рынке хлеб стоил очень дорого). Теперь, когда крупное производство победоносно двинулось вперед и в городе и в деревне, когда государство получает от колхозов и совхозов 92 проц. всего хлеба, когда в стране имеется 283 000 государственных магазинов, — «ресурсы государства в отношении таких важных продуктов, как хлеб, выросли теперь до небывалых еще размеров. И потому пришло время отменить карточную систему по хлебу и по некоторым другим продуктам... Переход к повсеместной широкой продаже хлеба и муки мы в праве рассматривать, как новую и крупную победу большевистской политики...» (Молотов).

Надо ли сопоставлять положение крестьянства в СССР и в странах капитализма? Совсем недавно мы слышали во французской Палате депутатов прения по вопросу о хлебе. Глава кабинета установил с парламентской трибуны факт, который, при всем своем огромном значении, ни для кого не был новостью: между производителем хлеба—крестьянином и потребителем втерлись посредники, грабящие того и другого и собирающие со страны в свою пользу десять миллионов франков в день. Французский крестьянин продает телятину по 2 франка 50 сантимов кило, та же телятина в той же деревне стоит в розничной продаже уже 10 франков, а в городе — 20 франков кило. Винодел продает в деревне вино высшего качества по 1,5 франка за литр, а потом, если ему захочется пить, торговец продает ему его же вино по 4 франка. Если винодел поедет в город, тот же литр обойдется ему в 15, а в хорошем ресторане — 20 фран-

ков. Как распутать этот узел? При помощи паллиативных мер. В капиталистическом обществе, где личный произвол и мошенничество неустрашимы, где так же хорошо умеют извлекать выгоды из системы твердых цен, как и из свободной торговли, где смеются над тем, что печатается в «Журналь Оффисиель», — найти действительный выход совершенно невозможно. В наших учреждениях под вывеской «Свобода, Равенство, Братство» могут вырабатываться лишь такие законы, которые только для видимости охраняют интересы мелких производителей.

... А если теперь вам угодно получить несколько сравнительных данных об урожае, то знайте, что сбор хлопка в стране Советов поднялся за три года с 30-й до 15-й части мирового сбора, а сбор свеклы, который в 1929 году составлял треть мирового сбора, в 1932 году превысил последний более чем на половину.

Существует две формы колхозов: коммуна и артель.

В коммуне колхозники пользуются сообща всем имуществом, помимо этого отдельный колхозник не имеет ничего, и все живут общим хозяйством. В артели же у каждого колхозника — свой дом, птичник, обычно и корова; участвуя с выгодой в обширном коллективном хозяйстве, он остается и мелким частным собственником.

Сталин чрезвычайно настойчиво двигает именно артельную форму. Уступка! Нэп! Отход от социализма! — кричат или хотят крикнуть некоторые.

Одну минуту. Социализм. — в противоположность сказкам, которые распространяются теми, кто не желает его знать, среди тех, кто действительно не знает его, — существует не для того, чтобы доминировать и дергать людей, словно кредитор, который непрерывно вопит: «ты должен!», а для того, чтобы открыть людям выход. Цель его вовсе не в том, чтобы произвольно отнимать у человека все, что дает ему удовлетворение, чтобы этот человек, получал от социализма политическое равенство, социальную справедливость, уверенность в жизни, — слишком дорого расплачивался за все это личными лишениями. Ограничение частной собственности — не цель, а средство, которое должно поставить все общество в новые условия, в конечном счете гораздо более благоприятные для каждого. Суть, следовательно, не в том, чтобы всячески умножать ограничения, а в том, чтобы свести их к необходимому ми-

нимуму. Орудия производства надо обобществить? Обобществим. А дальше?

Дальше? Общественное сознание, уже изменяемое силой вещей, — силой вещей изменится. Пережитки, которые в нем еще имеются, исчезнут. Все вопросы представляются тогда совсем в ином свете, чем они представляются сейчас людям, еще стоящим одной ногой в прошлом. Более чистые и более совершенные формы коллективизма, вполне естественно, получают тогда предпочтение: коммуна несомненно возьмет верх над артелью. Во всяком случае предпочтение будет инстинктивно отдано коммуне, когда это будет соответствовать глубоким интересам. А пока что — развивается артель, которая противоречит лишь узкой (и антимарксистской) формуле уравнительности, но не подлинному равенству.

Теперь можно стремиться и к тому, чтобы «сделать всех колхозников зажиточными» (это выражение стало лозунгом). Ты хочешь иметь корову, товарищ? — говорит Сталин. — Ты получишь свою корову. И он показывает, что лозунг колхозной зажиточности уже не имеет того опасного смысла, какой он имел бы в начале нэпа, когда он оказался бы первым шагом вспять, от социализма к капитализму. Теперь, при победе социализма, этот лозунг является лишь полезным и вполне допустимым стимулом труда. Ведь вообще социализм последовательно стремится к максимуму благополучия при минимуме усилий.

...Самое трудное в сельском хозяйстве теперь уже сделано. Но это случилось не само собою; надо закрепить достигнутое и быть бдительным. Сопротивление было нешуточное. Оно опиралось на бешеную и отчаянную борьбу кулаков. Кроме того, пришлось испытать затруднения, связанные с периодом ученичества в таком гигантском предприятии. Был момент, когда люди сбились с ног. Заторопились. Но статья Сталина «Головокружение от успехов» (статья эта приобрела легендарную славу) наметила рубеж и выправила курс корабля. Надо было что-то сделать. И вот провели мобилизацию коммунистов и техников, ими наводнили деревни. Чтобы правильно наладить работу, необходимо, как бы огромный ни был ее размах, руководить всем, вплоть до деталей, укрепить базу и снова двинуться вперед. Каждая машинно-тракторная станция превратилась в идеологическую цитадель, распространяющую свет среди крестьян-

ских масс. Так, 23 000 лучших коммунистов, 110 000 техников и 1 900 000 шоферов и механиков двинулись на помощь и мобились поставленных перед ними целей.

Возражения не умолкали. Колхозы в большинстве были нерентабельны. И вот нашлись некоторые коммунисты, открыто предлагавшие ликвидировать это невыгодное начинание.

Испытанный вожьд и на этот раз обнаруживает широту своего взгляда: с язвительной силой выступает он против такого близорукого и огульного вывода. Он покрывает своим голосом эти вопли.

Колхозы нерентабельны? С ними происходит то же самое, что было в 1920 году с заводами, — они еще станут рентабельными (впрочем, многие рентабельны уже и сейчас). «На рентабельность нельзя смотреть торгашески, с точки зрения данной минуты. Рентабельность надо брать с точки зрения общенародного хозяйства в разрезе нескольких лет. Только такая точка зрения может быть названа действительно ленинской, действительно марксистской».

Вот почему это — сталинская точка зрения.

И Сталин отчитывает пораженцев, «людей в футляре» — справа, «болтунов» — «слева», руководителей, отстающих от жизни. Так, он беспощадно критикует деревенских коммунистов за то, что они не сумели принять необходимые меры, чтобы в 1932 году, когда урожай был хорош, крестьяне сначала сдали хлеб государству и только после этого начали более для них выгодную продажу хлеба на колхозном рынке.

Он критикует даже Совет народных комиссаров, который хотя и дал необходимые директивы, но, по мнению Сталина, не провел их достаточно настойчиво и крепко.

Результаты коллективизации превосходны, — констатирует он, — но было бы глубочайшей ошибкой воображать, что теперь дело уже можно предоставить самотеку. Остаются еще большие трудности.

Надо следить, чтобы крестьянин не сваливал работу на товарищей по колхозу (это ведь не рабочий с его дьявольским напором). «Центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместились теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза... Это значит, что партия... должна теперь взять в свои руки руководство колхозами...»

Бывает, что у партийных организаций нет достаточной связи с крестьянством. «Сидят люди в канцеляриях и самодовольно скрипят перьями, не замечая, что развитие колхозов идет мимо бюрократических канцелярий».

Бывает, что коммунисты почивают на лаврах. Они переоценивают колхозы. Они «превратили их в икону». И после того как Сталин в свое время выступил против сторонников ликвидации колхозов, он теперь энергично указывает на другую сторону дела: «Они решили, что колхоз скоро даны колхозы, как социалистическая форма хозяйства, — то этим уже дано все...»

Но, — подчеркивает Сталин (показывая на этом частном факте суть марксистской самокритики), — колхозы, подобно советам, представляют лишь форму организации, правда, социалистическую, но все же форму организации. Все зависит от содержания. В 1917 году советами руководили меньшевики и эсеры. Советы, но без коммунистов — вот какой лозунг выдвигал глава русской контрреволюции — Миллюков. Колхозы, как форма организации, представляют некоторые удобства для временного использования их контрреволюционными элементами, вынашивающими лозунг. «Колхозы без коммунистов».

«Мы... продолжаем, — говорит далее Сталин, — вести старую тактику упрощенной борьбы с кулачеством, тогда как она, эта самая тактика, давно уже устарела». Борьба приняла новые формы. Если некоторые колхозы недостаточно развиваются, если плохо прошли хлебозаготовки, то виноваты здесь не крестьяне, а коммунисты. Многими колхозами «руководят шляпы, правда, с партийным билетом в кармане, но все же шляпы».

Сталин не дает спуску ни «вельможам», которые ждут, чтобы все уладило само собой, ни «честным болтунам», «способным потопить в болтовне любое живое дело». Он передает свой разговор с одним «очень уважаемым товарищем», местным работником.

Прослушаем эту сценку:

«Я: Как у вас обстоит дело с севом?

Он: С севом, товарищ Сталин? Мы мобилизовались.

Я: Ну, и что же?

Он: Мы поставили вопрос ребром.

Я: Ну, а дальше как?

Он: У нас есть перелом, товарищ Сталин, скоро будет перелом.

Я: А все-таки?

Он: У нас намечаются сдвиги.

Я: Ну, а все-таки, как у вас с севом?

Он: С севом у нас пока ничего не выходит, товарищ Сталин».

Несмотря на мелкие камни преткновения, ощутимые результаты накапливаются, и лицо полей уже не то, что прежде. Пусть оно меняется не так быстро, как хотели бы мы, вдохновляемые энтузиазмом, жаждой будущего, — но оно меняется. Изменилось и лицо самой деревни. Сталин говорит: «Старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане — начинает исчезать. На ее место выступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями. Исчезли старые знатные фигуры кулака-эксплоататора, ростовщика-кровососа, купца-спекулянта, батюшки-урядника. Теперь знатными людьми являются деятели колхозов и совхозов, школ и клубов, старшие трактористы да комбайнеры, бригадиры по полеводству и животноводству, лучшие ударники и ударницы колхозных полей».

Исчезли, остались лишь на картинах и на оперной сцене разноцветные, блистающие золотом церкви, ослеплявшие бедное людское стадо; исчезли грязные, как хлев, улицы и площади, не проезжие дороги, где время от времени показывались телеги, запряженные лошадью под дугой. Исчезли жирные, отевшие паразиты, чувствовавшие себя в этой обстановке, как дома: вызывающе одетый по-старинному барин, который после большого переезда вылезал из саней, окруженный белоснежными борзыми аэродинамической формы; исчез безжалостный кулак, исчезли мундиры, — лакеи в раззолоченных livреях наверху, тюремные надзиратели внизу; исчезли люди в рясах, их ханжеские рожи и льняные бороды.

С этим покончено. Теперь — кругом простор и механизация, а живут и распоряжаются люди в блузах, с открытыми, решительными, счастливыми и гордыми лицами¹.

¹ В своей книге «Адский рай» г. Виктор Боре утверждает, что советское земледелие находится в критическом и угрожающем положении, так как в СССР распаханно сравнительно очень немного земли (около 140 миллионов га на 168 миллионов населения). К этой точке зрения присоединяется — естественно! — и г. Эррио. Но ес-

Начинают уже появляться такие переходовые колхозы (например в Кабардино-Балкарии), где мы видим геометрические формы, несомненно приближающиеся к будущему агро-городу: большой полукруг площади, примыкающий к проезжей дороге, а от него лучами расходятся улицы, разбивающие всю деревню на специализированные сектора: тут — сараи и силосные башни, там — тракторы и автомобили, здесь — школы и технические службы... Словом, рационализированная архитектура «города-деревни». Все это несколько напоминает половину огромной розетки с неясно очерченными краями.

Советская деревня совершенствуется, хотя и не без борьбы, — и перед нашим взглядом возникает другая огромная страна, страна, придавленная самым развитым капитализмом, — Соединенные Штаты. Там посевы пшеницы сократились на 10 проц. Общая ценность сельскохозяйственной продукции упала с 11 миллиардов долларов в 1929 году до 5 миллиардов долларов в 1932 году. За два года ценность ферм (угодий и машин) снизилась на 14 миллиардов долларов. Имущество 42 проц. всех земледельцев заложено, и если в 1932 году властями было выгнано из родных домов только 258 000 фермеров, то это потому, что фермеры восставали с оружием в руках.

А Национальная администрация по восстановлению (NRA), эта мозговая эманация капитализма, не видит никакого выхода кроме земледельческого мальтузианства, кроме самоубийства: сократить посевную площадь на 8 проц., премировать фермеров, оставляющих поля необработанными, премировать хлопковых плантаторов уничтожающих от 25 до 50 проц. своего урожая. Над плантациями проносится опустошительный ураган: радость, национальная победа!

Французские газеты сообщают, что виноделам Шампани «угрожает» хороший урожай... И там, и здесь единственный выход — наводнение, заморозки, град, филлоксеры!

Мы уже говорили о чудовищном уничтожении бразильского кофе. Такие приемы граничат с безумием и преступлением, мимо них нельзя пройти, не

содрогнувшись. За последние годы они получили необычайное распространение. Это — не отдельные изолированные случаи, а настоящий метод капиталистического хозяйства.

По примеру системы премий за разрушение и обезлюживание, практикуемой в американской промышленности и сельском хозяйстве, Франция тоже вводит официальное запрещение некоторых сортов винограда, дающих особо богатый сбор, запрещение усовершенствованных методов в общественных работах (в некоторых крупных контрактах оговорено воспрещение пользоваться экскаваторами). Г-н Кайо в своем «Капитале» указывает средство для преодоления кризиса: ограничить и воспретить использование утиля.

Чтобы двигать прогресс, вернемся к средневековым орудиям!

Одно и то же зрелище, жуткий фарс смерти повторяется перед нами на всех концах земного шара, во всех областях труда. В департаменте Сены и Уазы, — а также и в других департаментах, — косят зеленую пшеницу. В департаменте Восточных Пиренеев, — а также и в других департаментах, — целые возы фруктов выбрасываются на свалку. В Ломбардии — и только ли там? — крестьяне сжигают шелковичные коконы. Повсюду идет всеожожение злаков: люди сеяли зерно, чтобы заботливо выращивать хлеб, — теперь они убивают его и закапывают в землю. Убивают и хоронят целые гектары свеклы, целые стада коров и свиней. В американские (и не только американские) реки выливаются потоки молока. Суда, набитые рыбой, выбрасывают свой груз в море. На предприятиях «Дженерал Моторс» тысячи новеньких, полностью оборудованных автомобилей сплющиваются и дробятся в куски чудовищными специальными машинами.

И эти рассчитанные катастрофы, эти бесчисленные казни совершаются в тот момент, когда все эти уничтожаемые блага где-то нужны, когда люди массами умирают с голоду, когда в Китае и Индии сотни миллионов человеческих существ питаются травой или древесной корой, когда те самые страны, где идет это массовое уничтожение пищи и промышленных изделий, кишат безработными и недоедающими.

Последний итог капитализма: он убивает природу, он убивает вещи. Нет более позорного обвинения общественному строю, чем это грандиозное саморазрушение, этот вопль — повернуть мир назад, возратить человека к варварству!

ли советское сельское хозяйство действительно дает еще количественно и качественно слабые результаты, то тем лучше! Это открывает перед ним огромное поле для движения вперед (ни в земле, ни в технических возможностях недостатка нет). Плохо было бы обратное.

Мыслимы ли такие зловещие нелепости в СССР, где всякий избыток продуктов автоматически направляется туда, где эти продукты нужны? «У нас, в СССР, виновников таких преступлений, — заявил Сталин, — отправили бы в дом умалишенных».

Возвращаясь к Советскому Союзу и переходя от вещей к людям, — а события часто получают начало и всегда получают направление именно от людей, — мы видим, что его огромный, необозримый прогресс, его достижения завоеваны силою совершенно исключительного воодушевления. Энтузиазм, порожденный идеей, создал сверхприбыль, сверхрезультат. Социалистическое соревнование оказалось тем мощным «невесомым», которое решило успех.

Советские рабочие — такие же люди как и все другие. Но, как я уже говорил, у них не те головы, у них не те руки, что у рабочих капиталистических стран; ибо при капитализме рабочие все время борются против своих хозяев, а в Советской стране — работают на себя. Чувство гордости и радости, сияющее на лицах советских рабочих, — вот та «перемена», которая больше всего поразила Горького, когда он в 1928 году вернулся после долгого отсутствия в Советский Союз. «Вот что сделали социалистические рабочие!» — эти слова необычайно часто (и с какой гордостью!) произносятся в рабочей среде при виде достижений, которые теснятся вокруг, опираются друг на друга и разрастаются с художественно организованной кинематографической быстротой на необъятном пространстве бывшей России в то время, как жизнь мира почти остановилась в своем движении.

Радость и гордость охватывают этих людей при мысли о том, что их усилия увенчались успехом. В радость жизни они внесли новый, более обоснованный и глубокий смысл. Радость жизни побеждала и прежде, несмотря на сверхчеловеческие лишения, несмотря на бесчисленные кровавые жертвы. И теперь она продолжает побеждать, эта радость жизни, этот признак веры в социализм, по прекрасному выражению Кнорина.

О необычайных подвигах, о подлинно сверхчеловеческих усилиях в великом и малом, осуществленных на огромной советской стройке, — можно написать множество эпических поэм (современная советская литература уже превращается в героический эпос о самоотвер-

женном труде людей нашедших в свободе второе рождение). Бурный подъем, длящийся месяцами и годами, гремящие лавины цифр — и материальные громады, вздымающиеся под самые облака. В такой атмосфере квалификация, навыки выковываются не по дням, а по часам. Американский технический консультант Днепростроя г. Купер говорил мне на открытии гигантской плотины, что рабочие даже в самых неожиданных, самых трудных обстоятельствах побивали все рекорды; он говорил, что мир никогда не видал подобного трудового энтузиазма. Это строительство создало двадцать тысяч вооруженных высокой квалификацией рабочих (а весь трудовой фронт Четырехлетней Войны — Первой Пятилетки — 800 000).

Это вполне естественно. Все для рабочих, все руками рабочих. Такова алгебраическая формула масс — двигатель жизни.

Соревнование пошло вглубь. Оно — повсюду, оно — в сознании каждого работника физического или умственного труда. Каждый думает о том, как двинуть дело вперед, и находит к этому прямые пути. Каждый стремится найти лучшее. Люди непрерывно изобретают. Несколько месяцев тому назад народный комиссар обороны Ворошилов сообщил, что за один год он получил от рядовых красноармейцев 152 000 предложений, указаний, изобретений, новых мыслей по вопросам технического и организационного усовершенствования Красной армии. И эти предложения оказались, по словам Ворошилова, в большинстве интересными и достойными разработки и проведения в жизнь.

Организатор этого порыва ста миллионов сердец есть подлинно социалистическая, безупречно социалистическая партия. Коммунистическая партия большевиков, о которой можно сказать, что каждый ее член служит ей и руководит ею. Коммунизм породил во всем мире неисчислимое множество провозвестников. В свое время в России, а ныне за рубежом СССР, многие из них стали мучениками, — и число их все множится. Вся земля щедро полита драгоценной алой кровью коммунистов; необозримы ряды замученных, великих покойников, завернутых в красное знамя; их — полтора миллиона. Известно ли, что потери передового отряда социализма уже превзошли число жертв многовековой трагедии еврейского народа? За последние восемь лет

число убитых, раненых, брошенных в тюрьмы превысило 6 миллионов¹.

Кто расскажет о том, что творится в капиталистических застенках мира, кто опишет тысячи адских и зверских сцен, за которые ответственны стражи буржуазного порядка, садисты, упивающиеся человеческим страданием! Италия, Германия, Финляндия, Польша, Венгрия, Болгария, Югославия, Румыния, Португалия, Испания, Венесуэла, Куба, Китай, Индо-Китай, Африка. Достаточно взглянуть на работу буржуазии и ее полиции в любой стране, чтобы воскликнуть: Мы живем в век крови! Но в этом мировом хаосе прозвучал прекрасный, обвиняющий голос Димитрова. И там же, словно символ света, — могучий Тельман, распятый на свастике.

Что касается Советского Союза, то если вы хотите знать, насколько человек может отдать себя идее, — загляните в анналы партии, где отдельные случаи, получившие известность, являются лишь примерами тысяч подвигов, которые никому неизвестны и никогда не станут известными. Где бы ни работал советский коммунист, он всегда остается солдатом и учителем, а когда нужен герой — он готов на героизм.

А между тем эти люди, довольствующиеся скромной, часто аскетической личной жизнью, вовсе не фанатики всеобщей уравниловки, как могли бы думать иные. У нас рядовой обыватель, чей мозг еще плохо переваривает идеи, чья голова еще наполнена винегретом из названий социальных и политических доктрин, — выдвигает против коммунистов три ужасных обвинения, превращающих коммуниста в страшилище; коммунист — это антипатриот; он хочет отнять у каждого человека имущество; он хочет превратить общество в огромную казарму с ее обезличивающей дисциплиной, нивелировать человеческие головы, словно булыжники мостовой. Но на деле коммунисты, как подлинные интернационалисты, стоят за развитие национальностей, с тем только, чтобы оно совершалось не при помощи пушечной пальбы и не руками дельцов. Коммунистическая теория отмены частной собственности бьет лишь по ничтожной кучке паразитов и грабителей общества, а всему

остальному населению земли несет огромные выгоды (все общественные бедствия безусловно проистекают из морального и материального хаоса всеобщей войны за обогащение). Что касается нивелировки людей, то коммунисты — убежденные ее противники, они руководятся великим законом справедливости и равенства (подлинная основа социализма), который состоит в том, чтобы каждый человек пользовался такими же политическими правами, как и другой, т. е. чтобы было уничтожено искусственное и несправедливое неравенство, с которым встречается каждый еще на пороге жизни. Было бы очень нетрудно доказать, что социализм — это строй, который больше и лучше всех других обеспечивает развитие человеческой индивидуальности. Ибо «социализм не может отвлечься от индивидуальных интересов» (Сталин). Он борется только с чудовищной патологией разбойничьего индивидуализма.

Немало путаницы внесло в этот вопрос и чрезмерное усердие иных социалистов. Как раз в связи с переустройством деревни Сталин призывает «двухсотпроцентных коммунистов» к порядку и рекомендует им не молотить вздора насчет введенного в моду буржуазными писателями «принципа уравниловки». Не надо повторять подобные глупости, «марксисты не могут быть ответственными за невежество и тупость буржуазных писателей».

Сталин освещает вопрос с полной ясностью: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (социалистическое общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (коммунистическое общество). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма.

¹ По данным выдающейся руководительницы МОПР Елены Стасовой, с 1925 по 1933 год это число равно 6 021 961. Конечно, не все эти люди коммунисты, но хорошо известно, что коммунистов здесь подавляющее большинство.

Вот вам марксистское понимание равенства.

Никакого другого равенства марксизм не признавал и не признает».

Сталин напоминает, что в Коммунистическом Манифесте Маркс и Энгельс высмеивали примитивный утопический социализм, называя его реакционным за пропаганду «всеобщего аскетизма и грубой уравнительности». Да и вся история Советской страны вполне убедительно доказывает, что, как бы там ни кричали, социализм означает бурное развитие способностей и талантов каждого человека.

Но основная армия социалистического соревнования, провозглашенного партией, — это молодежь. Вся советская молодежь представляет собой ударную бригаду социализма. Молодежь, рассыпанная по деревням, разгоняет тени прошлого, религиозные и социальные предрассудки. У этих юношей и девушек гибкие тела и свежие лица, светлые, как зеркало; они воспитаны так, что им не приходится преодолевать яд традиций, они повернули крестьянское сознание на огромных пространствах страны, словно тракторную колонну.

Повсюду проявляется сверкающая энергия молодежи. Незабываемое зрелище представляет молодежь, когда она покрывает Красную площадь гигантскими эластическими четырехугольниками, когда она заполняет все 45 000 мест стадиона Динамо.

Сама по себе молодежь, — вообще говоря, незрелая и во многом наивная, — бессильна, если она не включена в великий и справедливый социальный механизм. Но когда она сознательна, она идет по верному пути, она обладает всей зрелостью своего будущего и заслуживает высокого уважения: за свои огромные возможности, за свои хозяйские права на будущее, за свою плодотворную мудрость.

Повторяем, значит ли это, что картина не имеет теневых сторон? Конечно, они есть. Их стоило бы перечислить полностью, если бы мы перечислили и все достижения: надо честно изображать хорошее и плохое в правильных пропорциях, — по отношению к СССР это никогда не делается; критикуют без конца, а положительную сторону показывают недостаточно.

Но хороший руководитель подходит к делу иначе, чем беспристрастный

критик: он должен подчеркивать главным образом пробы и недостатки. Так, например, в сельском хозяйстве его тревожит животноводство, которое все еще не вышло из прорыва, так что его показатели до сих пор не выше 1913 года.

Таким образом, придется специально заняться вопросами поголовья скота (сравнительно благополучно обстоит дело лишь в области свиноводства). Животноводство требует напряженного внимания, так же как транспорт, черная металлургия, легкая промышленность, угледобыча, проблема себестоимости и пресловутый бюрократизм.

Бюрократия (вернее — бюрократизм) — это явление разбухания и свойственной людям косности; в нем проявляется чрезмерное уважение к традициям. В области управления бюрократия, как формула в области теории, стремится к самостоятельному существованию, независимому от своих основных целей, от своего назначения. Бюрократия — это опухоль, у которой в конце концов вырастают глаза и уши.

«Бюрократизм и канцелярищина аппаратов управления; болтовня о «руководстве вообще» вместо живого и конкретного руководства; функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности; обезличка в работе и уравниловка в системе заработной платы; отсутствие систематической проверки исполнения; боязнь самокритики, — вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности».

Средства борьбы с этими трудностями Сталин очень рельефно показывает в кратком и точном определении: «поднять уровень организационного руководства... до уровня политического руководства». Иными словами, надо всегда совершенно точно представлять себе все значение того, что делаешь, и связь своей работы с целым.

Пойдем прямо вперед, не оглядываясь ни направо, ни налево. Нет, виноват, именно оглядываясь и направо, и налево, чтобы не впасть ни в правый, ни в левый уклон, ибо один выталкивает нас слишком далеко вперед, другой — тащит назад. (Предатели слева, — поясняет Пятницкий, — опаснее предателей справа, потому что они обманывают), Сталин самым резким образом предостерегает против обеих опасностей; он считает, что бороться лишь с одним из уклонов — значит делать уступку другому.

И не надо опьяняться успехами. Это помешало бы нам заботиться о будущем. Это может исказить или нарушить самое большое, самое мощное из всего, что у нас есть, — нашу линию. Это — наша линия, линия революционеров, и она принадлежит нам, ибо она не выдумана, а выработана в борьбе. «Иметь правильную линию и суметь провести ее в жизнь — это большая редкость в жизни правящих партий. Посмотрите на окружающие страны: много ли вы найдете правящих партий, имеющих правильную линию и проводящих ее в жизнь? Собственно, таких партий нет теперь в мире, ибо все они живут без перспектив, путаются в хаосе кризиса и не видят путей для того, чтобы выбраться из трясины. Только наша партия знает, куда вести дело, и ведет его вперед с успехом».

Исключительные победы позволили государственному человеку произнести в наши дни такой приговор, и всякий, кто слышит и понимает его, должен видеть, что надо всегда быть бдительным и боееспособным, чтобы сохранять в чистоте и утвердить эту великую линию. Нельзя задерживаться, нельзя ошибаться.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА?

Кто хочет увидеть живой и бурный Советский Союз, тот должен взглянуть на него в перспективе или, лучше сказать, в свете его дальнейших планов. Всякое описание этого мощного потока стареет на глазах, — его приходится испещрять постскриптумами.

В торжественной обстановке XVII съезда Всесоюзной коммунистической партии, собравшегося в январе 1934 года, — «Съезда победителей», — прошедшего под знаком монументального доклада Сталина, о Плате 1928—1932 годов, — он, Сталин, распахнул дверь в будущее. Пятилетний план умер — да здравствует Пятилетний план 1932—1937 годов!

Период хозяйственной перестройки в основном закончен, — заявил один из виднейших деятелей Союза, председатель Совета народных комиссаров, Молотов. Теперь страна идет к количественному и качественному развитию легкой промышленности, к улучшению условий жизни всех.

На основе создания новых центров советской вселенной тяжелая индустрия станет вдвое более обширной и мощной. (Производство средств произ-

водства достигнет суммы в 43 миллиарда 400 миллионов рублей, что составляет 209 проц. первого Плана).

Машиностроение, добыча угля и нефти — удвоятся. Производство тракторов, паровозов, чугуна, стали, меди, химических продуктов — утроится. Деревообделочная промышленность вырастет почти вдвое (176 процентов). Вагонов будет вырабатываться в пять, а автомобилей в восемь раз больше. Производство электроэнергии дойдет до 33 миллиардов киловатт-часов (рост на 283 процента).

Новый пятилетний подъем производства средств потребления увеличит его более чем вдвое (54 миллиарда 300 миллионов рублей, рост на 269 процентов): легкая и пищевая промышленность, производство предметов широкого потребления, промкооперация.

В этом новом периоде особая забота уделяется повышению качества, усовершенствованию техники, обновлению оборудования. Механизация производства, требующая напряженной работы. Огромный рост электрификации сельского хозяйства и железнодорожного транспорта, огромный рост линий электропередачи.

Производительность труда будет поднята в 1937 году до 63 проц, против 41 проц. в 1933 году. Себестоимость (в 1934 году предусматривается сокращение по сравнению с 1933 годом на 4,7 проц.) должна снизиться на 26 проц.

Намеченный (и утвержденный) рост сельскохозяйственного производства — 105 проц. (26 миллиардов рублей). Число МТС возрастает с 2 446 (в 1932 году) до 6 000. Механизация сельскохозяйственных работ — рост на 60 проц. Общая мощность тракторов — 8 200 000 лошадиных сил.

Железные дороги должны будут почти удвоить грузооборот, речной и морской транспорт — почти утроить, автотранспорт возрастает в 16 раз. (На железных дорогах будет электрифицировано 5 000 километров пути, однопутный путь на протяжении 10 000 километров будет превращен в двухпутный, 20 000 километров рельсового пути будет перестроено, 11 000 километров рельсового пути будет проложено заново).

Завершение постройки Беломорско-Балтийского канала, Москва — Волга и Волга — Дон. В 1937 году — 210 000 километров шоссейных дорог. Сеть гражданской авиации — 85 000 километров (вместо 32 000).

Вложения в промышленность — 69,5 миллиарда рублей; в сельское хозяйство — 15,2 миллиарда, в транспорт — 26,3 миллиарда. На строительство новых и реконструкцию старых предприятий будет израсходовано 132 миллиарда рублей (это — крупнейшая цифра, когда-либо фигурировавшая в бюджете или хозяйственном плане). Не пытаюсь перечислить хотя бы главнейшие стройки, предусматриваемые этим разделом.

Помимо заводов — строительство жилых домов с общей жилой площадью в 64 миллиона квадратных метров.

Реальная заработная плата рабочих возрастет к 1937 году в два с половиной раза против 1932 года.

Окончательная ликвидация неграмотности, — такая же окончательная, как ликвидация безработицы в эпоху Первого Плана. Все граждане Советского Союза без исключения будут грамотными.

Общее число учащихся на 1 000 человек населения — 197, теперь — 147. Фонд социального страхования удваивается.

«Фантастический план!» — скажут иные. Чего только не говорили по поводу того плана, на великие достижения которого мы теперь опираемся! — сдержанно отвечает Молотов.

Таким образом, Советские соединенные штаты станут могущественнейшей страной в мире по всем основным отраслям хозяйства¹.

Но рядом с великой реальной и смелой мечтой о пересоздании страны, так широко осуществляемой Советским Союзом под руководством Коммунистической партии во главе с товарищем Сталиным, — стоит кошмар войны.

Трагикомическая история «официального пацифизма» послевоенного периода — известна. Известен двусмыслен-

ный характер напыщенной Лиги наций: почти легендарная неспособность обеспечить мир — вот самое скромное обвинение, какое можно предъявить этому институту пацифистских церемоний, рожденному Версальским договором и имеющему целью закрепить его результаты¹. Германия отказалась играть в Лиге наций роль разбойника, которого постоянно колотят другие разбойники. Япония отказалась сидеть в ней бесчестным лежачим под светом прожекторов гласности.

Нападение на СССР, — на огромный рынок сбыта и пламенеющий вулкан социализма, — явно входит в расчеты издыхающего капитализма и руководители советской власти слишком серьезны, чтобы верить в пацифистскую театральную декламацию прекрасных теноров, состоящих на жаловании у империалистов. Они полагают, что при таких опасных артистах необходим цензор.

Известно, что первоначальные отношения СССР с Лигой наций были не блестящи; известно, какой вопль негодования вызвало на конференции по разоружению вполне обоснованное предложение Литвинова выступившего за общее разоружение, а когда этот проект провалился, — за частичное.

Но Советский Союз настойчиво продолжает непоколебимую политику мира. Отличительным свойством советской дипломатии, мастерски руководимой прежде Чичериным, а теперь Литвиновым (и всегда — Сталиным), является непрерывный и упорный реализм в борьбе за мир. (Определение агрессора, спасение севшей на мель и скомпрометированной конференции по разоружению, превращение ее в постоянную мирную конференцию; отказ использовать ревизию позорного Версальского договора к выгоде новых воинствующих барышников, которые ничем не лучше барышников, пользующихся этим договором сегодня, пакты о ненападении, предложенные Советским Союзом всем, кто желает присоединиться, и многими уже принятые; прочные дипломатические связи с США и Францией). Эта сознательная и положительная политика мира признается всеми, кроме тех, кому угодно отрицать ее преднамеренно.

¹ Добавим, что уже по результатам, полученным к концу 1934 года, видно, что текущая Пятилетка действительно достигает всех своих колоссальных целей. За год народный доход возрос на 6 (?—7 Ред.) миллиардов рублей и достиг к декабрю 55 миллиардов. Производство электроэнергии увеличилось по сравнению с 1933 годом на треть и достигло 12,5 (?—20,5 Ред.) миллиарда квтч. Выплавка чугуна в 1934 году была на 50% больше чем в 1933 году. Победа — колоссальная; Сталин констатирует это не без гордости. «Но, — заявляет он, — нельзя зазнаваться в связи с этими успехами у нас, выплавка стали отстает от выплавки чугуна» (по сравнению с прошлым годом она возросла всего на 40%).

¹ В том, что касается искромсанных территорий, но не в том, что касается торжественного пункта, устанавливающего, что разоружение побежденных стран должно быть сигналом к общему разоружению.

Мы — фактор мира, — имел основание заявить Сталин на XVII съезде партии. И с грозной ясностью добавил: Вокруг нас группируются и не могут не группироваться все государства, которые по тем или иным причинам не желают в более или менее близком будущем воевать.

Недавно СССР, по предложению 32 государств, был приглашен в Лигу наций. Конечно, это — известная гарантия мира, ибо это — гарантия изменения ориентации Лиги империалистических государств, под влиянием вынужденного обстоятельствами сотрудничества с Советами.

Но это — гарантия не полная, далеко не полная. Опасность войны продолжает существовать.

Она отчетливо проявляется в позиции Японии. Япония явно стремится захватить значительную часть Азии и, прежде всего Китай (у которого она уже отняла Манчжурию и Жехе), разбить его советский костяк и напасть на СССР. Об этом Япония заявляет вполне открыто, она учащает провокации. Манчжурию она превратила в укрепленный лагерь и покрывает ее военными складами, авиационными базами и стратегическими дорогами. В области внешней политики идет сговор, откровенное и грубое сближение между Японией и Германией.

Перед лицом «цинической откровенности» Японии (по выражению популярного солдата-министра Ворошилова) — Советский Союз занимает смелую,

мужественную и благородную позицию уступок, доводимых до крайнего предела.

Но за этими уступками есть пограничный столб, на котором написано: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому» (Сталин).

Если разразится война, СССР будет защищаться, — он будет защищать себя и все будущее человечество, представителем которого он является. Война эта охватит весь мир и в очень многих пунктах из империалистической превратится в революционную, в гражданскую. Это не столько политическая заповедь партии, сколько историческая необходимость. Где пройдет война, там пройдет революция. Опыт послевоенной эпохи ясно показывает нам, как развернутся события при следующей войне, — но только тогда они развернутся более широко и круто. Даже тот, кто хочет уничтожить прогресс, — толкает его вперед¹.

Но что бы ни таило в себе будущее, если разразится война, — величайшим основанием уверенности советских народов будет Сталин. Народный комиссар обороны Ворошилов пользуется необычайной любовью, но вождем останется и останется Сталин. Он объединит в своих руках политическое и военное руководство, — или, точнее, он будет попрежнему объединять его в буре событий. В Советском Союзе все считают это залогом победы.

VII

ДВА МИРА

Вот что делается в стране, где загораются солнца, — в эпоху, когда, по словам Кагановича, океаны текут под мостами.

Все государства, кроме одного, идут через фашизм к разорению, все они идут к войне. Положение трагично. Но оно несложно. Оно просто.

В XIX веке, когда были точно и ясно осознаны предшествующие исторические этапы, борющееся человечество разделилось на две части: на пытающихся сохранить капиталистическую форму общества и на стремящихся переделать его в направлении равенства. Между этими двумя мощными силами завязалась борьба, постепенно распространяющаяся на весь мир.

Конкретно: по одну сторону — рабочий класс, частично организованный (политически и профессионально) в международную армию, и все, ему сочувствующие; по другую — официальная наследница французской революции, правящая буржуазия: ее государ-

¹ Следует отметить, что крупные воздушные маневры, состоявшиеся недавно в Англии и Франции, привели к тому ужасному и многозначительному выводу, что никаких действительных средств обороны от налета бомбовозов не существует. Установившая в своей книге (с предисловием маршала Лиоте), «что Париж может быть разрушен в первые же часы войны», — один из авторитетнейших наших военных специалистов, подполковник Вотье, предлагает совершенно уничтожить Париж и, выстроив его на новом месте, покрыть усовершен-

ственная машина, ее адвокаты и защитники всех мастей, а также обыватели всех категорий.

Казалось, что существуют и промежуточные позиции. На деле их не было. Все политические партии, расположенные между двумя основными лагерями, разыгрывали лишь пустые поверхностные комедии. Отсюда с очевидностью вытекает: третьего мира нет. Третьего пути нет. Промежуточных решений нет. Что неревOLUTIONно, то реакционно, и даже реформисты постепенно вовлекаются в блок социальной реакции, даже нейтральные увеличивают его вес своим мертвым грузом, даже полуревOLUTIONии падают туда же и там погибают окончательно. Либо все, либо ничего.

Следовательно, знаменитый буржуазный либерализм, который, как и всякая «золотая середина», имеет множество приверженцев, который на все лады твердит: «ни реакции, ни революции», — покоемся на грубо-неправильном понимании действительности. Факты неумолимо требуют от нашей эпохи: либо реакция, либо революция. Даны только эти две возможности. Все промежуточное — силою логики, силою вещей тяготеет и соскальзывает либо вправо, либо влево (почти всегда вправо). Обойти эту арифметику действительности (подтверждаемую всей современной историей) невозможно. Повторим еще раз, чтобы закрепить эту мысль: всякий «не-реакционер», если он не революционер, оказывается, что бы он ни говорил и ни делал, реакцио-

нованной броней... «И это предлагает не юморист, как можно было бы думать», — замечает Поль Фор. Во всяком случае английский министр авиации лорд Лондондерри и бывший французский министр авиации г. Пьер Кот публично заявили: доказано, что при современном состоянии науки никакая человеческая сила не может воспрепятствовать вражеским самолетам уничтожить Лондон и Париж, сбросив тонны взрывчатых веществ. (Как установил Поль Ланжевен, для этого достаточно ста тонн, а во время английских морских маневров на Лондон условно «сброшено» 400 тонн). Единственный выход для страны, потерявшей свою столицу, — в свою очередь послать воздушную эскадру, которая разгромила бы столицу неприятеля. Что верно для городов, то верно и для центров военной промышленности. «Исключение имеется только одно, — заявил г. Пьер Кот, — это Россия, территория которой так обширна, что большая часть ее гарантирована от подобных налетов». Советский Союз, безмерными пространствами которого был когда-то победен Наполеон, в расцвете своей мощи, пользуется значительным преимуществом (Япония же, наоборот, является особенно уязвимой). Таким образом, борясь за мир, Советский Союз защищает не только свои интересы.

«Золотая середина» — это реакция, скрывающая свое лицо. Остаются только два лагеря: капитализм, который искусственными средствами (лживая пропаганда и злоупотребление силой, имеющейся в его распоряжении) поддерживает анархическое разбухание личности и нации, является естественной питательной средой несправедливости, грабежа, нравственного разложения и войны, — и социализм, который устраняет частную наживу, возвращает все богатства обществу трудящихся, работников физического и умственного труда, и говорит что нация — это не последняя, а предпоследняя форма объединения жителей земли.

И сегодня перед нами — то же деление человечества, которому присущи те же характерные черты, но только в ином виде.

Появились новые факты, — и какие факты! Повсеместный рост рабочего движения и революционной сознательности. Ряд революций, последовавших за войной, — невозможно подсчитать, сколько десятков миллионов жертв она унесла и на сколько сотен миллиардов уничтожила ценностей, — за войной, не имевшей таких причин, в которых можно было бы публично создаться. Победа одной из этих революций — построение марксистского государства в огромной стране. В первой четверти XX века кончились времена, когда капитализм подпоясывал свое брюхо экватором. В то же время наново перекован социалистический двигатель мира — Интернационал.

Вскоре разразился мировой экономический кризис. «Кризис временный, как и прежние, — говорили ослепленные жрецы, — ведь это седьмой или восьмой по счету». Нет, это органический кризис капитализма, кризис упадка, дряхлости, плесени. Все средства использованы, все рынки переполнены. (Производить, производить! Продавать, продавать!) Но все покупатели — сами продавцы на своих границах. Товары заваливают и душат страну, которая произвела их. Торговля умирает от выкидышей. Вполне естественное следствие самого принципа. Виновато не перепроизводство, ибо всего, что производится, еще недостаточно для человечества в целом, — виновато беспорядочное распределение продуктов производства — хозяйственный национализм. Вполне

естественно, что все крупные предприятия кишат жуликами.

Теперь уже нельзя считать образцом строй, который сеет нищету, культивирует банкротство, возносит воров на вершину славы и за труд платит голодом. (Не говоря уже о войне, снова надвигающейся со всех сторон света). Более того, нельзя уже указывать на американского рабочего, позолоченного рабочего, как на образец рабского счастья, — один из основных доводов, помогавших приручать массы, взлетел на воздух.

Капитализм, чтобы оставаться капитализмом, должен отныне скрывать свою игру. Он делает это с коварной стыдливостью. Недавно Сталин очень образно сказал, что капиталисты не могут выйти из кризиса «с высоко поднятой головой», они могут только «частично выкарабкаться из кризиса на четвереньках».

Увидев, как растет социализм и как прогрессирует ее собственное гниение, буржуазия очень быстро спохватилась. Она усовершенствовала (для этого у нее есть материальные средства) программу охранительных мероприятий и теперь пытается выкарабкаться, облачившись в новый наряд. Капиталистическая система остается за кулисами. На первом плане — уже как будто не она.

Это переодевание, называемое фашизмом, — а фашизм, этот новый мундир капитализма, не будучи неизбежным этапом буржуазного господства, появляется все же повсюду, — имеет целью прежде всего разделить силы противника, а именно — одним ударом и з о л и р о в а т ь и р а б о ч и й к л а с с, и с о ц и а л и з м, перетянув на свою сторону непролетарскую часть трудящихся масс. Эта тактика долго выработывалась; она последовательно, энергично, очень рассчитанно пропагандировалась еще со времени войны, к концу которой правящие классы потеряли почву и запутались.

Недовольство, созданное разочарованиями и тяготами послевоенной жизни, капитализм разжигает и использует при помощи «всемирной» демагогии плюс несколько бесчестных заимствований из терминологии социализма (кража с витрины). Часть горечи, разочарований, гнева народа капитализм попытался направить по определенным каналам — против тех, кого капитализм избирает козлами отпущения.

Одним из них является (помимо социализма) парламентаризм: его надо

уничтожить, чтобы уничтожить всякую видимость свободы (сама свобода уже уничтожена). Итак, все грехи Израиля перекладываются на парламентский строй (который, впрочем, неплохо к этому приспособлен). Ловкий способ снять с капитализма ответственность за его преступления.

Есть и другие козлы отпущения. Громче всех правящая реакция кричит о скандалах, мошенничествах, почти легальных растратах, увенчивающих ее же собственную деятельность. Она изо всех сил старается, чтобы виновными в грехах капитализма оказались не все капиталисты, а лишь те, которые в конце концов вывели из терпения даже безмерно снисходительную классовую юстицию.

Играя словами (например эластичным словом «режим»), новомодная реакция сфабриковала «антикапитализм» великоколепного демагогического качества. Это — единственный способ сохранить капитализм. Разгоните парламент, поставьте на его место диктаторское правительство, возьмитесь за преследование тех прохвостов, которые даются в руки, — капитализм станет неприступным.

Эта оборона капитализма, с ее вульгарной, плоской и бессодержательной программой, ведется всевозможными организациями, различающимися только по имени; она сколачивает блок против рабочего движения.

Крестьян и мелкую буржуазию натравливают на рабочих, чиновников натравливают на людей физического труда. А на чиновников натравливают всех и каждого. Втирают очки налогоплательщикам, малозначительным бывшим фронтовикам, зеленой молодежи. Основная цель состоит в том, чтобы завлечь неорганизованных, беспечных в новую организацию (захватив нити руководства) и утопить рабочего в этой массе.

«Социализм — это парша, чесотка, виновник всех зол». Его валят в одну кучу с парламентским строем, пытаются разгромить, искажая его облик. Им запугивают людей, внушая, что социализм замышляет погубить их.

Говорят: «Социалисты уже были! У власти в Англии, в Германии. Посмотрите, что они сделали». Забывают только, что господа, стоявшие у власти, могли именовать себя социалистами, но они никогда не проводили социализм в жизнь. И все же надо признать, что этот трюк очень сильно действует в результате подлинного озлобления, вы-

званного в рабочих деятельностью социал-демократических вождей во время и после войны. Их бесчестное или глупое торгашество, их вполне реальное предательство немало дискредитировали социализм и значительно ослабили его влияние в известных рабочих кругах, еще не созревших до боевой непримиримости коммунизма.

А с другой стороны рекламируют и чувствуют г. Макдональда — социалиста, обратившегося к капиталистической добродетели, козыряют им, «как в обществах трезвости козыряют излечившимся алкоголиком», — говорит (правда, только из зависти и личной вражды) г. Сноуден. А достижения СССР крадут у народов, прячут от них.

Неореакционеры, естественно, прежде всего стремятся создать рабочую профсоюзную организацию. Мы знаем, что об этом думают Муссолини и те, кто состоят суфлерами при Гитлере. Не так давно г. Андре Тардые ясно заявил: «Чтобы преодолеть мировой кризис, достаточно действительного государственного контроля над профессиональными союзами». Как раз по этому принципу и организована система корпоративного государства, выставляющая себя напоказ в Италии и Германии, закулисная — во Франции. Это — режим палки и грубого милитаризма, приводящий в восторг г. Круппа: каждого рабочего превращают в фабричного солдата, в двуногий автомат.

Но главное оружие фашизма в борьбе с социализмом — это национализм.

Национальное единство и величие, вешает он, возможно лишь в том случае, если мы раздавим интернационализм — основную причину беспорядка, нищеты и гибели. Стало быть, бей иностранцев, бей инородцев, бей евреев, особенно — социалистов, особенно — коммунистов.

Национализм — движущий принцип фашизма. Это тот шовинистический алкоголь, в чашу которого идет перегруппировка приспособляющегося капитализма. Это — его дрожжи.

Сила, в самом деле, значительная: самая примитивная, самая страшная, самая жестокая. Этот яд приводит в иступление сотни миллионов людей. Мифы об интересах нации, о национальной чести сводят с ума даже самых бесцветных самых нейтральных граждан, а уж пустую крикливую молодежь и подавно. Национализм — это самый глупый из инстинктов ибо, передаваясь, как зараза от соседа к соседу, он слепо ведет к катастрофе.

«Мы, и только мы!» — вот общий лозунг, избавляющий от дальнейших размышлений и далеких перспектив. Ценнейший лозунг, который оотвечивает жизненным интересам богачей, попов, военщины и глупости прочих.

Итак, на последний и решительный бой общественная реакция выходит в обличьи так называемого морального и национального возрождения, попирающего социализм и свободу, в обличьи сильной власти по-солдафонски ставящей себя выше критики. Это — полиция капитализма, разросшаяся в партию.

Подобной чепухой фашизм забил и продолжает забивать головы налогоплательщикам; так пытаются преодолеть кризис теми самыми средствами, которые вызвали старческий маразм капитализма. Фашизмы различаются между собой лишь по внешности, по существу все они одинаковы.

Сколько бы ни занимались игрою в «народность» и в карикатурный социализм, сколько бы ни выкрикивали громких слов о революций, плановой политике и антифашизме, сколько бы ни спекулировали на пролетарских принципах, — так называемая доктрина национального обновления, утвердившаяся в Италии, в Германии, в Венгрии, в Польше, на Балканском полуострове, в Португалии, в Австрии, принесшая свободным людям и освободителям ужаснейшую бойню и отвратительнейшие пытки — эта доктрина национального обновления вербующая приверженцев среди молодежи мелкой буржуазии и церковного стада во Франции и других, еще не затоптанных фашизмом странах отличается «народностью» не больше чем новизной. Все это — старый капитализм только приукрашенный, заново выдуженный и милитаризованный. Сквозь доктрину, настолько туманную, что простачкам может показаться сначала, будто их ведут вперед, тогда как на деле их тянут назад, просвечивают все те же огромные основные противоречия.

Капитализм не дает ничего. Фашизм остается и навсегда останется лишь лакировкой на отвратительном хламе, а вся оригинальность, вся изобретательность фашистов сводится к тому, чтобы подобрать цвет для рубашек да уговаривать массы, будто можно питаться дымом.

Это все то же общество, в котором преуспевают лишь за счет разорения других, в котором живут лишь убивая других, общество, которое набрасывает-

ся на новые материки, чтобы воровски взламывать непрочные границы и заставлять туземцев платить за воздух, которым они дышат; отвратительное общество, где нельзя быть честным, не будучи дураком, где выборы фальсифицируют волю населения, где человек эксплуатирует человека, где человек убивает человека, где великие социальные катастрофы лишь отодвигаются лжерешениями, где карнавалами пытаются замаскировать вулкан..

Такой системе не дано уничтожить кризис. Напротив: чем дальше развивается национализм, тем ближе он к гибели.

Он не несет ничего, кроме смертного приговора. «Порядок», возвешаемый буржуазией, это мертвый порядок кладбища посреди современного хаоса.

К чему это приведет? К войне. И снова — свинные рыла противогазов, толпы, бегущие навстречу насильственной смерти, маршевые эшелоны — похоронные дроги живых, залитые металлом поля, разрушенные деревни, задыхающиеся в подземных убежищах народы.

Но война — это также и социальная революция, широко рассеваемая по бороздам окопов и очагам городов.

А пока что единственный шанс на победу этой программы иллюзий, грубого обмана и гибели — помимо блестящей приманки национализма — грубая сила, сила государства. Ведь все правительства Европы и Америки являются фашистскими или префашистскими.

Капитализм катится под гору по всем статистическим кривым, цифры увлекают его вниз, он экономически развалился, — но политически еще силен. Банкроты вооружены до зубов. Они уже не могут стоять на ногах, но в их руках — пулеметы, танки, бомбы, армии, отъехавшие жандармы, годные в экспонаты на сельскохозяйственную выставку. В их руках — суды (тюрьмы), газеты, школы, дипломатия и наступательные союзы. В их руках — законодательство, они фабрикуют законы, как монету. Они создают инфляцию законов. У них есть все, чтобы «освободить» страну от свободных людей, грабить слабых, злоупотреблять цивилизацией, разжигать патристические чувства мелкой буржуазии до эпилепсии, до смертельного исхода, расточать плоды труда — и всеми этими средствами еще ненадолго поддерживать эру упадка и разрушения.

Итак, имеется шесть частей света: пять старых и одна новая. Повсюду, кроме советского материка, правительства — это враги народа.

Все народы, загнанные в свои страны, как в стойла, все народы, посаженные в концентрационные лагеря, которые обнесены государственными границами, — равны, и советский народ не выше их. Каждый народ велик, каждый заслуживает уважения. Живая масса священна. Ненависть к вожакам капитализма, которые издали кажутся безумцами, а вблизи оказываются негодяями, — неотъемлемая часть уважения к народам: к великому германскому народу, к великому итальянскому народу, к великому английскому народу — и ко всем остальным (а вернее — к единому и единственному народу).

Правительства, повсюду злоупотребляющие властью, которой они не имели бы, если бы все было подвергнуто честному пересмотру, — ведут себя в своих странах либо как палачи, либо, когда им нужно убедить несчастных, будто они исцелят их, — как шарлатаны и гипнотизеры. А друг с другом они занимаются крючкотворством и до смешного сложным мошенничеством, — в открытую нельзя вести такую политику, при которой усиление одного возможно только за счет явного ослабления других.

Все это — через множество предварительных соглашений и подготовительных конференций — приводит к росту вооружений. И полная свобода пушечным фабрикантам: они очень любезно продают свои товары будущим неприятелям. (Вспомним, кстати сказать, знаменательный прецедент: во время войны, на болгарском фронте французских солдат расстреливали из французских 75-миллиметровых орудий; во время войны с риффами французских солдат убивали из французских винтовок. Г-н Шнейдер-Крезю контролирует и эксплоатирует чешские заводы Шкода, поставляющие оружие Германии и толкающие Гитлера к войне. Недавно Жан Сеннак заявил на конгрессе радикалов — и опровержений не последовало, — что Шнейдер продал Германии 400 танков и что один французский завод, находящийся на юго-западе, продает ей же материал для производства взрывчатых веществ. Такие двусторонние заказы идут своим чередом и в других местах. Не так давно Китай и Япония совместно обратились к одному из своих

общих поставщиков, чтобы побудить его снизить цены на орудия смерти (действительность переходит в карикатуру!).

От Балтики до Средиземного моря все страны скованы торжествующей капиталистической разрухой.

Началось с Италии. Резня рабочих и революционеров, омерзительный террор, жестокости и угнетающие воображение своей изощренностью пытки, каких не знала инквизиция; всеобщее порабощение при помощи революеров и танков, медленное умирание в сочащихся заразою тюрьмах.

Громкоговоритель мировой реакции Муссолини появился на общественной арене, как социалист чистой воды, в тот момент, когда иностранные капиталисты еще утопали в золоте, когда достаточно было стать предателем, чтобы пойти в гору. Сегодня убийца Матеотти и тысяч его братьев вознагражден за все свои предательства и преступления заговором молчания, что так характерно и позорно для нашей эпохи. Он привил Италии свою славу.

Глава чернорубашечников, некоронованный король итальянцев только перекрасил фасад Италии, но ничего положительного не сделал, — разве что сократил число итальянцев. Разорение не перестает распространяться по стране, ныне экономически самой слабой в Европе после Германии (фашизм — «возродитель человечества»!). В Италии, — где учителя преподают в мундирах, где рабочему, даже если он имеет работу, нечем кормить детишек, — ради оживления торговли канонизируют новых святых. Там царит молчание в наморднике, там — показательный порядок ради туристов.

Не так давно этот напыщенный Пролаза, — внешней политикой он занимается и как игрок, и как шантажист (он в ней и ревизионист, и антиревизионист, что хотите, только бы быть на переднем плане и получать хороший гонорар за роль арбитра), — заявил, что Италия находится на дне пропасти и «ниже упасть нельзя»... «Врач, акушерка, учитель, инженер — все это роскошь. Если их будут требовать повсюду, станет еще хуже», — заявил раззолоченный прохвост, не так давно пускавший своим соотечественникам пыль в глаза умопомрачительными трюками и обещаниями. Наконец, Италия считает своим долгом добиться путем провокаций завоевания единственной независимой страны в

Африке — Абиссинии, насчитывающей десять миллионов населения¹.

Германия свастики (свастика — две скрещенных виселицы). Рабочий класс этой страны сопротивляется героически, ему предстоит все переделать заново. Гитлер — со своей чолкой, лицом негодяя, квадратными усиками, вылезающими из носа, и маниакальностью пьяного моралиста — был выдвинут к власти двумя старыми пройдохами — Гинденбургом и Клемансо (ведь злодейская нелепость Версальского договора есть единственный, хоть на что-то похожий аргумент этого бандита!).

Гитлер держится избиениями рабочих, военными парадами и радиооркестрами, инсценированными судебными процессами, убийствами канцлеров, любовными раздорами своих телохранителей (ночь 30 июня, политико-романтический скандал).

Этот потрошитель евреев остается не чем иным, как громкоговорителем и агентом капитализма. Теперь, когда он короновался свержением императора, политика его состоит в отказе от национал-социалистической программы, вознесшей его на трон. Чтобы угодить могущественному рейхсверу, он вычеркивает из этой программы все, что в результате игры словом «социализм» могло бы сбить с толку впавшую в детство Германию и показывать демократическим. По мере надобности он ликвидирует все недоразумения при помощи ночных налетов.

Он сжег книги, он сжег рейхстаг, он пытается поджечь Европу.

И это может ему удалиться. У государственной машины, с высоты которой разлагольствует Гитлер, есть страшные рычаги. Все силы, все средства полужадушенной, но все еще необычайно жизнеспособной великой страны, всеохватывающая германская администрация, твердое доверие к дисциплине, еще живущее в некоторой части населения, — все это брошено на лихорадочную работу вооружений. Цель — пока не наступил полный экономический крах, добиться какого-нибудь эффектного результата. Сегодня германский рабочий, занятый в производстве, получает меньше, чем несколько лет назад получал безработный (нищета — хороший советчик). На фоне германского скандала растет моральный авторитет коммунистической партии. Война — единственный

¹ Последняя фраза вписана Барбюсом от руки в экземпляр, с которого переводилась книга. (Ред.).

выход для Гитлера, не имеющего никакой положительной программы. Как только он почувствует себя достаточно вооруженным и заручится союзниками, он сбросит маску¹. Никогда еще ни одну страну не вовлекали в авантюру так откровенно.

В Австрии правительство не хочет прибегать к услугам иностранного бандитизма, только свой собственный! Рабочие должны убивать национальную армию и полицию (официально) и хеймвер (официозно) — не иначе. Канцлер Дольфус, расстреливавший трудящихся осеня их крестным знаменем, маленький христианский канцлер, хорек европейского зверинца.. Его самого убили, тем не менее он остается убийцей.

На Балканах, как и в Италии, уже лет пятнадцать не прекращается белый террор. Болгария — это официальный притон: массовая резня, лес виселиц (людей тысячами вешают, разрубают на куски, сжигают живого, уродуют, калечат, вырывают ногти и волосы, выдвигают внутренности мужчинам и женщинам, протыкают животы раскаленным железом, — и сколько еще таких приемов распространяется почти по всем европейским странам! Один их невероятный перечень — это крик проклятия нашему веку)².

Во главе точно такого же режима — развеселый румынский король Кароль и ныне покойный Александр сербский, главный палач и убийца сербов и прочих народов, без разбора отданных Сербии Антантой. — человек, сделавшийся королем потому что несколько бандитов пробрались ночью по лестнице в туалетную комнату и прирезали

¹ С тех пор, как эти слова были напечатаны во французском, а также и в ряде других иностранных изданий книги, Гитлер уже сбросил маску». Он возвестил *ich bin der Herr*, что довооружение Германии, в результате которого она, вопреки Версальскому договору, выдвигается в первый ряд великих держав, стало совершившимся фактом. В марте 1935 года в Германии восстановлена всеобщая воинская повинность и открыто провозглашены захватнические планы, направленные прежде всего на восток (Примечание внесено автором в экземпляр с которого переводилась книга. — Ред.)

Широкая пресса делает вид что не знает о попытках. Казни — большие праздники. В Венгрии, когда вешают революционеров, — млеют от восторга элегантные дамы, родные сестры парижских буржуазок, которые зонтиками выкалывали глаза пленным коммунаркам. В Софии казнь Фридмана, осужденного без всяких доказательств за покушение на взрыв собора, собрал до 50 000 зрителей и была заснята на киноленту.

мужчину и женщину. Однажды Сербия уже дала предлог для войны: 1914 год, Сараево. Она попыталась вновь заняться тем же самым и стала прилипать к Венгрии, точнее, к правительству Хорти, — этого регента палачей-садивов и покровителя будапештских фальшивомонетчиков, — за то, что оно давало убежище террористам. Усташи, получающим плату от «наци», при этом Сербия воспользовалась неожиданным огорчением, причиненным смертью короля Александра той части югославского населения, которую этот добрый король не успел еще перерезать. Но дело было начато не вовремя, и предлог провалился. Несколько выше по карте Европы — Пилсудский, нечто вроде звероподобного короля Убу приходящий в бешенство от одного вида рабочего (он расстреливает безоружных забастовщиков первомайских манифестантов). Как только Франция, обеднев, потеряла возможность содержать польское правительство на свой счет, Пилсудский нагло предал ее. Дальше — мудрый президент Массарик, так же любящий демократию и чрезвычайные постановления как и ненавидящий рабочий класс, и Швейцария, славящаяся ныне не только тем, что она является обителью мира, резиденцией Лиги наций, где говорят лишь о мире, как в церквях говорят лишь о любви, — но и тем что она стала столь же свирепо-негостеприимной, как Англия. Впрочем во время войны Швейцария взялась за посредничество в торговле военными припасами между всеми воюющими странами.

Во Франции г. Думерт исчез из обращения, и никто, кроме его самого, об этом не жалеет. Не то чтобы у него были дурные намерения завидя лаврам старого рубаки Гинденбурга, г. Думерт, поддерживаемый авантюристом Тардье, страдал манией чрезвычайных полномочий и рассылая по радио сладкие призывы «кошелек или жизнь»; произнося пораженные сахарной болезнью речи, он хотел сначала ограбить французов, а потом придушить их. Он твердо шел по пути увеличения военного и полицейского бюджета, по пути государственной реформы, недавно состряпанной г. Тардье и уже напоминающей своего родственника — фашистский режим, разгулявшийся у соседей.

Но г. Думерт хотел итти по этому пути слишком быстро. И накануне роспуска Палаты депутатов ему пришлось выйти из игры. Преемник его ведет

роль «национального героя» несколько тактичнее. Находясь, подобно г. Думергу, между г. Эрри и г. Тардые, которые стали неразлучными, он прадолжает политику чрезвычайных декретов. Он не так откровенно соблазняет государственной реформой, но зато резко подчеркивает в своей рекламе слова о «национальной экономике». Что могут сделать в данных обстоятельствах слова? Для борьбы с кризисом принимают решения, годные ровно на такой срок, какой нужен, чтобы увидеть, что они никуда не годятся. Правительство не борется с кризисом, а бежит от него. И, подобно всем предыдущим, не выносит на свет чреватое осложнениями дело Ставиского. Во внутренней политике — оно хочет работать «спокойно». Оно требует: доверия (положитесь на нас), политической передышки (уважайте политику правительства), общественной честности (мы замнем все скандалы), священного единения (всех иностранцев — вон!). Во внешней политике — тот же запутанный театральный сценарий сближений, торга и разговоров *a parte* (в сторону).

Французская империя, колонии? Чтобы извлечь честный доход из эксплуатации покоренных и наказанных народов, торжественно созывается широкая французская имперская конференция. Доход равен нулю. А между тем, ограбленное туземное население всей Африки уже давно приговорено к изнурительному, смертоносному труду. Его превратили в домашний скот, в пушечное мясо, в объект обложения. В Габоне, где чернокожее население тает на глазах, негру приходится продавать жену, чтобы уплатить налог. В экваториальной и западной Французской Африке неуплата дани в пользу грабительской цивилизации влечет за собою разрушение деревень и избиение жителей. В Марокко отнимают жен за недоимки. В Индо-Китае туземцев используют на постройке железных дорог, — можно сказать, там на каждую шпалу приходится по труп. А если хоть один патриот поднимет голову, то этого злодея убивают во имя Отечества.

Другие государства, официально еще не ставшие фашистскими, изо всех сил фашизируются сверху.

В Испании взрыв народного гнева четыре года тому назад вывел из страны монархический режим, но на смену ему пришла — увы! — компания республиканцев, возбуждающихся при

виде всего, что напоминает красное, как испанские быки. Начали они с расстрела забастовщиков, с убийства рабочих и крестьян, которые дали им власть. А теперь зверски топят в крови революцию, вызванную бесстыдной фашизацией правительства Лерусса. Сегодня наследники революции 1931 года и костлявого Альфонса XIII — это Хиль Роблес и его католическая, фашистская организация «народного действия». Революция 1934 года, достигшая в Астурии такого размаха и глубины, — эта жертва трусости социалистов и предательства анархистов, — остановлена, но не задумана. Она даже не обезоружена. Поступь масс сотрясает почву Испании.

Официальная Англия — страна классического империализма, эгоистической, хищнической политики традиционной буржуазной империи. Великобритания будет последней цитаделью мировой реакции.

Ужас перед раскрепощением трудящихся, ненависть к человеческой свободе проглядывают сквозь хитроумное лицемерие и ханжескую мудрость правителей Англии; этот страшный ареопаг деспотов-дельцов, словно прокатный стан, моментально сплющил вождя рабочей партии, который попробовал войти в его состав. Ужас и ненависть проглядывают сквозь так называемый либерализм Ллойд-Джорджей и подобных ему господ.

От изворотливой политики Муссолини, забываящегося прежде всего о том, как бы пригладить блеск своему личному престижу и выставить напоказ в анналах современной истории свой росчерк главного паразита Италии, — империалистическое хищничество британской дипломатии повелительницы Интеллигенции Сервис отличается невозмутимой последовательностью. Сэр Освальд Мосли собирает чернорубашечников: но вряд ли фашизм этого вида так скоро утвердится в Англии: во-первых, сопротивление масс очень сильно, во-вторых, в данный момент господствующий империализм в этом не нуждается.

В Индии где британское правительство сеет цивилизацию с тяжелых бомбовозов (так, по крайней мере, утверждают английские газеты) и при помощи пулеметов и окованных железом дубинок калечит и топит в крови огромные массы безоружного и покорного населения, — гандистское непротивление стало равнозначным бойне. Раболопный мечтатель, враг прогресса,

Ганди предал 350 миллионов человеческих существ. Тот, кто мог спасти Индию, не сделал ничего. Будем остерегаться мессий, выдающих себя за светочи.

А в других странах? Господство военной касты в Японии ведет к военному перерождению ее экономики, Япония превращается в чудовище. Она изо всех сил пытается создать самую сильную армию, самый сильный флот в мире. Она стала главным покупателем оружия и военных припасов на мировом рынке. Ее несчастные, ослепленные солдаты пойдут, куда прикажут, как только военная партия сочтет себя готовой.

Военная клика правящая японской империей, недовольна вашингтонским соглашением, установившим для нее в морских вооружениях коэффициент 3, тогда как Англия и США получили по 5. Она требует паритета и отказывается возобновить соглашение. Она хочет большего, она стремится создать восточную империю, т. е. стать неограниченной повелительницей Тихого океана. В погоне за этой мечтой, она на словах объявляет себя носительницей «священной миссии укрепления мира на Востоке» (это Япония — папач Китая!), а на деле старается заручиться благожелательной поддержкой Англии против Советского Союза (что уже удалось), а также против США, которые будут заклятым врагом Японии, пока на земном шаре не появится второй Тихий океан.

В США г. Рузвельт усаживает солидных джентльменов вокруг стола, словно для спиритического сеанса, — в надежде, что им откроется способ решения задачи о квадратуре круга или об экономическом равновесии в условиях капитализма. И чтобы казалось, будто это удастся, он занимается искажением фактов и фашистскими трюками. Он не может не пользоваться такими приемами, а они не могут привести к цели: как можно представить себе упорядочение народного хозяйства в интересах всех граждан, если оно по-старому остается во власти произвола и хаотической диктатуры крупных частных интересов? Общество, как и дом, надо строить не с крыши, а с фундамента. Опыты г. Рузвельта, неизбежно поверхностные и кратковременные, сводятся к тому, чтобы строить социально-экономическое здание с крыши. Это — абстракция и беллетристика. Worse; это мальчишество или жульничество, ибо в конеч-

ном счете все это основывается на капитализме.

Сталин очень понятно объяснил это в недавней беседе с Г. Дж. Уэллсом, которому система г. Рузвельта кажется венцом чудодейственной практики «англо-саксонского социализма» (?). Сталин ценит «мужество, решительность», с которыми г. Рузвельт стремится «свести к минимуму ту разруху, тот ущерб, которые причиняются существующей экономической системой», но отмечает, что корней анархии капитализма г. Рузвельт не уничтожает. Да он этого и не может сделать, ибо американское государство находится в руках частных собственников и г. Рузвельт бессилен. Если бы он действительно перестал служить интересам капитализма, его бы прогнали. Его полумеры не могут дать ничего: они только порождают шумный газетный фейерверк, при помощи их капитализм только пародирует социалистические методы ровно в той мере, в какой это необходимо, чтобы и далее господствовать в полном противоречии с ними.

Но есть и другое. Есть здоровые силы. Есть миллионы глаз, открывающихся под воздействием света.

Пусть ускорит свой шаг это моральное прозрение общества! Слава честным, — но мы вплотную подходим к моменту, когда незнание становится позорным.

Впервые в истории перестроилась коренным образом значительная часть человечества. Весь мир устремляет взоры на Советский Союз и видит различие между ним и всеми развитыми и в то же время отсталыми странами. Долг каждого — возможно скорее понять это различие.

Если в нашем обзоре того мира, в котором паразиты причиняют столько страданий, мы позволили себе увлечься негодованием и гневом, то наше оправдание — бесчисленные раны, наносимые действительностью, необходимость тревожного сигнала. Но остановимся на мгновение, подумаем спокойно, как подобает мыслящему существу, и поставим нечто вроде дилеммы Паскаля:

Что будет? Фашизм или социализм? Что должно победить?

Фашизм, всеобщее распространение националистической реакции? К чему может это привести, если каждый национализм стремится, наперекор всему,

лишь к расширению собственного государства, если на земном шаре осуществилось около 80 таких национализмов и прогресс техники уравнивает их в средствах разрушения? Какое объединение возможно здесь, кроме объединения в ненависти, кроме союзов убийц, стремящихся к барышам? Никогда еще перспектива уничтожения рода человеческого не вырисовывалась о такой научной отчетливостью.

А другой лагерь? Возможно ли всеобщее распространение советской системы? Да. И она хороша для всех, и она — единственно правильный, единственно возможный выход. С какой бы стороны ни подойти к вопросу, — в советском обществе, где все заботится о каждом, где все граждане находят друг в друге опору, где стираются границы, мы не можем представить себе ни одного из свирепствующих среди нас или нависших над нашими головами бедствий.

А между тем, реакции, разукрашенной республиканскими рекламными, беснующимся собственниками вещей и людей, барышникам, спекулянтам, мошенникам, сутенерам — противостоит не только громада страны трудящихся, но и в каждой стране — половина страны, половина мятежная, грызущая свою узду. Во всем мире проступают мощные очертания «второй власти», несущей справедливость и освобождение. Не может быть прочного государства без международной солидарности, не может быть международной солидарности, кроме социалистической.

Мятежные силы растут. Общественная борьба уже принимается в наших странах широкую и грозную форму «единого фронта». Это — объединение трудящихся, которые состоят в левых партиях, а также всех неорганизованных и беспартийных, всех крестьянских, мелкобуржуазных и среднебуржуазных слоев (три последние группы составляют большинство населения во всех странах мира), — объединение для более или менее продолжительного (а в тенденции — постоянного) совместного действия.

Землетрясения распространяются огромными концентрическими кругами (антивоенное и антифашистское движение — душа и жизненный центр мирового единого фронта, основное орудие его координации идет от Амстердамского конгресса 1932 года и Парижского конгресса 1933 года в зале Плейель); они подводят нас к массовым движениям последовательно-ре-

волюционного характера. Дело идет о том, чтобы не допустить войны, чтобы дать отпор фашизму — порождению капитализма — путем наступления всех угнетенных, путем борьбы против самого капитализма. И это — повсюду, рядом с борьбой политических партий. (Эти партии также устанавливают между собою единый фронт: недавно коммунистами и социалистами Франции, Австрии и Италии уже положен почин). Так начинается агитация в массах, мобилизация масс, угрожающих бессмысленному и варварскому старому «порядку».

Цель этого движения живых народов — сбросить мертвый груз правительства, сбросить смертоносный груз барышников.

Для обездоленных, для тех, кому грозит гибель, для приговоренных нет другого выхода, кроме выхода революционного, ибо буржуазный деспотизм уже заранее начал контрреволюцию. На стороне контрреволюционеров — вооруженная сила, государственные учреждения, возможность лгать по радио. На стороне революционеров — то, что «они правы». Это есть наш последний и решительный бой, — гремит гимн масс.

Как может защита Советского Союза не быть одной из целей нашего грандиозного оборонительного наступления?

Все человеческие умы и сердца устроены одинаково. То, с чем мы обращаемся к ним, очень просто: либо люди должны отказаться жить сообща, либо они должны начать историю заново, взять курс на великий пример, на зарево пожара.

Русский народ, первым начавший спасать народы. СССР, единственный социалистический опыт — дают реальное, уже построенное доказательство: социализм осуществим на земле.

Результаты социализма — налицо. Вот они. Пусть паяцы и лисы парламентских трибун не пытаются внушить нам, будто это не так. Вот перед нами страна, где в руках двух великих людей сочетались «русский революционный размах с американской деловитостью», страна сознания и долга, — вот она, с ее жадной истины, с ее энтузиазмом, с ее весной. Она выделяется на карте мира не только тем, что нова, но и тем, что чиста.

Только советская социалистическая власть обеспечила процветание, воспитала гражданские доблести, которые

не имеют ничего общего с омерзительным «кодексом чести» бандитов типа Муссолини или типа Ставиского, блистающих бок-о-бок во всех столицах. Октябрьская революция действительно принесла нравственное и общественное очищение, чего не дала раньше ни одна религиозная или политическая реформа: ни христианство, ни реформация, ни Декларация прав человека и гражданина.

События все яснее показывают живым силам человечества, повернувшимся в сторону грядущего, что все интересы трудящихся — рабочих, крестьян, средних классов интеллигенции — сближаются, что все трудящиеся должны объединиться вокруг рабочего класса. Это не означает, что рабочий класс сам по себе выше других и должен пользоваться какими-то привилегиями; это — справедливый порядок. Ибо у рабочего класса — организованность, общественная сознательность и опыт, ибо рабочий класс является естественным и историческим воплощением борьбы против капитализма, ибо он, держа в руках материальное производство, располагает мощными средствами борьбы. Конкретно: промышленный пролетариат — это кадровая армия. А в военное время действующая армия не командует резервами, а дерется вместе с ними на самых трудных участках.

События показывают далее (следует неустанно подчеркивать эту очевидность): чтобы выйти из хаоса, необходимо практически вступить на путь интернационализма, ибо, хотим мы того или нет, история отныне говорит с нами на интернациональном языке. Даже внутри границ ничего нельзя

сделать, если не действовать через границы. И, наконец, надо отбросить реформизм, соглашения с отжившей бандой, уцепившейся за власть. Лозунги реформизма утратили всякий смысл. Превратив социализм в бессмысленность, вокруг которой безрезультатно топчется рабочий класс, реформизм поистине расписался в своей несостоятельности.

Два мира: социализм и капитализм. Между ними нет ничего, кроме чудовищной иллюзии третьего мира, — «народной» на словах, феодальной на деле.

Объединяйтесь же вокруг этой истины.

Пусть молодежь не обманывают руками молодящегося фашизма, его гнилое свечение.

Самый прекрасный, самый веский ответ на запросы эпохи должна дать молодежь. Она рождена не для того, чтобы отдавать свою творческую силу ополщающим традициям, не для безнадежных попыток заставить земной шар вращаться слева направо. Она рождена для того, чтобы творить новое, согласно с законами науки и природы. Юноша — это отец человека.

Пусть бывшие фронтовики — те, кто остался в живых, — истекавшие кровью, изуродованные свидетели мировой войны, те кто без всякой причины убивали друг друга на фронте в 3000 километров и превратили все свое поколение в самую страшную из гекатомб, — пусть они не идут в телохранители к правительствам новой войны, пусть не идут в жандармы будущей бойни.

И пусть женская половина человечества тоже поймет, что нет мира и порядка вне этих высоких и очевидных истин.

VIII

ЧЕЛОВЕК У РУЛЯ

Вернемся еще раз к образу этого человека. — человека, постоянно находящегося между тем, что сделано, и тем, что надо сделать. (Когда с ним говорят о работе, — излюбленное его выражение: «это пустяки по сравнению с тем, что должно быть»),

На него обрушивается ненависть наших врагов, и со своей точки зрения они правы, — говорит Кнорин. Он — имя нашей партии, — говорит Бубнов.

Это лучший из старой железной когорты. — говорит Мануильский. Старые большевики пользуются уважением, — говорит Микоян, — не потому что они старые, а потому, что они не стареют.

История его жизни — это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это — железный человек. Фамилия дает

нам его образ. Сталин — сталь. Он нестигаем и гибок, как сталь. Его сила — это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей.

После смерти человек живет только на земле. Ленин живет всюду, где есть революционеры. Но можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин — это Ленин сегодня.

Мы уже видели, что во многом он похож на изумительного Владимира Ильича: то же глубокое знание теории, то же чувство реальности, та же твердость. Чем же они отличаются друг от друга? Вот два мнения советских рабочих: «Ленин — это руководитель. Сталин — это хозяин». «Ленин — больше, Сталин — сильнее». Не будем слишком вдаваться в такие параллели: своими неясными определениями они могут привести нас к неверным выводам о двух великих людях, из которых один сформировал другого.

Если угодно, можно сказать, что Ленин, — главным образом в силу условий, — был больше агитатором. Сталину, стоящему во главе более развитой, более укрепленной системы руководства, чаще приходится действовать через партию, через организацию. Сталин сегодня — это не человек больших бурных митингов. Впрочем, он вообще никогда не пользовался приемами крикливого красноречия, — чем только и располагают пробравшиеся к власти проходимцы и преуспевающие проповедники. Об этом стоит подумать историкам, которые будут давать ему оценку. Не такими путями создал и поддерживает Сталин связь с рабочими, крестьянами и интеллигенцией — с народом СССР, с революционерами всего мира, носящими свое отечество в сердцах своих, — а их много больше чем двести миллионов.

Мы уже говорили о некоторых источниках его величия. В чем же основная черта его гения? Бела Кун дает прекрасную формулировку: «Сталин умеет взять правильный темп. Он умеет охватить ситуацию». Бела Кун полагает, что именно в этом состоит характерная особенность Сталина, отличающая его больше, чем все другие: умение ждать, рассчитывать во времени, не поддаваться искушению, хранить грозное терпение. И, мо-

жет быть, именно поэтому ни один революционер в истории так не обогатил практически революцию и не сделал так мало ошибок, как Сталин.

Прежде чем предложить то или иное решение, он много размышляет и взвешивает (много — не значит долго). Он крайне осмотрителен и доверие свое дарит нелегко. Один из его ближайших сотрудников не доверял другому. «Здоровое недоверие — это хорошая основа для совместной работы», — сказал ему Сталин. Он осторожен, как лев.

Это блистательный и четкий человек, — и это, как мы видели простой человек. С ним нелегко встретиться только потому, что он постоянно работает. Когда приходишь к нему в Кремль, то на лестнице и в вестибюле видишь не более трех-четырех человек. Эта органическая простота не имеет ничего общего с показной простотой какого-нибудь скандинавского монарха, благоволящего гулять по улицам пешком, или какого-нибудь Гитлера, по приказу которого все его пропагандисты трубят, что он не курит и не пьет вина. Сталин регулярно ложится спать в 4 часа утра. У него нет 32 секретарей, как у Ллойд-Джорджа; секретарь у него один — товарищ Поскребышев. Сталин не подписывает того, что пишут другие. Ему дают материал, и он все делает сам. Через его руки проходит все. И все-таки он успевает отвечать, — лично или через аппарат, — на все письма, какие ему присылают. В разговоре он прост и сердечен. «Его открытая сердечность», — говорит Серафима Гопнер; «его доброта», «его деликатность», — говорит Варвара Джапаридзе, работавшая вместе с ним в Грузии. «Его веселость», — говорит Орахелашвили. Он смеется, как ребенок.

Когда в Московском Большом театре шло торжественное заседание, которым был ознаменован юбилей Горького, то во время перерыва, в салонах, расположенных за бывшей императорской или великокняжеской ложей, собрались руководящие деятели. Какой адский шум они там подняли! Какой хохот! Там были Сталин, Орджоникидзе, Рыков, Бубнов, Молотов, Ворошилов, Каганович, Пятницкий. Они рассказывали эпизоды времен гражданской войны, припоминали забавные случаи: «Помнишь, как ты свалился с лошади?»... «Да, вот проклятая кобыла! Не знаю,

что о ней случилось...» Гомерический хохот, юношеская жизнерадостность, мощное веселье, сотрясающее царскую драпировку в салонах, — короткая, свежая разрядка великих бурлаков реконструкции.

Ленин тоже умел смеяться от всей души.

«Никогда я не встречал человека, — рассказывает Максим Горький, — который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться»¹.

Кто смеется, как ребенок, тот любит детей. У него их трое — взрослый Яша и двое маленьких: четырнадцатилетний Вася и восьмилетняя Светлана. Жена его, Надежда Аллилуева, скончалась в прошлом году. От ее земного облика не осталось ничего кроме благородно-плебейского лица и прекрасной руки, запечатленных в белом мраморе — на надгробном памятнике Ново-Девичьего кладбища. Сталин усыновил Артема Сергеева, отец которого стал жертвой несчастного случая в 1921 году. Он отечески заботится о двух дочерях расстрелянного англичанами в Баку Джапаридзе. И о скольких других детях. Как сейчас вижу восторг двух маленьких чародеев — пианиста Арнольда Каплана и скрипача Буси Гольдштейна, рассказывавших мне, как они после своего триумфа в Консерватории были у Сталина. Он награждал каждого 3 000 рублей и сказал: «Теперь ты стал капиталистом, — чего доброго, не подозреваешься со мной на улице?»

В том же, если можно так выразиться, ряду, что и смех Ленина и Сталина, — их ирония. Они пользуются ею широко, постоянно. Сталин очень охотно выражает свои мысли в забавной или насмешливой форме.

Любопытную историю рассказывает Демьян Бедный:

«Накануне июльского выступления, в 1917 году, в редакции «Правды» днем

¹ Воображаю, как рассмеялся бы Сталин, если бы до него когда-нибудь дошла, монументальная нелепость, напечатанная в альманахе Вермо за 1935 год: «Сталин расходует на свои личные потребности 250 миллионов в год».

сидим мы двое: Сталин и я. Трещит телефон Сталина вызывают матросы, кронштадтские братишки. Братишки ставят вопрос в упор: выходить им на демонстрацию с винтовками или без них? Я не свожу глаз со Сталина... Меня разбирает любопытство: как Сталин будет отвечать — о винтовках! По телефону!..

— Винтовки?.. Вам, товарищи, виднее!.. Вот мы, писаки, так свое оружие, карандаш, всегда таскаем с собой... А как там вы со своим оружием, вам виднее!..

Ясное дело, что все братишки вышли на демонстрацию со своими «карандашами»!

Но он умеет прятать иронию. Когда в ответ на одно его замечание Эмиль Людвиг воскликнул: «Вы даже не подозреваете, как Вы правы», — Сталин вежливо сказал: «Как знать, может быть, и подозреваю». Наоборот, когда тот же писатель спросил его: «Допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим?» — он без всякой иронии ответил: «Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна». Он смеется громко далеко не всегда, когда к этому есть основания.

Что всегда бросается в глаза: он не стремится блистать, не стремится подчеркнуть свое значение.

Сталин написал немало книг, и книг замечательных. Многие из них являются в марксистской литературе классическими. Но когда его спросили, кто он такой, он ответил: «Я только ученик Ленина и моя цель — быть достойным его учеником». Любопытно отметить, что Сталин, говоря об осуществленных под его руководством работах, всегда относит все достижения на счет Ленина, тогда как значительная их часть принадлежит в действительности ему самому, — да и вообще нельзя проводить ленинизм в жизнь, не будучи творцом. В этом случае слово «ученик» возвышает. Но эти люди пользуются им только для того, чтобы преуменьшить свою личную роль, не выделяться из рядов. Это не самоуничижение, это братство. Невольно вспоминается прекрасная лаконичная фраза философа Сенеки: «Deo non pareo sed assentior» — «я не повинуюсь богу, но соглашаюсь с ним».

Если нелегко понять этих людей сразу, то причина здесь не в сложности их, а в их простоте. Видишь ясно, что этого человека толкает вперед,

поддерживает в трудностях не личное честолюбие, не суд потомков, а нечто другое. Это — вера. В великой стране, где ученые уже начинают действительно воскрешать мертвых, где они кровью труп спасают живых, где излечивают преступников, где великой бурей разогнан ядовитый дым религии, — в этой стране вера растет из земли, как растут хлеба и леса. Вера во внутреннюю справедливость логики, столь глубоко выраженная Лениным, когда с ним заговорили о подлому покушении, сократившем его жизнь, и он ответил: «Что делать? Каждый действует, как умеет». Вера в знание, вера в социалистический строй и в массы, его созидющие, вера в труд, в то, что Стецкий называет бурным ростом производительных сил. «Труд, — говорит Сталин, — стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма». Вера в Закон труда, в коммунистический закон и его яростную честность. Нашей партии «мы верим, — говорит Ленин, — в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи»... «Не всякому дано быть членом такой партии, — говорит Сталин. — Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии».

Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него. В новой России — подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берет свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображен на красных плакатах — рядом с Карлом Марксом и Лениным, — это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал то, что есть, и создает то, что будет. Он спас. Он спасет.

Мы хорошо знаем, что, как выразился сам Сталин, «прошли те времена, когда вожди считались единственными творцами истории»... Но если и следует отрицать ту исключительную роль в событиях, какую приписывает «герою» Карлейль, то не надо все же отрицать его относительно значение. Великий человек — это тот, кто, предвидя ход событий, не следует за ним, но опережает его и заранее действует против него или способствует ему. Герой не выдумывает неведомую землю, — он открывает ее. Он умеет вы-

зывать широкие движения масс — и все же эти движения остаются непосредственными: ибо ему ведомы причины. Правильно применяемая диалектика раскрывает все содержание человека и событий. При всех великих исторических событиях великий человек необходим как организующая сила. Ленин и Сталин не создали историю, — они рационализировали ее. Они приблизили будущее.

Мы рождены для того, чтобы добиться на земле невозможного движения вперед, какое доступно человеческому разуму, ибо в конечном счете высшее, чем мы обладаем, — это разум. Чтобы честно пройти свой земной путь, не надо браться за невозможное, но надо идти вперед, пока хватает сил. Не надо внушать людям, что их избавят от смерти. Надо стремиться дать им полную и достойную жизнь. Надо всеми силами бороться не против неизлечимых зол, присущих человеческой природе, но против зол устранимых — против зол социальных. Поднять над землей можно лишь земными средствами.

Когда проходишь ночью по Красной площади, ее обширная панорама словно раздваивается: то, что есть теперь — родина всех лучших людей земного шара, — и то архаическое, что было до 1917 года. И кажется, что тот, кто лежит в мавзолее посреди пустынной ночной площади, остался сейчас единственным в мире, кто не спит; он бодрствует над всем, что простирается вокруг него, — над городами, над деревнями. Он — подлинный вождь, человек, о котором рабочие говорили, улыбаясь от радости, что он им и товарищ, и учитель одновременно; он — отец и старший брат, действительно склонявшийся над всеми. Вы не знали его, а он знал вас, он думал о вас. Кто бы вы ни были, вы нуждаетесь в этом друге. И кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках того другого человека, который тоже бодрствует за всех и работает, — человека с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата.

Январь, 1935.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	1
I	3
РЕВОЛЮЦИОНЕР ЦАРСКОГО ВРЕМЕНИ	9
II ГИГАНТ	16
ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА	23
III СОЗВЕЗДИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ	33
IV 1917 — 1927. ПЕРВЫЕ КАМНИ	46
V ВОЙНА С ПАРАЗИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ	64
VI 1928 — 1934. ВЕЛИКИЕ ЛОЗУНГИ	77
КРЕСТЬЯНСТВО	87
ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА?	96
VII ДВА МИРА	99
VIII ЧЕЛОВЕК У РУЛЯ	108

Отв. редактор И. К. ЛУППОЛ

Тех. ред. А. БАРИМ

Зак. № 593 7 печ. лист. Авт. л. 12,5 Формат бум. 62 X 94.

Сдано в набор 5/IV — 36 г. Подписано к печати 10/IV—36 г.

Уполн. Главл. № Б—21065. Тираж 300 000 экз. (150 000 + 300 000)

Набрано и матрицировано в типографии «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Москва,
Пушкинская пл., д. № 5.

Отпечатано с матриц в 18-й тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский, 10:

Цена 1 р.

РОМАН-ГАЗЕТА

№ 4-5 1936 г.